

Сергей ОЛЬКОВ

АКЦИЯ

ПРОЗА
ФАНТАСТИКА

Курган, 2022 год

„Автор книги, которую вы держите в руках, уже довольно известен в Зауралье. В 2017 году читатели имели счастье познакомиться с его очень интересными произведениями из книги «Сказки для бывших детей»; в 2018 году Сергей Леонидович Ольков заинтриговал нас названием книги «Хорчел», что означало «Хороший человек», где мы посмеялись над „Блошиным триумфом“ и прошли „Дорогой к Есенину“; а затем в книге „Каппа и другие рассказы“ поиграли в „Космический футбол“.

Это так, вкратце, диапазон его произведений гораздо шире: от восхищений-воспоминаний до безудержной фантазии.

С удовольствием сообщаем читателям, что творчество нашего земляка оценили и за рубежом (хотя это для нас и не решающая оценка). Его произведения 11-ю отдельными книжечками напечатаны в Канаде, размещены в интернет-журнале „Зарубежные задворки“ в Германии.

Для нас главное, что они доступны любому читателю на сайтах Юговки и БИС города Кургана.

Остается лишь поздравить Сергея Олькова с новой книгой под названием „Акция. Проза. Фантастика“, где мы побываем на других планетах, соприкоснемся с реальностью и еще раз порадуемся за многогранное творчество нашего земляка.

Владимир ФИЛИМОНОВ”.

ДЕТСТВО. ЦИРК И.... (рассказ)

Уже не первый год Виктор Петрович привыкал к мысли о том, что живёт в двадцать первом веке. В двадцать первом веке он пошёл на пенсию ветераном железной дороги. Вроде бы значимое событие. Но Виктор Петрович не мог не признаться себе в том, что вся жизнь его прошла там, в двадцатом веке, о жизни в котором ровесники нынешнего века в силу своего возраста не имеют ни малейшего представления, за что заслуживают самого искреннего сочувствия. Да и как иначе, если воспоминания о детстве оставили в памяти самые яркие из всей его жизни страницы. Такие яркие, что ими хочется поделиться и доставить удовольствие родившимся в другое время, на другой планете, так отличающейся от планеты его детства. Виктор Петрович понимал, что картинки воспоминаний привлекают его не столько эмоциональной окраской, сколько теми чувствами, которые он впервые испытал там, в далёком детстве и пронёс их через всю жизнь. Однажды зародившись в душе, они не покидали его.

Чем дольше Виктор Петрович жил в двадцать первом веке, наблюдая за жизнью своих внуков, тем больше убеждался, что ничего подобного в детстве с ним не могло бы произойти, появившись он на свет нынче, вместе со всеми этими ребяташками. Другая жизнь, другие условия, другое воспитание. Поэтому прежде, чем рассказать о том, что кроется за многоточием в названии рассказа, просто необходимо описать жизненный фон времени его детства.

Витьке было пять лет, когда они переехали из своей избы в новый пятиэтажный дом. Вернее, там было два дома, стоявших в виде буквы Г, образовывая уютный двор. Про букву Г Витька узнает позже, когда пойдёт в школу, а до той поры он успел узнать всё и всех вокруг. Отец его работал машинистом паровоза. В те, шестидесятые годы прошлого века, отец уже ездил на электровозах. Витька его практически и не видел. Отец или был в поездке, или спал перед поездкой, или спал после поездки. Такая была работа.

Всему Витька учился во дворе, начиная с первой удочки, которую ему срезали из куста акации старшие парни. Это было началом его рыбацкой биографии, без которой он уже не представлял своей жизни. Он до сих пор помнил всех по именам. Ребятни был полный двор и все как одна семья. Летним утром Витька с первыми лучами солнца выскакивал на улицу через две ступеньки крыльца из своей квартиры на первом этаже. Не всегда мама успевала усадить его за стол. Какое там! Когда столько дел и во дворе раздаются голоса друзей! И целый день на улице. Вечером только хватало сил добраться до постели. Он уже не слышал сердитые слова мамы о том, что опять вся еда на плите за день испортилась. И так каждый день, потому что всем двором уходили на речку, на городской пляж или на рыбалку. Какой там суп?!

Виктор Петрович точно помнил, что понятий «скука» и «безделье» во дворе детства не существовало. Наоборот, всегда не хватало времени на все дела и всегда что-то оставалось на завтра. Другое дело, что некоторые из занятий дворовой ватаги были такими, что спустя годы, вспоминая о них, Виктор Петрович, не задумываясь, «всыпал» бы за такие занятия и себе, и своим друзьям. Но в то время для детворы они казались невинными развлечениями. Взять хотя бы обувной магазин. Казалось бы, какие развлечения может принести обувной магазин? Не вопрос.

Дом Витьки был в виде буквы Г. Вдоль одной стороны дома проходила улица с широким тротуаром, по ней даже ездили троллейбусы, недавно появившиеся в городе. Вдоль другой стены дома был пустырь, где снесли старые дома под новостройку. Со стороны улицы в их доме на углу находился маленький обувной магазин, и название у него было тоже маленькое - «Каблучок». Возле дома, в стороне пустыря, стоял мусорный ящик, куда продавцы выбрасывали коробки из-под обуви. Коробки валялись и вокруг ящика.

Кинокомедий тогда ещё не было, других развлечений тоже, поэтому ребяшня развлекались, как могли. Подкараулив момент, когда на улице не было прохожих, оставляли на тротуаре коробку из-под обуви с кирпичом внутри и устраива-

лись на пустыре в ожидании зрелища. Обычно ожидания длились недолго. Советский футбол в те времена любили искренне и беззаветно, и он того заслуживал своими мастерами и их успехами.

Естественно, вид свободно лежащей на тротуаре коробки у кого угодно мог вызвать «пинательный» рефлекс. Так ведь ещё норовили некоторые разбежаться и со всего маху шибануть по коробке, словно собирались запустить её в воображаемую «девятку» невидимых ворот. Пустырь раздражался диким смехом, на который в окна дома высовывались потревоженные жильцы. Они ничего не имели против таких казусов с прохожими и тоже охотно смеялись, грозя ребятам пальцем. Другое дело - продавцы. Им не нравилось подобное обращение с их тарой и с потенциальными покупателями, которым становилось не до обуви. Обычно после одного-двух «пинков» ребятню разгоняла уборщица с веником, в те времена совмещавшая и роль охранника магазина. Иногда приходилось спасать свои уши, если «футболист» был не один. Тогда уж каждый спасался так, как могли его ноги. Занятие это было не частое и рискованное, но зато впечатлений хватало надолго. Да разве мало было других дел?

Своим детством Витька ещё застал дворовые войны, которые к тому времени «пошли на убыль» и в них участвовали только пацаны помладше, школьники, а взрослых драк к тому времени уже не было. Но Витьке и его сверстникам от этого было не легче. Их двор назывался «привокзальный». Неподдалёку от их двора был железнодорожный вокзал. Вдоль вокзальной площади тянулся, огибая её, длинный дом, в котором жили «вокзальские». Они никогда не заходили во двор к «привокзальным», зато на вокзале ловили «привокзальных» и лупили их, чем сильно осложняли жизнь Витьки и его друзей по двору. Ведь на вокзале продавали мороженое, а в ДК железнодорожников, расположенном на «вокзальской» территории, показывали кино. Хотелось и того, и другого, да чтоб без синяков. Зато какая была радость, если удавалось прорваться и «не нарваться». Поодиночке туда никто не ходил. Несмотря на малый возраст, «вокзальские» были жутко

хулиганистыми, да и за вокзалом водилась слава «злачного места» с его рестораном и «забегаловками», где круглосуточно толпились полупьяные типы.

Вскоре Витьке неожиданно повезло, как никому. Его мама устроилась работать кастеляншей в столовую, расположенную как раз в этом длинном доме на первом этаже. А после того, как он полежал в больнице вместе с Толькой Камшиловым, малолетним главой «вокзальных», Витька мог ходить на вокзал безбоязненно и частенько заходил к маме на работу со двора, через служебный ход. Описание тех проделок, что они творили в больнице, не входит в тему рассказа.

Надо сказать, что от «привокзального» дома до «вокзального» двора проходил только один путь - через скопление барачков. В дождь без сапог там было не пройти, да и те очень легко можно было потерять в болотной грязи. Эти бараки назывались «улица Вотина», а те, кто обитал в них, назывались «вотинские». Им доставалось и от «вокзальных», и от «привокзальных». Но ходить через бараки Витька не боялся. «Вотинских» было мало и они были «никакие». Многие из них приходили играть в Витькин двор и их никто уже не обижал. К Вотинским дворам примыкало болото. Витька с друзьями часто бывали там и катались на сколоченных из всякого хлама плотках. «Вотинские» мирно делились с ними своим болотом. За это им разрешалось играть в футбол во дворе. Вскоре болото засыпали, и в школьные годы Витька с ватагой по вечерам играли в войну среди земляных барханов. Но лучше всего играть в войну было на стройках. Вокруг их дома были новостройки. Когда строители уходили, стройки превращались в арену военных действий.

Разве можно сейчас представить такое?! Чтобы какое-то чадо полезло играть на стройку, да ещё в войну? Сейчас в войну играют, лёжа на диване, нажимая кнопки компьютера. Бескрылые существа. Не вырастут крылья, когда под тобой мягкий диван.

Разве мог Виктор Петрович не благодарить двадцатый век за своё детство, наполненное событиями, друзьями, впечатлениями, а не оупляющим виртуальным миром, заслоняющим настоящую жизнь?!

Летом играли на стройках в войну, а с наступлением осени, уже в школьные годы, приступали к другим делам. Парни постарше руководили теми, что помладше, но весь двор участвовал в этом, опасаясь остаться не у дел. Ведь придёт зима, и тебя просто не пустят всем двором на каток, если ты не был замечен в строительстве «коробки», как старшие парни называли каток с деревянными бортами. Вечерами по команде собирались и со строек таскали в темноте доски, брёвна на столбики для «коробки» во дворе. Потом старшие из добытых досок сколачивали «коробку». Младших к этому не допускали, как и к заливке катка зимой.

Весь двор сбегался смотреть по первому морозу, как Кузьма, такая у него была кличка, раскатывал шланг от дома до катка. Он подавал воду шлангом через форточку своей квартиры на первом этаже. Облепив «коробку» со всех сторон, все в тишине наблюдали за его действиями. Можно было услышать в толпе чей-то

возмущённый голос: «А ты чего тут делаешь? Ты доски не таскал с нами!». И в ответ: «Сам ты не таскал! Побольше твоего!». За этим следили строго.

Разве можно забыть то детство, где жили одной большой семьёй, одними интересами?!

Разве можно спорить, что в те времена одним из таких интересов не только для детей, но и для взрослых, был цирк. Для Витькиного городка цирк можно было назвать событием городского масштаба, что случалось в те времена не каждый год. Это был не просто цирк, а цирк ШАПИТО. Витька учился в четвёртом классе. Осенью должен пойти в пятый класс. Это запомнилось. Это трудно забыть. В этом году проснулась его душа. Может, рано. Так получилось.

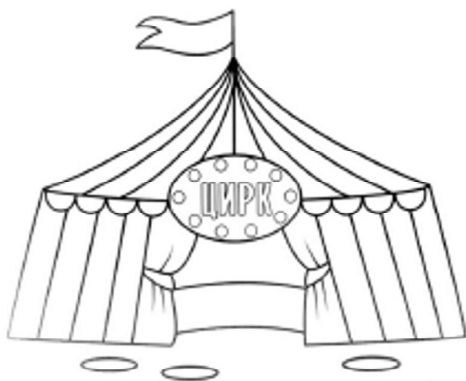
Витька ещё не слышал слова ШАПИТО. Оно было непривычным, непонятым, таинственным, как и всё то, что окружало цирк. В те годы, в двадцатом веке, никто ничего не объявлял и не рекламировал.

В один из летних дней они вдруг увидели, что на пустыре, между засыпанным болотом и ДК железнодорожников, как в сказке, вырос невиданный шатёр. Неважно, что он был из выцветшего, когда-то зелёного, брезента. Это был настоя-

щий шатёр, и был он не ниже ДКЖ. Надо было задрать голову вверх, чтобы разглядеть верхушки железных мачт, торчавших из него. Целыми днями Витька с друзьями проводили вокруг шатра, заворочённо обходя его вокруг. Тут же толпились и «вотинские», и «вокзальские», не замечая друг друга, стайками бродили

мые пацаны неизвестно с каких улиц. Это была «нейтральная территория», объединившая всех любопытством и уравнивавшая всех одним единственным желанием - попасть в заветный шатёр, пройти внутрь по деревянным ступенькам, что высоким крыльцом торчали над землёй и заканчивались перед задёрнутой ширмой. Это был

настоящий цирк! Что там, за этой ширмой, разглядеть было невозможно, даже если бы она была распахнутой настёжь по причине высоты, на которой заканчивалось крыльцо. Шатёр возвышался над всей привычной жизнью и для него все были одинаковы - «вокзальские», «вотинские», «привокзальские». Все они для него были зрителями.

Цирковой шатёр магнитом тянул к себе ребятню, нарушив привычный ход жизни. Если снаружи своим видом он так манил к себе, то что же там, внутри?! Кого мог оставить равнодушным этот вопрос?

Рядом с высоким крыльцом стояла ярко раскрашенная будка с маленьким окошечком, с надписью над ним «КАССА». Вокруг шатра, примыкая к нему с обеих сторон от входного крыльца, располагались вагончики. Они стояли полукругом, один за другим, образуя двор, территорию всех тех, кто был причастен к цирку. Проникнуть туда было невозможно ни под вагончиками, ни между ними. Всё было надёжно закрыто деревянными щитами. Оставались небольшие щели между вагончиками, такие узкие, что через них можно было с трудом разглядеть полоску двора и не более того. Но подглядеть так хотелось! Какая она, цирковая жизнь? Какие они, артисты?

Новые запахи, что привёз с собой цирк, оказались гораздо доступней, чем ответы на волнующие вопросы. Обходя в очередной раз цирковой городок из шатра и вагончиков, Витька уловил запах, от которого в другой ситуации просто брезгливо сморщил бы нос, как истинный горожанин. Из-за вагончиков ветер разносил вокруг отчётливый запах навоза. Это так не гармонировало с яркими плакатами и афишами на вагончиках и вокруг шатра, с громкой музыкой из динамиков, слышимой даже у них во дворе. Но это был запах цирка! Запах неведомой для них жизни. Этот запах имел право быть, если цирк привёз его с собой. Никакого сомнения тут не было. Даже этот запах манил и дразнил воображение.

Сейчас, спустя много лет, Виктор Петрович уже не помнил, как и с кем он впервые попал в цирк. Он помнил другое. Помнил, что почти каждый день он с другом Мишкой ходил на представления. Нет, денег на билеты у них не было. Они попадали на второе отделение, после перерыва. Обрато в цирк пропускали по контрамаркам, вот по ним он с Мишкой и проходил. Но как доставали эти контрамарки, он уже не помнил, какая там была хитрость с их стороны. Невозможно только было забыть сами контрамарки - настолько они были желанные, эти картонные квадратики голубого цвета, дававшие право смело пройти внутрь мимо контролёра. Войти и окунуться в мир цирка, в мир его запахов, звуков, в мир его красок и зрительского многолюдья, в котором было так уютно сидеть на деревянной цирковой скамейке.

Витька долго не мог признаться себе, что волновало его совсем не это. Совсем не ради циркового зрелища почти каждый день он пропадал в цирке и тасил туда своего друга Мишку, ничего не подозревавшего до тех пор, пока Витьке стало совсем невмоготу, потому что душа его томилась. Невмоготу настолько, что он признался другу в своём душевном беспокойстве, названия которого он не знал. Понять этого Витька не мог, того, что творится в душе. Его просто каждый день тянуло с неодолимой силой в цирк, где успокаивалась душа, чтобы потом, вечером, после представления, снова испытывать эти, щемящие душу, волнения, не подвла-

стные его пониманию. Он не отдавал себе отчёта в том, за чем он таскает с собой Мишку. Не представлял, что может быть по-другому. Ведь до сих пор они были вместе каждый день. Теперь каждый день Мишка сидел с ним рядом в цирке, а Витька сидел, и слушал, как бешено колотится его сердце. Казалось, он слышит где-то под горлом его оглушительный стук, отдающийся в висках, рвущийся наружу, туда, к арене, где солидный дядька с усами, во фраке, с галстуком-бабочкой, на весь цирк громогласно объявляет: «А сейчас, уважаемая публика, вас ожидает зрелище!». После этих слов дядька переходит на крик: «Иллюзионный аттракцион Дун Цен Фу! При участии самой маленькой актрисы Жанны Вань Шу Шань! Встречайте!».

После этих слов Витька переставал замечать всё окружающее. Сознание его воспринимало только маленькую гибкую фигурку в ярком гимнастическом костюме с блёстками, с красной розой, украшавшей её причёску. Её красивое лицо никак не вязалось с китайским именем, хотя вместе с ней на арену выходил явно китаец, низкорослый, пожилой, с жидкой бородкой. Сначала он показывал фокусы, а она ему помогала. Ну что это был за фокус? Даже Витька «раскусил» его секрет. Китаец, якобы, выпивал молоко из пиалы, медленно запрокидывая голову с пиалой вверх. Потом опускал пиалу вниз и побалтывал из стороны в сторону, показывая всем, что от его «заклинаний» молоко снова появилось. С такой пиалой Витька и сам бы стал фокусником. Китайцу было далеко до его маленькой помощницы. Про него забывали, когда она начинала «фокусы» со своим телом. На маленьком столике с тремя ножками она творила чудеса акробатики, которыми восторгался весь зал. В завершение номера она вынимала из причёски розу и оставляла её на столике у себя под ногами. Наступала полная тишина, когда она медленно, через спину, изгибалась назад, головой вниз, и зубами брала розу со столика, изогнувшись колесом. Виктор Петрович до сих пор помнил даже мелодию, которую исполнял оркестр во время её выступления. Зрители каждый раз оглушительно хлопали, изо всех сил. Длительное время не отпускали её своими овациями. Это

был последний номер программы.

Витьку «отпускало» только тогда, когда он вставал со своего места. Ему пришлось признаться Мишке, словно поделиться страшной тайной, в том, что он ходит смотреть на неё, на девочку со сказочным именем «Жанна» и не может оторвать глаз от маленькой артистки. Даже её имя завораживало и вызывало волнение, которое он не мог успокоить. Витька с трудом сдерживал раздражение, если Мишка в разговоре называл её Жанкой. Это царапало его слух. Он был благодарен другу за то, что тот не посмеялся над ним, над его признанием. Может, потому что Мишка был младше на год и привык во всём слушаться Витьку, считая его авторитетом во всех вопросах. Так или иначе, но Мишка один знал об этой «тайне» и поддерживал друга, как мог, в его ежедневных походах в цирк.

Витька пытался ругать себя, разозлиться на себя за бессмысленные волнения и переживания, за то, что всё это впустую. Он видел и мог видеть ЕЁ только там, на арене цирка, и нигде больше не сможет увидеть. Нигде и никогда. Он понимал это, но от этого было не легче, а ещё тяжелее. У него не было хвоста, но теперь он жил с таким ощущением, что кто-то невидимый наступил ему на хвост и держит, как бы он ни дёргался. Держит и не пускает с друзьями на пляж, на рыбалку. Не пускает играть в футбол, в войну, не пускает бегать по стройкам и лазить в чужие огороды. Откуда у него взялся этот хвост, и кто приколотил его к цирку, к этой удивительной девочке с удивительным именем «Жанна»? Что с ним происходит и куда девалось ребячья энергия и мальчишеская беззаботность? Он не задавал себе никаких вопросов. И ему их никто не задавал.

Вокруг кипела жизнь. И взрослая, и детская. Витька словно наткнулся на столб среди кипения этой жизни и замер, подчиняясь тому, что кипело не снаружи, а у него в душе, там, откуда до сих пор не исходило никаких «помех» для его мальчишеской жизни. Он не умел и не знал, как с этим справиться. Витька просто терпел и каждый день бесцельно бродил вокруг циркового городка с его неприступностью и цирковыми запахами. Витька не мог увидеть ЕЁ, не мог уйти прочь.

Ему оставалось только бродить вокруг и ждать вечера, когда они с Мишкой снова окажутся в том мире, в котором можно её увидеть. И Витька ждал.

Разве мог он знать, что это проснулась его душа, не зная о её существовании в мальчишеском теле? Так получилось. Потребности души проснулись в нём раньше потребностей и желаний тела. Душа его томилась, а он впервые страдал, не понимая этого. Страдал от своей беспомощности. Страдал незаметно для всех.

Цирк уехал. Начались школьные занятия. Витька потихоньку втягивался в повседневные заботы, дела, занятия. Всё это было снаружи, а внутри оставалось то, что он не мог выпустить и с чем не хотел расстаться. Детство оставалось с ним, но в нём уже не было цирка, не было удивительной девочки с удивительным именем Жанна. Витька не думал о том, что и детство, и цирк, и многоточие души, под которым скрывались его первые страдания, останутся в его памяти на всю жизнь.

Разве мог Витька испытать подобное в двадцатом первом веке? Сомнений у Виктора Петровича не было. Его внуки с первых классов в школе изучали строение тела и его потребности, к мысли о которых приучали, как к физиологическим функциям организма. На уровне животных инстинктов. Какая душа? Какие волнения? Когда телесные потребности требуют своего. В окружающей жизни, всё больше превращавшейся в мир потребления, его внуки, не научившись чувствовать, с ранних лет учились потреблять. Проснулись ли их души? Нет, Виктор Петрович был благодарен судьбе за то, что родился и вырос в двадцатом веке.

Тогда, в детстве, цирк уехал и опустел пустырь возле ДК железнодорожников. Остался только круг жёлтых опилок, словно сердце цирка, где сверкала его жизнь на глазах восторженных зрителей. По вечерам Витька приходил туда до самых

снегов, накрывших и землю, и опилки. Внутри Витька чувствовал непривычную пустоту. Она мешала ему, напоминала о себе своим холодом. С тех пор Витька заполнял её, он не мог её терпеть. Душа требовала своё, не вовремя проснувшись. Видимо, потому что душа - часть природы, а природа не терпит пустоты. Спустя многие годы Виктор Петрович понял это.

С тех пор, сколько он помнил, душа его пребывала в состоянии влюблённости. Никто об этом не знал и не догадывался, и сам Витька не отдавал себе отчёта в том, что у него всегда был «объект тайных вздыханий». Он даже помыслить не мог, чтобы выказать свои симпатии или претендовать на взаимность. В их ребячьей среде это было не принято. Они жили своими интересами и делами, в которых не было ни места, ни времени для общения с какими-то там девчонками. Но что он мог поделать? Душа требовала своё и тело подчинялось ему на протяжении всей жизни, признавая главенство над собой, над своими инстинктами. Продолжалось это до тех пор, пока Виктор Петрович не женился. Но душа всегда была для него тем порогом, через который тело никогда не перешагивало в любых своих желаниях.

В двадцать первом веке Виктор Петрович чувствовал себя жителем другой планеты, с другой жизнью, с другими порядками, законами, с другими людьми, даже с другими детьми. В детстве и юности там, в двадцатом веке, он жил на совер-

шенно другой планете. И название планеты было несколько иное. Если раньше его планету называли «ЗЕМЛЯ», то сейчас ей больше подойдёт название «ЗЕ- ЗЕ - ЗЕМЛЯ». Невозможно произнести название планеты без заикания от страха за её судьбу, что уготовила ей цивилизация, обезумевшая от материальных благ. В двадцатом веке финал этой судьбы не ощущался, несмотря на все войны и бедствия. Виктор Петровичу это ясно виделось с высоты прожитых лет.

Двадцатый век остался позади, но Виктор Петрович знал, что его память всегда будет хранить благодарность к нему и сочувствие к ровесникам двадцать первого века, в котором желание потрепать просыпается раньше, чем желание чувствовать.

10. 2020

СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ (рассказ из серии «Ну и ну!»)

История эта настолько странная, что, не случись она с Виктором Петровичем, он вряд ли поверил бы в её достоверность со слов кого бы то ни было. Но реальность такова, что он сам породил эту историю, без посторонней помощи, а только благодаря своим рукам, ногам и, в большей степени, благодаря голове. История эта является доказательством утверждения, что голова, забитая в любой момент посторонними мыслями, создаёт много проблем остальному организму, а не только лишает его покоя.

Долгое время после этой истории у Виктора Петровича не возникало мысли о том, что у него будет желание рассказать про этот случай. Но время подобно кривому зеркалу обладает свойством придавать юмористические очертания нашим былым невзгодам. Виктор Петрович с облегчением вспоминал ту историю. Понадобилось время, чтобы воспоминания вызвали у него улыбку. Не сразу, но эта улыбка в свою очередь вызвала желание рассказать о случившемся с ним казусе и от души посмеяться над собой. Ведь смехом мы излечиваемся от тех проблем, что сидят внутри нас и не поддаются никаким другим лекарствам. Излечиваемся, чтобы больше не повторять ничего подобного.

Случилось это в один из тёплых майских дней. Уже третий год, как Виктор Петрович вышел на пенсию после тридцати пяти лет работы на железной дороге. Новые ощущения жизни убеждали его в том, что он просто рождён для пенсии, давая ему наслаждение свободой от многолетних обязанностей и от необходимости круглосуточно находиться на дежурной связи с начальством. Полная свобода! Круглые сутки он мог делать всё, что хотел, а не то, что требовалось по работе. Виктор Петрович жил за городом. В тот день он поехал на машине, чтобы в своей бывшей конторе выписать билет на поезд для поездки к дочери, как и в прошлом году. Ему полагался раз в год бесплатный проезд.

Погода была отличная, настроение прекрасное, планы самые приятные. Контора находилась напротив железнодоро-

рожного вокзала за станционными путями, через которые можно было пройти по длинному пешеходному мосту. До привокзальной площади Виктор Петрович не доехал метров пятьдесят. Он знал о тамошних проблемах с парковкой и остановился на маленькой стоянке в виде «кармана», врезанного поребриками в пространство тротуара. При аккуратной парковке водителей на ней можно было вместиться не более, чем трём автомобилям. Стоянка предназначалась для клиентов магазинчика, устроенного в первом этаже жилого дома, тянувшегося вдоль улицы. Его крылечко в три ступеньки было как раз напротив стоянки.

Помимо мыслей о билетах голова Виктора Петровича была забита кучей других забот, главной занозой среди которых была проблема с продажей дома. Уже год, как он выставил на продажу домишко, доставшийся ему в городе от деда и всё это время пытался его продать. Сначала дал объявления в газетах, потом в интернете, потом начал писать объявления и клеить по городу на остановках, у магазинов. Вот и в этот раз приготовил целую пачку, чтобы после конторы расклеить их в этом районе. Даже тюбик с клеем не забыл.

Заглушив мотор на стоянке, Виктор Петрович первым делом зажал в кулаке ключ зажигания прежде, чем выйти из машины. Очень не хотелось повторять горький опыт и оказаться возле машины с захлопнутой дверью и ключом зажигания в замке. Невозможно было каждый раз объяснить себе каким образом он умудрялся моментально выскакать наружу, занятый своими мыслями, вспоминая о ключе зажигания только тогда, когда не обнаруживал его в своих руках. Всё потому, что у него не было в машине сигнализации. Чтобы не пользоваться лишней раз ключом, при выходе из машины у него вошло в привычку блокировать клавишу двери и захлопывать её. Уже не раз бывало, что захлопывал он дверь снаружи, забыв ключ внутри. Началось это ещё до выхода на пенсию и над этим успели посмеяться парни на работе. Не только смеялись, но и шутили советовали сменить работу на пенсию при таких чудачествах. Ему и самому было смешно. Что ещё оставалось в такой нелепой ситуации?

На этот раз всё прошло удачно. С ключом в кармане он дошёл до конторы и оформил свой билет на поезд. Дорога в контору и обратно, оформление бумаг, болтовня с кадровичкой Мариной заняли не больше получаса. Он свернул с привокзальной площади на улицу, подошёл к стоянке и замер, как вкопанный. Стоянка была пуста! На ней не было ни одной машины. В голове всё перемешалось. Вроде бы в мире, вокруг, ничего не переменилось. Те же дома вокруг, та же улица. Редкие прохожие. Проезжают мимо автомобили. Светит солнце. Но всё вокруг воспринималось как-то по-другому. На том месте, где должна быть его машина, было пусто! Виктор Петрович почувствовал себя неудобно, словно в мире образовалась дыра там, где недавно стояла его машина. Он казался самому себе скрюченным в позе вопросительного знака, вззирающего на мир из этой дыры. Виктору Петровичу показалось, что окружающие дома злорадно улыбаются ему своими окнами. Они всё видели. Видели, как садилась в его машину и уезжали на ней. «Может, кто-нибудь видел в окно?» - мелькнула мысль, и он огляделся вокруг. Улица пустынна. На привокзальную площадь выходило три улицы. Эта улица всегда была самой тихой из них. Он представил, как кто-то специально сидел и наблюдал за стоянкой в ожидании нужной добычи. Этой добычей оказался он и испытывал теперь странное состояние. Не было отчаяния, паники, истерики. Словно всё происходит не наяву, а во сне. Он проснётся, и всё закончится. Не хотелось верить

в случившееся, не хотелось мириться с мыслью, что прежняя жизнь закончилась, а жизнь без колёс он вообще не мог себе представить. Жизнь без рыбалки, без грибов, без дачи, без возможности в любой мо-

мент оказаться в любом месте. Как такое возможно и как жить без этого? Он не представлял. Но к этому надо было привыкать. Мысли лихорадочно крутились в голове: «Машина - это ещё не всё. А деньги? А паспорт? А документы на машину и права? А билет? Всё было в машине и всё «накрылось медным тазом». Какая теперь поездка к дочери? В багажнике были все инструменты. И «болгарка», и ручная циркулярка, и электродрель. Всё пропало. Считаю, надо начинать новую жизнь. Даже до дому, за город, добраться проблема. Деньги остались в машине.

Виктор Петрович снова огляделся вокруг и увидел позади крылечко магазинчика. Он подошёл и обессиленно сел на ступеньку. Не было желания войти в магазин и опросить продавцов. Он хлопнул рукой по карману куртки и обнаружил там мобильный телефон, который считал пропавшим вместе с машиной. Виктор Петрович спохватился, быстро набрал номер полиции и ему ответил женский голос.

- Алло! - заговорил он на удивление спокойным голосом. А чего было волноваться? Всё самое плохое, что могло случиться, уже случилось. Теперь можно было не волноваться. Он был, действительно, спокойным:

- Алло! У меня машину угнали только что.

- Какая марка? Цвет и номер машины. Ваша фамилия, - услышал он. Ему стало неловко от того, что он причиняет людям беспокойство своими проблемами, которыми они должны будут заниматься или хотя бы делать вид, что занимаются ими.

- Машина «Хёндай Солярис». Серебристого цвета, - он назвал номер, свою фамилию и адрес прописки.

- Где Вы находитесь?

Он назвал улицу и номер дома, у которого стоял.

- Ожидайте! К Вам подъедут!

Ну вот и всё. Он уже смирился с фактом и начал первые шаги в новой жизни. В жизни, где не будет машины. После тридцати лет водительского стажа, начиная с незабываемого «Запорожца».

Тут Виктор Петрович вспомнил про жену. В тот день она уехала с подругой на её машине, чтобы показать дорогу к

бабке-экстрасенсу, за тридцать километров от города. Он взял и позвонил ей, в последний момент решив ничего не говорить. Зачем? Дома всё узнает. Зачем спешить?

- Алло! Вера! Вы когда обратно поедете? - начал он осторожно. - Я вас буду ждать на привокзальной площади. Я с вами домой поеду, - он быстро отключился, не дожидаясь расспросов. Виктор Петрович был уверен в реакции жены. Она сразу поймёт, что он опять захлопнул ключ в машине. Не в первый раз. Ну да ладно, пусть пока хоть так думает. Он продолжал сидеть на крылечке, но тут раздался звонок с незнакомого номера:

- Алло! Вы никуда не уходите! Мы сейчас подъедем! - прозвучал мужской голос и отключился. О нём помнили.

Виктор Петрович понимал, что его ожидание и их прибытие ни к чему не приведут. Так, чистая формальность для него и ещё один «глухарь» для них. Одним больше, одним меньше. Какая разница? Но через всё это надо было пройти, чтобы засвидетельствовать и зафиксировать своё новое «безмашинное» состояние. Он был готов к этому. Мысли снова вернулись ко всему тому, что осталось в машине. И права. И деньги. Вдруг он почувствовал, что какая-то тяжесть неудобно оттопыривает карман его брюк и машинально похлопал себя по карману. Сидя на крылечке, он вытянул ногу вперёд, чтобы сунуть руку в карман. В руке у него оказался большой тюбик клея «Момент». Виктор Петрович сидел и бездумно крутил его в руках, ожидая прибытия полицейской команды.

«Стоп!» - неожиданно замер он, уставившись на тюбик:

- Ни черта не пойму. Откуда у меня этот тюбик? - Он продолжал вертеть его в руках, словно очнувшись. - Ведь я ходил в контору. Выписывал билет на поезд. Я должен был вернуться к машине с билетом. Клей был в машине. Почему он у меня в руках? А где билет? В машине? Ничего не пойму, - замотал головой Виктор Петрович. - Где билет?!

Тюбик в руках словно вернул его к действительности. Как он мог провалиться из неё? Как такое может быть?! Он вскочил на ноги и начал шагать взад - вперёд вдоль крылечка, ничего не замечая вокруг, полностью углубившись во всю

ту мешанину, что окончательно его запутала.

- Зачем мне тубик? - начал рассуждать он. - Тубик мне нужен для объявлений. Зачем мне объявления? Я хотел их расклеить. Стоп! Где я хотел их расклеить? Я хотел их наклеить на остановке, что на вокзальной площади. Если спускаться с моста по пути из конторы, то вокзальная остановка справа, а стоянка моей машины здесь, в улице, слева от моста. Точно! А ещё я хотел их наклеить дальше, у торгового центра, что за вокзальной остановкой. Так почему же тубик у меня оказался?

Виктор Петрович тупо пялил глаза на злосчастный тубик и ничего не понимал. Он медленно прошагал до конца улицы, к выходу на вокзальную площадь. Прошёл через площадь и подошёл к вокзальной остановке автобуса. Если бы в это время светила луна в небе, а не яркое солнце, то Виктор Петрович своей походкой напоминал бы лунатика, направляемого вперёд лунной энергией, а не собственной волей. Он машинально остановился. На остановке была большая

доска объявлений, плотно залепленная бумажными листками. Глаза его не могли не увидеть знакомое объявление о продаже дома. Он не мог не узнать крупные буквы своего почерка. Впоследствии Виктор Петрович не мог самому себе с уверенностью сказать, что он специально дошёл до остановки. В тот момент, он точно помнил, не было у него никаких мыслей и желаний. Всё получилось само собой. Дошёл до остановки и увидел...

Как такое могло произойти и что с ним случилось? Но только возле доски объявлений Виктор Петрович вдруг вспомнил. Как он мог всё забыть? Тряхнув головой, он пошёл не в улицу, откуда пришёл, а направился дальше, за остановку, к торговому центру с обширной автомобильной стоянкой. С каждым шагом от остановки память словно возвращалась к нему после долгой мучительной отлучки неизвестно куда. Он точно не мог бы сказать, куда она отлучалась. Но он всё это воочию чувствовал - и отлучку, и возвращение, потому что в голове у него наступало просветление. Всё это время он не испытывал ни паники, ни истерики, но у него не было и спокойствия в душе.

Теперь оно возвращалось. Возвращалось вместе с уверенностью человека, почувствовавшего себя в нужное время в нужном месте. Он оказался там, где надо, на стоянке возле своей машины! Она была рядом, перед ним и улыбалась своими боками, блестя на солнце.

Его чувства в тот момент мог бы понять только человек, испытывавший подобное. Небытие, из которого вернулась его память, вернуло ему машину. Нет, этим он был обязан тюбику клея. Тюбик клея заставил его задуматься и вернул к реальности. Тюбик вернул ему память.

Виктор Петрович открыл машину и в изнеможении плюхнулся на водительское кресло. «А как же полиция?». Он поспешно достал телефон и нашёл последний входящий:

- Алло! Должен вам сказать, что я нашёл машину!

- Как нашли?

- Да так получилось. Сам не пойму. Поставил её в одном месте, а пришёл за ней в другое место.

- Ваш звонок зафиксирован. Вы должны приехать в отдел и написать объяснение!

- Хорошо! С удовольствием подъеду! Готов даже к тому, что мне за это дадут в морду! Готов сам себе дать в морду! Сам виноват и готов понести наказание! Зато вам большой плюс. За полчаса угнанную машину нашли. Готов подписать любые бумаги в знак благодарности.

Телефон ответил гудками. На другом конце линии связи никого не интересовала его благодарность, но радость его

от этого ничуть не омрачилась. Виктор Петрович сидел в машине, приходил в себя от пережитого, возвращаясь к ощущениям обычной жизни. Он всё равно не мог понять, как можно было забыть такое.

Но он не помнил! Не помнил, как после конторы вернулся на стоянку в улице, сел в машину и перегнал её к торговому центру. Вышел, наклеил объявления, после чего прошёл на вокзальную остановку и наклеил объявления там. И вместо того, чтобы вернуться назад, к торговому центру, утопал дальше в улицу на прежнее место стоянки, где окончательно впал в ступор. Как можно такое объяснить с точки зрения нормального среднестатистического человека? И как на него посмотрят после такого объяснения? Его это ничуть не волновало.

Радость обретения утраченной было машины перехлёстывала все остальные чувства. Кроме того, он не мог не радоваться другому - тому, что вовремя ушёл на пенсию в свои шестьдесят лет. Какой спрос может быть с людей в таком возрасте на серьёзной работе, связанной с риском для жизни, а не в кабинетных креслах? Ему бы не хотелось участвовать в аванюре с увеличением пенсионного возраста и случившееся с ним только подтверждало его отношение к способностям пожилых людей. В молодости вряд ли подобное могло с ним произойти. Годы берут своё, и дай Бог, чтобы последствиями этого были только добродушные усмешки, как в его случае.

Виктор Петрович привычно включил зажигание и с радостью тронулся со стоянки в райотдел полиции. Казалось, что машина разделяет его чувства, послушно подчиняясь командам рук и ног хозяина. За окном автомобиля мимо проплыли картины улиц родного города, возвращая в его душу удовольствие от вождения машины. Жизнь опять ему казалась уютной и приятной. Вскоре он подъехал к нужному зданию. Перед высоким крыльцом Виктор Петрович неожиданно остановился. Он вспомнил про жену и позвонил ей:

- Алло! Вера, вы где сейчас?
- Едем в город.
- Езжай прямо домой! Я сам доберусь! Всё, конец связи!

- он поспешно отключился и вошёл в райотдел. Заведение это вернее было бы назвать районным отделом полиции, поскольку внутреннее его убранство не имело ничего общего с раем, и встретил он там совсем не ангелов.

За стеклянной перегородкой сидела женщина в полицейской форме. Он объяснил ей цель своего визита. Женщина отвлеклась от своих бумаг на столе и посмотрела в его сторону:

- Как же Вы так? Вроде не пьяный, чтобы так шутить. Свою машину потеряли, - говорила она спокойно, без тени раздражения.

Виктор Петрович ожидал более сурового приёма, не представляя, как можно относиться к человеку после таких заявлений и как бы он сам относился к такому человеку. Он понимал всю нелепость своего положения и был готов ко всему.

- Заранее согласен со всем тем, что Вы мне скажете, - начал он. - Никогда такого не было. Сам не пойму, хоть убедите, как такое возможно, - развёл он руками. - Готов понести наказание, если полагается. Признаю, что виноват.

Со своей радостной улыбкой на лице он скорей походил на счастливого именинника, чем на раскаявшегося грешника. Женщина сунула в окошечко чистый бланк:

- Пишите объяснение на имя начальника. Опишите, как всё было.

Она снова уткнулась в бумаги, не проявляя к нему интереса или желания применить в отношении его более суровых мер.

Виктор Петрович не заставил себя ждать и изложил на бумаге свою версию происшествия, которое он принял за угон машины. Его дело маленькое - попросили - он написал, а чего там

подумают про всё это - его не касается. Переписывать изложенное его не заставили. Но этим всё не кончилось. Женщина вышла с ним на улицу и несколько раз сфотографировала его автомобиль, отказав ему в просьбе сфотографировать его вместе с автомобилем. Видимо, в данном случае автомобиль для полиции представлял гораздо больший интерес, чем его недотёпистый хозяин. Прежде, чем уйти, женщина предупредила:

- Если возникнут какие-то неясности, то Вам позвонят.

Но ему больше не позвонили. Всё ещё не веря себе, что так легко отделался, Виктор Петрович поспешил скрыться в машине и укатил прочь от районного отдела полиции.

Может быть и удаётся некоторым людям прожить жизнь, ни разу не оказавшись в таком дурацком положении, но Виктор Петрович понял, что он не из таких. Ему не дано похвастать таким фактом. Тем более он не может знать заранее какой конфуз может приключиться в будущей жизни его, пенсионера. Лишь бы этот конфуз не причинил вреда другим людям. А юмор - он всегда поможет пережить любой конфуз и превратить его в смешную историю. Дело даже не в количестве смеха, а в отношении к ситуации.

05. 2021

ТАНИЮШКИН ДАР (рассказ)

Она слышала, как в коридоре затихли радостные голоса, хлопнула входная дверь и в доме всё стихло. Ушли последние пациенты, а их голоса словно продолжали звучать в комнате, наполняя её радостью. И неудивительно. Разве могли эти молодые родители неделю назад подумать, что их сынишка начнёт говорить после четырёх лет молчания?! Для них ещё долго будут чудом его первые слова в пять лет, которые он сделал, как первые шаги. Сколько за эти годы было поездок в разные города, клиники, институты! Везде одно и то же. Оплаченные счета и бессильное недоумение специалистов, тёплое сочувствие, от которого они устали.

Но это свершилось! Они нашли спасение там, где не ждали. Их ребёнок обрёл дар речи, а они неожиданно для себя обрели крылья, веру в то, что есть ещё на Земле Добро, помогающее людям, когда никто не может помочь. Это открытие дорогого стоит, и сделавший такое открытие даже весь мир начинает воспринимать по-иному.

В доме осталась одна хозяйка. Дом давно привык к непрерывному потоку гостей каждый день. Но для хозяйки дома это были не гости. Все они были её пациентами со своими проблемами, болезнями, невзгодами. Сколько их было за тридцать лет? Кто их считал? Ей это было не надо. Все годы она чувствовала, что дом её наполнен теплом благодарности всех этих людей за те Добрые Силы, что им помогают в этом доме.

Хозяйка погасила свечи, догоравшие на чёрном подносе у стола, встала и прошла на кухню. Пора ужинать, но для неё наконец настало время обеда. Поставила кастрюлю на плиту, включила электрочайник, улыбнувшись своим мыслям. «Забавный этот Дениска. Сейчас у него всё пойдёт на лад. Болтать будет без умолку. И родители у него славные. Особенно мама. Мама». От этого слова заныло сердце, как в детстве. Пройдёт ли когда-нибудь эта боль? У неё не было в детстве таких родителей. Осталась только память о маме, причиняющая боль.

С какого возраста человек помнит себя? Наверное, каждый по-разному. Для неё в этом не было вопроса. Память жила в ней вместе с той болью, что поразила её сердце в пять лет. В тот год умерла её мама. С пяти лет началась жизнь в детском доме в соседнем селе. В пять лет человек ничего не умеет, но ребёнок уже понимает боль утраты. Эти ножницы тяжело рванят тех, кого горе застает в таком возрасте.

В новом доме вокруг неё шумела ребятня и невозможно было найти уголок, где можно спрятаться и не видеть ничего, кроме маминых глаз. Единственным тихим местом был лазарет, где первые дни и лежала Танюшка, не в силах реагировать на окружающее, не замечая приносимой еды, которой её насильно кормили. На маленькой кровати она напоминала неподвижный, скомканный в комок листочек, сорванный с дерева жизни ветром судьбы.

После выхода из лазарета долгое время она не походила на шумных и бойких питомцев детского дома. Глаза мамы не отпускали её. Она видела их в окно по ночам в перемигивании звёзд. Днём она искала её лицо в небе среди облаков. Ей казалось, что там, из-за облаков, мама смотрит на неё. Надо только дождаться, когда облака разойдутся прочь. И она ждала, замерев и запрокинув голову вверх, а ветер шелестел листвой на деревьях, вселяя надежду. Она ещё помнила мамини песни, повторяла её слова.

Детей каждую неделю водили в баню. Идти надо было по узеньким кривым мосткам без перил через речушку на другой берег. Весной она походила на речку, а летом напоминала широкий ручей. Ребятня выстраивались в цепочку и перебирались на другую сторону. Нет, ничего там сложного и опасного не было. Для Танюшки опасность была в другом. Уже на середине мостика она глянула вниз. Внизу журчала вода в своём течении меж берегов. Но зачем ей, Танюшке, на тот берег? Там нет мамы. К чему всё это? Она хочет к маме. Вместо того, чтобы шагать прямо, она ступила в сторону и полетела вниз. Вода сомкнулась над её головой. Она испытала облегчение. Она идёт к маме. Но вместе с лёгкостью она вдруг услышала божественную, неземную музыку, когда вокруг всё остальное для неё исчезло - и свет,

и солнце, и звуки, и сама жизнь с суетой, с горем, с бедами. Ничего вокруг не существовало. Музыка заполнила её сознание и это было что-то, не похожее ни на какие другие земные звуки.

Очнулась она опять в лазарете и помимо боли испытала новое для себя чувство. Всю жизнь это её потом удивляло. Она почувствовала ненависть к лицу, склонившемуся над ней. Зачем её спасли? Зачем жить? Мама ждёт её.

- Очнулась? - обрадовалась воспитательница. - Как же ты так? Ни разу у нас такого не было, - покачала она головой и погладила Танюшку по волосам, разбросанным по подушке. Глаза Танюшки были закрыты. Она почувствовала на голове мамину руку. Мама успокаивала её. Незаметно для себя она уснула. Во сне снова звучала божественная музыка. Никто не говорил ей, что бывает такая музыка. Это она поняла гораздо позже, как можно назвать такую музыку, во взрослой жизни, когда дивные звуки возвращались к ней вновь и вновь.

В лазарете дела у Танюшки на удивление всем быстро пошли на поправку. Все были заняты кутерьмой детдомовских дел, и никто бы и предположить не мог о возникновении не детских мыслей в детской головёнке, лежавшей на подушке. У Танюшки больше не было желания прыгнуть вниз. Её вернули к жизни. Она слышала музыку. Эта музыка вызывала в ней совсем другие мысли и желания. Танюшка, не мигая, смотрела в потолок и видела там один вопрос «Для чего я живу?». Откуда в голове пятилетнего такой вопрос? Она никому его не задавала, кроме себя. Все кругом были заняты ежедневными делами. Некогда было задумываться и отвечать на всякие вопросы. Такая была жизнь хлопотливая. С этим вопросом Танюшка вышла из лазарета. Он стоял перед ней всю последующую жизнь. Музыка, звучащая по ночам, словно дразнила её, напоминая об этом вопросе и не давая забыть его. Так продолжалось долго, пока она не нашла своё предназначение и не ответила себе на этот вопрос.

Вскоре после выхода из лазарета была ещё одна попытка сбежать прочь от действительности. Сбежать туда, где ког-

да-то была мама. Детский дом стоял на краю села у самой дороги в её родную деревню, откуда её привезли. В один из летних дней она незаметно выбралась на дорогу и утонула в свою деревню за три километра. В пять лет никто не имеет понятия о каких-то километрах. Она шла в родную деревню, где был её дом. Она знала, что там нет мамы, но там остался брат. Она шагала по улице деревни и спрашивала про Безрукова у всех встречных. Она знала свою фамилию. Деревня была большой. Прохожие указали ей какой-то дом. Она вошла в калитку. По двору ходил безрукий старик, оторопевший при виде гостыи. Её, конечно, вернули в детдом.

Неожиданно тишину кухни нарушил громкий звонок мобильного телефона. Ещё не успев ответить, она услышала встревоженный женский голос:

- Алло! Татьяна Петровна! Извините за беспокойство! Мы вчера были у Вас, привозили сына. Ночью он наконец спал хорошо. Сегодня к вечеру опять начались осложнения. Я не знаю, что делать. Мы завтра не сможем приехать, а ему становится хуже, - но взволнованная речь была прервана:

- Ты скинь мне его фотографию, - спокойным голосом проговорила хозяйка дома. - Я с ним сегодня поработаю перед сном. Не надо куда-то ездить.

- Правда?! Такое возможно?! Я немедленно скину Вам фото. Не знаю, как мы Вас будем благодарить! Не знаю, как всё это объяснить, но после ваших сеансов сын начал спокойно спать впервые за долгое время. Я уже забыла, что это такое - спать по ночам. Огромное Вам спасибо! - неслось из трубки. Голос затих.

Татьяна Петровна отключила плиту, на которой стояла кастрюля, выключила электрочайник, не проявляя к ним интереса. В свои семьдесят лет она выглядела маленькой, даже миниатюрной, а тогда, в пять лет, среди своих одноклассников казалась крошечной и по этой причине её первое время в детдоме не привлекали ни к каким работам. А работы там было великое множество для всех, и это не считая учёбы в школе. Хозяйство в детдоме было большое. Всё было на плечах ребятишек. Огород при детдоме, ферма. Сами садили картошку, сами помогали на ферме, сами заготавливали сено,

дрова на зиму. Осенью всем детдомом собирали урожай своего огорода. Ей сейчас было трудно представить, чтобы в наше время дети имели представление о таком труде.

А в то время Танюшка как-то незаметно сама нашла для себя работу, оказавшись первой помощницей бабы Шуры, старенькой нянечки, для которой детдом был родным домом, как и для всей детворы. Она давно жила при нём, оставшись одна. Обычно баба Шура помогала на кухне, но летом всё свободное время пропадала в полях, в лесу, заготавливая для детдома лечебные травы, всякие корешки, которыми была увешана её комната. Ни в одной другой комнате не было таких удивительных запахов. Так и бродили они везде вместе. Держась за руки, с мешками для трав и корней. Если кто-то попадал в лазарет, баба Шура неотлучно хлопотала вокруг больного, позабыв про все остальные дела. Тут уж в ход шли её настойки и отвары. Рядом всегда оказывалась Танюшка, помогая ухаживать за больным. Не было случая, чтобы в детдом пригласили деревенского фельдшера. Баба Шура всех поднимала на ноги. Частенько деревенские жители заходили к ней за помощью. Для всех у неё находилась нужная травка.

Танюшка хвостиком ходила за бабой Шурой, а та рассказывала ей про все травы, как взрослой, и объясняла, как они применяются. Казалось бы баловство, игра. В те времена никто не задумывался о том, что в игре дети запоминают информацию лучше, чем при всех других методах обучения. Спустя годы Татьяна Петровна не раз удивлялась своим знаниям. Они оказывались на все случаи жизни. Что это было? Для неё самой это оставалось вопросом. Знания даёт учёба. Долгие годы учёбы. Только тогда врач может считать себя грамотным специалистом и помогать людям. У неё не было медицинской грамоты, но её знания помогали людям. Откуда они даны ей? Из далёкого детства?

Если бы она всего лишь знала травы, если бы дело было только в этом, люди не ехали бы к ней со всех сторон. Но как она могла видеть все органы человека?! Увидеть очаг болезни и её причину?! Как? Для неё самой это было вопросом. Травы, знания о них, оказались началом того пути, о

котором она не подозревала, долгие годы задавая себе вопрос «Зачем я живу?». Но первые шаги на тот путь были сделаны там, в далёком детстве. Рядом с бабой Шурой. Началось всё тогда. Спустя годы, она понимала это.

Во дворе хлопнула калитка, знакомый стук в окно кухни, шаги в коридоре. Она уже знала, что пришла соседка Наташа, тридцатилетняя мать троих ребятишек, которая всё привыкла делать быстро - и говорить, и ходить, и управляться по дому.

- Я чего забежала-то, - затараторила вошедшая молодая женщина в проёме кухонной двери. - Смотрю, у тебя все разъехались. Хватилась, лаврового листа нет суп заправить.

- Да ты присядь хоть, отдышись от своих. Как они у тебя?

- Да ничего, сопливят понемногу. В луже опять лазили, пока я в магазин бегала. Сидеть -то мне некогда, побегу я. Опять натворят чего.

- Твой-то на вахте?

- Да. Ещё два месяца ждть. Это уже скоро, - вздохнула Наташа. - Если бы не ты, то и некого было бы ждть нам. Думала, не вернётся с прошлой вахты, когда в больницу там попал. Хорошо хоть, что признался про болезнь. Ладно, что позвонил, проговорился. У меня и мысли не было к тебе обратиться, Татьяна Петровна. Все ведь болтают, что враньё это ваше леченье, чепуха. А Вы по фотографии подняли Толю на ноги. Если бы в разговоре тогда Вы не попросили у меня его фотографию, я бы и не подумала никогда про такое. Он ведь говорил мне, что его там не лечили вовсе. Витамины давали каждый день. Какое лечение, если кормить было нечем больных? В магазин бегали за продуктами! Знаю. Это Вы его вылечили. Пусть болтают, что хотят. Вы мне теперь как родная. Медики забили больницы аппаратами всякими и прячутся за ними от людей, от больных. Придётся в больницу - кругом аппараты стоят, а лечить некому. Ой, заболталась я, побегу к своим гаврикам, - заторопилась она, так и не присев. - Спасибо большое за лаврушку, - уже на выходе из кухни не удержалась и обернулась. - А всё-таки это чудо какое-то. Как так можно лечить по фотографии? Не поверила бы никогда, если бы не Толя. Откуда это у Вас? Это дар

какой-то? Но это здорово, что Вы есть. Спасибо, - кивнула она головой и её шаги уже затихли в сторону калитки. Она всё делала быстро.

Нет, Наташа не ожидала ответа на свой вопрос. Ответа на него не было у самой Татьяны Петровны. Объяснить она это не могла. Разве может объяснить птица, как она летает или как поёт свои удивительные песни, издавая неповторимые звуки? Она просто поёт. Она просто летает. И это видят все. В отличие от лечения болезней. Это видят и чувствуют только те, кто избавляется от них вопреки бессилию врачей.

После ухода соседки снова включила остывший электрочайник. Воспоминания, всколыхнувшие память, продолжали согревать душу и горячить голову. Наташа своим вопросом только усилила градус желания найти ответ на вопрос о её способностях. Откуда они? Что это такое? Но она знала другое, то, чего не могли знать остальные. Она знала, насколько это тяжело. Люди разных профессий считают свою работу самой трудной и физически тяжёлой. Шахтёр, лётчик, космонавт, подводник. Что может быть тяжелее? Кто с этим поспорит? Но пробовали они хоть раз пропустить через себя чужую болезнь? Болезнь, с её болями, приступами оупляющего бессилия, слабости, сжигающей температуры, разрывающего изнутри повышенного давления. Одно дело, когда надеваешь скафандр космонавта или гидрокостюм подводника, и совсем другое дело надевать на себя чужую болезнь. Кому это по силам и по желанию? Испытать ад чужих болезней. Она каждый раз проходит через это. Избавляет человека от болезни, пропуская его болезнь через свой организм. Кому такое по силам? А внешне всё выглядит просто и похоже на баловство. Она всего лишь сидит рядом с пациентом, разговаривает с ним и ничего при этом не происходит. Или держит фотографию перед собой. У любого может вызвать усмешку такое лечение. У любого, кроме тех, кто почувствовал избавление от своих болячек. После этого усмешек не бывает, остаётся только вопрос «Как такое возможно?», но его никто не задаёт. Чувство благодарности человека, ставшего здоровым, не оставляет никаких вопросов.

А для неё всё началось там, в детском доме, с недетского вопроса. Вскоре у Танюшки появились подружки. Спали дети в больших комнатах по двадцать человек. Рядом с её кроватью была кровать её первой подружки Нины. Так здорово было шептаться с ней перед сном в темноте спальни, когда все вокруг тихо перешёптываются между собой. Это были приятные минуты, когда весь детский дом затихал. Две другие подружки, Валюшка и Поинка, были постарше и спали в другой спальне, со старшими.

Большая заслуга директора детдома, Степана Леонтьевича, была в том, что дети никогда не ссорились и жили дружно. Всех называли по именам, без всяких кличек. Вечерами Степан Леонтьевич собирал всех после ужина в зале и играл на аккордеоне, а ребяташки пели песни. Навсегда она запомнила его слова, что о людях никогда не надо говорить плохо. Он учил их, несмышлёнышей, взрослой жизни среди хороших людей. Были в детдоме свои певцы и танцоры. Всегда на праздники приглашали выступать в деревенском клубе. Успевали и работать, и заниматься в кружках. Такая жизнь не могла не нравиться. Но вскоре всё изменилось.

Когда Танюшка закончила пятый класс, их детский дом закрыли, а детей расселили по другим домам. Ей повезло. Вместе с подружками и бабой Шурой они оказались вместе в новом детском доме. Она снова могла помогать лечить больных. Не повезло с новым домом. Это был образцово-показательное учреждение области, где всё держалось на дисциплине. Дети там не столько жили, сколько выполняли бесконечные команды. Неисполнение или нарушение дисциплины наказывалось построением всех детей в коридоре, где они стояли долгими часами. Другая сторона такой жизни совсем не радовала. Дети дразнились всякими кличками, ябедничали, ссорились. Всё это было. Был и побег Танюшки, и заключение в карцер, куда баба Шура тайком носила ей гостинцы. Она никогда не жалела, что закончила школу и закончилась жизнь в детдоме.

В городе их определили в училище с общежитием. Раньше, в разговорах с подружками она мечтала быть лётчиком, а если не лётчиком, то трактористом. В училище им дали стро-

ительную профессию штукатура. Пока учились, занимались в парашютном кружке от военкомата, даже прыгали с парашютом. Но в военкомате медкомиссия отказала в поступлении на лётные курсы. Нужны были здоровые парни, а она весила тогда сорок пять килограммов. Даже для парашютистов это критически маленький вес. Никто не принял серьёз её желание.

Вся страна в то время представляла большую стройку. После училища вместе со всеми поехала в Ташкент. Землетрясение превратило город в руины. За два года работы многие строители получили в Ташкенте квартиры, но она вернулась домой. Жизнь в городе не привлекала её душу. Вернулась в деревню, выучилась на тракториста, как хотела. Но детский вопрос «Зачем я живу?» не покидал её все эти годы. Она не могла забыть небесную музыку, однажды заслонившую от неё всё живое. Это сидело в ней, несмотря на заботы и дела повседневности.

Однажды, лёжа в больнице, в палате на десять человек, ей в руки попал потрёпанный журнал. Статью из этого журнала она помнит до сих пор. Какая-то, неизвестная тогда, целительница Джуна рассказывала о лечении человека по позвоночнику. На картинке нарисованы все позвонки с указанием про каждый из них. Как вправлять и что лечить этими позвонками. Тут же решила испробовать на соседках по палате. Казалось, её пальцы сами нащупывали нужные точки на позвоночнике. Пальцами она видела сами позвонки, наросты на них, утолщения хрящей между ними и пальцы сами знали, что надо делать. Да, она видела пальцами. Глазами это было невозможно увидеть. На следующий день у неё в палате все вокруг улыбались и удивлялись. Бабы - это сарафанное радио, а здесь оказалось больничное радио. Потянулись из соседних палат и уходили довольные.

Теперь не было бабы Шуры, не было трав, но оставшееся с детства желание помочь больным и способности никуда не исчезли. Они всегда были с ней и ждали своего часа. Люди в своих попытках избавиться от мучительных болячек тянулись к ней, подгоняемые отсутствием надежды на помощь важных медиков. И тянулись в неожиданных количе-

ствах, каких она не могла ожидать. После больницы начали приезжать к ней из города. Находили её даже в поле, где она работала на тракторе. Её желание помочь людям, и их надежда на её помощь слились воедино, став ответом на недетский вопрос. Она больше не задавала его себе. Она помогала людям.

Когда наступила «эпоха экстрасенсов», знахари и целители полезли из всех щелей. Они заполнили экраны телевизоров, клубы, кинотеатры, стадионы, демонстрируя свои способности, предлагая свои услуги. Однажды в клубе она вместе с другими добровольцами вышла на сцену к такому экстрасенсу для его «опытов». Но тот её прогнал прочь из зала со словами «Ты мешаешь мне работать».

После этого невольно пришлось задуматься. Задуматься о тех силах, которые не дали ей утонуть, оставили жить на Земле. Значит, они что-то ждали от неё, оставив вместе с жизнью в её детской головке вопрос «Зачем я живу?». Она ничего не знала о существовании таких сил. Оставалось лишь предполагать, догадываться, что тогда, в детстве, из воды её вытащили совсем другой девочкой. Звуки музыки, зазвучавшие в ней под водой, которые слышала только она, могли быть подтверждением её догадок. Те силы, что спасли её, вместе с жизнью наделили её недетским вопросом. Теперь, с высоты прожитых лет, ей представилась ясная картина.

Подобно тому, как сказочный Буратино был наделён Золотым Ключиком для потайной дверцы, этот вопрос «Зачем я живу?» был для неё «ключиком» к её дару лечить людей. Если бы она не задавала его себе, этот вопрос, забыв в сутолоке повседневных дел, то никогда бы не смогла открыть обрётённый дар и даже не догадывалась о его существова-

нии. Как и все вокруг. Работала бы себе на тракторе, пахала землю, пела песни в клубе, жила обычной жизнью. Но вопрос этот с малых лет не давал ей покоя в ожидании ответа. И ответ пришёл, а вместе с ним «открылся» тот «ларчик», где был спрятан её дар лечить людей.

Сейчас, сидя в тишине кухни, забыв про остывший чайник, она была поражена своим открытием. Возможно, это открытие могло произойти и раньше. Всей своей жизнью она шла к нему. Ежедневный поток пациентов был тому доказательством. Ей просто некогда было задуматься над вопросом, который каждый раз она видела в глазах пациентов «Как такое может быть? Откуда такие способности?».

Она встала. Снова включила чайник, окончательно освобождаясь от своих мыслей. Достала хлеб, масло, нарезала сыр. Положила в кружку варенье. Нет, она никому ничего не будет объяснять. Она открыла свой дар и отдаёт его людям. Кому он нужен, тем он поможет. Её дар стал обязанностью по жизни, и никто не знает, какая это ноша. Но она ничего не выбирала. Этот дар дан ей вместе с жизнью, а может быть, в наказание за то, что она пыталась самовольно с ней расстаться. Кто знает. Татьяна Петровна налила чай в кружку.

Завтра будет новый день и новые пациенты. Тепло их благодарности каждый раз доказывает ей, что свой путь она выбрала правильно. Танюшкин дар из далёкого детства принадлежит не только ей. Он служит тем, кто нуждается в нём, но помогает только тому, кто светел душой и верит в Добрые Силы. Она никого не будет в этом убеждать.

12. 2021

ДОМ ДЛЯ АЛТАНАЯ (рассказ)

Он проснулся от лёгкого прикосновения и тут же услышал:
- Пристегните ремень. Идём на посадку.

Приятный голос затих и послышался уже за спиной. Стюардесса продолжала будить пассажиров, разомлевших от монотонной неподвижности. Он даже не успел разглядеть её лицо. Лишь аромат духов напоминал о мимолётном видении. Он с удовольствием попытался вытянуть затёкшие ноги, потянулся, чувствуя, что вдоволь выспался и щёлкнул замком ремня. Щелчки раздавались и спереди, и сзади. Пассажиры понемногу оживлялись, наполняя салон шорохами, приглушёнными голосами.

Он покосился влево. В Москве ещё не успели набрать высоту, как сосед возле иллюминатора пристегнулся, накрылся с головой одеялом и тут же затих. Неужели можно вот так спать, девять часов без обеда и ужина?! Но спящих в полёте никто не будит. Соседом был высокий здоровяк. Если бы не пустующее кресло в их трёхместном ряду, то пришлось бы ой как несладко тесниться, не помышляя об удобствах. Получился бы не рекламный полёт с комфортом, а трамвайная давка.

Он хотел уже было толкнуть соседа, но одеяльная гора зашевелилась и вмиг исчезла, превратившись в скомканное одеяло и пассажира. Раздался громкий зевок. Огромные ручищи потянулись вверх, до багажной полки, на красном круглощёком лице открылись глаза:

- Это славно я поспал! - с удовольствием произнёс сосед, сворачивая одеяло и оглядываясь по сторонам. Его тёмные кучерявые волосы были взлохмачены, щёки покрывала то ли густая щетина, то ли аккуратная бородка. В потёртых джинсах и толстенном свитере, похожем на кольчугу, с воротом под самым подбородком, сосед больше походил на человека, летящего в тайгу, чем на пассажира из Москвы. В таком свитере можно было спать в сугробе, а не под одеялом в кресле.

- Уже подлетаем? Хорошо же я отдохнул в отпуске! Столько

сил на отдых потратил, что еле отоспался! - хохотнул он и подмигнул. - В отпуске спать некогда, да и жалко спать, когда всё хочется успеть. Иначе не стоит летать на большую землю. Зато теперь можно и снова за работу.

Он ничего не успел сказать соседу, да и не смог бы этого сделать, потому что сосед не умолкал:

- Ты, я вижу, тоже на работу летишь в наши края. Говорю так потому, что ваши края в другом месте находятся, не в России, судя по твоей внешности. Твоих братьев тут много, на каждом шагу. Ты, видимо, тоже из тех, - он помолчал и добавил. - Из тех, кто не работает, а делает деньги. У вас ведь там негде работать. Вы у себя там только дворцы себе строите, а сами безвылазно у нас крутитесь. И все вы на одно лицо, - не умолкал сосед. - Шут вас разберёт, - голос его звучал добродушно и не вызывал никаких враждебных чувств. - Вот только молод ты очень. В первый раз, что ли?

Наконец он мог ответить соседу:

- Нет, второй раз. Вторую зиму буду здесь работать. Брат тут у меня. Нашёл мне работу в том году и я после школы прошлой осенью приезжал на всю зиму.

Сосед недоверчиво посмотрел на него:

- И что? Ты по золоту работаешь? А с виду божий одуванчик, - покачал он головой.

- Нет. Я с пушшиной работаю, - он тут же запнулся и замолчал, сожалея о сказанном.

Брат строго-настрого запрещал вести разговоры с незнакомыми людьми о чём бы то ни было. «Здесь не наша земля, здесь не наши законы, - учил его брат. - Здесь Россия. Меньше говори и больше слушай, а лучше, вообще ничего не говори, если хочешь среди чужих законов устанавливать свои порядки». Он привык во всём слушать брата и хотел быть похожим на него. Хотел такой же дом, как у него в Назрани. Он вспомнил и прикусил язык. Но сосед был настроен дружелюбно и к нему, и ко всему миру, что так роднит всех здоровяков на свете.

- Тогда другое дело, а то я смотрю, совсем ты ещё зелёный, с добрыми глазами, домашний, и ни одной золотой фиксы во рту, ни одного шрама на лице. Сразу видно, что не

обжился ещё тут. А как зовут твоего брата? Я ведь многих знаю.

Он замялся и неуверенно ответил:

- Рафик. Он старший брат. Уже семь лет здесь работает.

- Рафик?! Как же, знаю! И не одного. Только ваших братьев у нас тут по

кличкам узнают, а не по именам. Россия тут. Привыкай! Я троих Рафиков знаю, а сколько их на весь край - это я не скажу, и никто не знает. Приисков много, не сосчитать сколько там Рафиков. Может, ты сам знаешь, который из них твой брат, - сосед начал загибать пальцы. - Резаный, Глотка или Чурек? Кто из них твой брат? Хотя сомневаюсь, что ты слышал эти клички. Они сами их не знают. Ведь их так называют за глаза, за их спинами. Понятное дело, они тут на особом положении, кому охота связываться.

Он удивлённо вытаращил на соседа глаза и отрицательно покачал головой, непроизвольно отодвинувшись в сторону, словно в знак протеста, а сосед продолжал:

- Ты другое дело. Вряд ли у тебя есть такая кличка. Не успел заработать, - усмехнулся сосед. - Про себя, точно, ничего не можешь знать.

- Почему не знаю? Знаю, - невольно вырвалось в ответ вопреки всем советам брата. - Гога меня звали здесь.

- Гога? Почему Гога? - удивился сосед.

- Потому что моё имя Гоиг. Так меня с детства зовут дома, - голос звучал сердито.

- Эх, Гога! Неожиданно спохватился сосед. - Сейчас бы пожрать чего-нибудь! всю страну пролетел на одной московской котлете! Дотянуть бы до буфета! Скоро посадка. Пиво в Магадане не сравнить с московским пойлом. Слава

Богу! Родные места снова! - он прильнул к иллюминатору, потеряв всякий интерес к собеседнику. Мыслями и своими желаниями он был уже там, в буфете, где много еды и пива. Всё остальное для него не существовало.

Гойг откинулся на спинку кресла, приходя в себя от неожиданного разговора. К тому, что его здесь звали Гогой, он привык ещё в прошлом году. Помогли советы брата, его слова о том, что вокруг чужая земля, чужие законы и надо среди них жить. Дома, в родной Ингушетии никому бы в голову не пришло обозвать его Гогой. Он стиснул зубы. Сейчас он не мог привыкнуть к мысли, что у его брата тоже есть кличка. Он вспомнил трёхэтажный дом брата в Назрани, его гараж с автомобилями, его новые магазины и стада баранов. У него не укладывалось в голове, что хозяина всего этого могут называть какой-то кличкой, а не уважительным именем. В душе крепла уверенность в том, что здешние законы ему никогда не понравятся.

Сосед молча прильнул к иллюминатору. Самолёт резко шёл на снижение, вынырнув из полосы облаков. В узкой полоске иллюминатора, свободной от головы соседа, Гойг разглядел неровные очертания белоснежных вершин. Сердце его тоскливо сжалось от увиденной картины. «Горы. Родные горы. Когда я их увижу снова? Милые глаза, покрытые густым орешником, как кучерявые спины барашков. А здесь разве горы?! Их никто и не называет горами. Какие-то сопки. Чужие, холодные». Он вздохнул и почувствовал вместе со всеми лёгкий толчок.

Самолёт бежал по бетонной полосе. Полёт окончен. А для него всё только начинается. Он понимал это. И был готов к этому, в отличие от своего прошлогоднего приезда. Теперь он знал, что его ждёт. Гойг плохо знал русский язык, хотя сам он об этом был иного мнения. Русские поговорки он знал ещё хуже. Те поговорки, которые на все случаи жизни. Откуда ему было знать, что испокон веков в России раз на раз не приходится. Однако с первых шагов из аэропорта он понял, что всё пошло иначе, чем в первый раз.

Брат не встретил его ни в зоне прилёта, ни на выходе из здания, на крыше которого слово из громадных букв МАГА-

ДАН встречало и провожало самолёты. Гойг не был готов к такому приёму и в недоумении прохаживался от угла к углу вдоль длинного здания аэропорта со стеклянными стенами. Прибывшие вместе с ним пассажиры успели разъехаться. На площади перед зданием не было ни скопления машин, ни людской толчеи в этот морозный утренний час.

Он не успел замерзнуть, когда его окликнули по имени. От неожиданности он вздрогнул. Ведь он был не дома. Имя осталось там. Гойг обернулся на голос и увидел высокого плечистого мужчину в лётном комбинезоне с меховым воротником, в унтах. На голове рыжая лохматая шапка. Мужчина шёл ему навстречу, махал рукой и улыбался:

- Я узнал тебя по фотографии. Твой брат показывал. Он послал за тобой, да я поздно вылетел, не успел вовремя. Ты не замёрз? - мужчина похлопал его по плечу.

- Нет. А где Рафик? - но тут в кармане дублёнки послышался звук мобильного. Гойг поспешил в здание и достал телефон. - Алло! Слушаю!

- Брат, здравствуй! - услышал он на родном языке, от которого чёрно-белые краски зимы вокруг окрасились в яркие цвета, а морозы чужой зимы отступили в стороны, бессильные перед теплом родной речи. Для него вмиг всё преобразилось, и он закричал, перебивая старшего брата:

- Здравствуй, брат! Я прилетел! Ты где?! Что с тобой?!

Голос брата его успокоил:

- Всё нормально, братишка. Дела! Срочно пришлось уехать. Не получилось встретить тебя. Тебя уже встретили?

- Да! - Гойг посмотрел на мужчину. Тот стоял рядом, сняв мохнатую шапку, и вытирал платком лицо. - Меня встретил какой-то лётчик!

- Это Борис. Он в курсе всех моих дел. Он не просто лётчик. Он мой друг. Всё тебе объяснит и доставит на место. Я тебя не встретил, брат, но зато через пару недель привезу хорошую весть. На следующий год ты будешь в доле со мной и сможешь стать настоящим мужчиной. Твоей Заре не придётся долго ждать! Она скоро будет хозяйкой вашего дома! Рад за тебя, брат! Приеду, всё расскажу! Это твоя последняя экспедиция в лес. Потерпи! Всё! Пока! - и голос затих.

Брату было некогда.

- Пока, брат! - только и успел крикнуть Гойг в умолкнувший телефон.

- Меня зовут Борис, - услышал он, возвращаясь к действительности с чужой речью, с чужими законами.

Мужчина протягивал ему руку, улыбаясь. Добрые глаза, приятные черты лица, русые волосы коротко пострижены.

- Я знаю. Брат только что сказал мне, - они пожали друг другу руки.

- Ты голоден?

Гойг отрицательно покачал головой.

- Тогда пошли. Нам далеко лететь. Я успею всё тебе рассказать.

- Лететь? На чём? - не понял Гойг.

- На вертолёте. У Рафика их три штуки. Он послал за тобой рассылный вертолёт, а сам улетел на бронированном. У него там серьёзные дела, - развёл руками Борис.

Они пошли обратно на лётное поле. Идти пришлось долго. Вертолёт стоял в отдалении, на краю лётного поля. Среди других вертолётов он оказался самым маленьким и ярким. Всю дорогу шли молча. Разгулявшийся ветер отбивал всякое желание говорить. Вертолёт был двухместный. Борис усадил Гойга в кресло позади пилотского сиденья и укутал его шубой. Вторую шубу бросил на ноги:

- Брат приказал. Хотя в полёте будет тепло, не замёрзнешь,

- Борис сунул себе под шапку маленькие наушники с микрофоном и такие же протянул Гойгу: - Иначе шум винтов не даст говорить, а мне надо многое сказать по дороге.

Гойг сидел под двумя шубами и понимал, что ошибался в своих предположениях о ближайшем будущем. Оно уже превратилось в настоящее, в текущие минуты жизни, и эти минуты были заполнены совсем другими событиями. Всё пошло иначе, чем в прошлом году.

В прошлом году он прилетел сюда гораздо раньше. Было начало осени. Что ему было делать в родном городе, опустевшем после выпускного вечера? Ветер жизни раскидал всех его ровесников во все стороны, невзирая на границы государств и названия материков. Он знал, что некоторые

от безысходности подались в боевики, но брат давно предупредил его выбросить из головы мысли об этом. Поэтому он с радостью согласился с предложением брата и улетел к нему в Магадан. Это загадочное название одновременно и манило своей неизвестностью, и ласкало слух своим звучанием. Оно напоминало ему другое название - Магас, словно отзвук главного города его малой родины.

Там, в Магасе, теперь жила его Зара. Ему невыносимо было видеть немой вопрос и молчаливую надежду в её глазах. Она принадлежала ему только по обоюдному согласию, не более того. Семейные узы не могли связать их, пока он не приведёт её в свой дом. Здесь, за десять тысяч километров, её взгляд не так терзал его душу. Брат поможет ему. Он станет мужчиной. Неважно, что ждёт его впереди. Если он выдержал первую зиму, то выдержит и вторую, хотя вспоминать и рассказывать о той зиме не хотелось.

Уютное тепло под шубами располагало к уверенности, разливавшейся по всему телу. Шум винтов был почти не слышен. Они уже были в воздухе, и городок аэропорта скрылся из виду. От него до города добрых полсотни километров. Внизу под ярким морозным солнцем тянулась бесконечная таёжная щетина на ослепительно-белых склонах. Гойг невольно поёжился от мысли, что скоро ему придётся колесить среди угрюмых зарослей, а не любоваться ими свысока из-под тёплой шубы.

- Рафик дал мне все инструкции насчёт тебя, - услышал он в наушниках. - В Магадан ты не летишь! Сразу в базовый посёлок! Охотничий сезон уже в разгаре и охотники на точках ждут реализации и снабжения. Мы сейчас достигнем побережья северней Магадана и напрямую вдоль побережья в посёлок. Там, на базе, всё готово. Рафик сказал, что работа тебе знакома. Он сказал, что всё осталось по-прежнему, у тебя прошлогодние четыре точки в тайге. Ты знаешь?

- Да! - кивнул Гойг спине Бориса. - Я их хорошо помню. Дорога по реке. Я объезжал их два раза в месяц.

Борис только кивнул в ответ и замолчал. Вертолёт летел на небольшой высоте. Всё же Гойгу удалось хотя бы издали

разглядеть Магадан. Справа вдаль он заметил высокие дымящие трубы. Их длинные шлейфы нельзя было не заметить. Он успел разглядеть телевышку, коробки зданий и хаотичные очертания крыш, сливавшиеся вдаль в одно сплошное нагромождение человеческого хаоса. Да, нынче его жизнь здесь начнётся не с отдыха, а с работы. Прощай, Магадан!

Дальнейшие два часа полёта Борис не произнёс ни слова. Гойг успел даже подремать, чувствуя себя комфортней, чем в самолётном кресле. Унылый однообразный пейзаж внизу давно перестал его интересовать.

- Всё! Снижаемся! Прибыли на место!

Борис громко нарушил молчание. Гойг с высоты не мог не узнать посёлок. Одна улица с десятком домишек. В прошлом году целый день добирались до него на вездеходе по каким-то таёжным тропам. Дома стояли на берегу речушки, названия которой Гойг никак не мог запомнить. От посёлка речка десять километров тянулась по тайге и впадала в океан. Между поездками в тайгу надо было чем-то занять время. Однажды он забавы ради прокатился по ней на снегоходе до самого океана. Но покататься по заливу он не смог. Огромные торосы из нагромождения льдин были непроходимы даже ногами. Не удалось на широких просторах выжать из «Ямахи» все сто сорок лошадиных сил, которых он поначалу боялся, пока не научился ездить самостоятельно. А на извилистой речке сильно не погоняешь. Чем ближе река спускалась к океану, тем выше и круче возвышались скалы по её берегам. При взгляде снизу эти крутые склоны напоминали ему узкие ущелья родных гор.

Вертолёт опустился у крайнего домика, где оказалась площадка с притоптанным снегом.

- Вот черти! Опять в футбол играли! И когда они успевают? - Борис засмеялся.

- Да, помню, мы тут играли в футбол! - откликнулся Гойг, почувствовав себя старожилом при виде знакомых мест. Он уже знал, что в этом посёлке зимовали в избах охотники, русские парни. Посёлок не считался его точкой. Четыре его охотничьих точки были в тайге. Там зимовали тунгусы или эвенки. Гойг так и не понял, как правильно их называть. Четыре

охотника. На своём языке они называли себя по-другому. Зато имена их он хорошо запомнил и знал, что ему предстоит делать.

Он не мог знать, что дальше всё тоже пойдёт совсем иначе, чем в прошлом году.

Посёлок выглядел пустынным. Трубы над домами не дымили. Гойга это не удивило. В это время суток охотники обычно в тайге. Охотятся, проверяют капканы, заправляют их на ночь. Посёлок оживлялся к вечеру. Они с Борисом направились к избе, принадлежавшей Рафику, единственной, из трубы которой тянулся дымок. На крыльце показалась знакомая Гойгу фигура. Он не ожидал, что испытает радостные чувства. Как от встречи со старым другом.

Это был Пыж, как называли его молодые охотники. Пожилой дядька, низкорослый, плотного телосложения. Неторопливый молчун. Молчать он любил больше, чем говорить, но его молчание никого не тяготило и не пугало. Он был добродушный, всегда готовый помочь в любом деле. Казалось, что ему приятно было оказаться полезным и сидеть без дела он не мог. Когда-то он тоже был охотником, но это было давно. Уже много лет о тех временах напоминало только его новое имя. Теперь не первый год Пыж был работником у Рафика и занимался всеми хозяйственными делами не только его, но и всего посёлка. Всё хозяйство содержалось образцово. Даже ёмкости с соляжкой, бензином, что заполнялись каждой осенью, были обнесены земляным валом, огорожены колючей проволокой. Пыж вёл хозяйственный журнал. Все работы, расходы и добычу охотников аккуратно записывал каждый вечер, получая от этого удовольствие, как от любого другого дела. Писал он карандашом, напялив на нос нелепые круглые очки. Посёлок был его охотничьей точкой. Пыж отвечал и за снабжение, и за приём добычи от охотников.

Он уже знал, что Гойг прилетит и вышел его встречать. Глядя на него, можно было подумать, что Гойг покинул эту избу пару дней назад. Всё, как прежде. Возле избы тёплый сарай с его «Ямахой». Пыж к снегоходу даже близко не подходил, считая это детской забавой. В его охотничьи годы знали только лыжи.

Встреча прошла в молчании. Пыж пожал обоим руки и впустил в избу. Знакомая обстановка встретила Гойга уютным теплом и аппетитными запахами. На середине стола выстроилась вереница кастрюль, кастрюлек, сковородок. Оттуда по всей избе разносились ресторанные ароматы. Пыж порадовал гостей сытным обедом. В его молчании чувствовалась радость от того удовольствия, которое он доставил гостям. К удивлению Гойга Борис не стал задерживаться. Он после обеда быстро попрощался и улетел. Его ждали в Магадане.

Только после обеда Гойг понял, как устал в дороге. Хотя, казалось бы, какая может усталость? Сиди себе и спи беспробудно. Но в голове шумело, когда они с Пыжом сели пить чай. Тот, как всегда, был в своей шапке. Гойг ни разу не видел его без шапки. Он и спал в ней, а снимал только в бане. Все, кто видел, говорили, что лучше бы он не делал этого. Говорили, что у него от уха до уха через всю голову тянутся три страшных белых шрама. Говорили, что обычно от когтей медведя не выживают.

Прихлёбывая чай, Пыж потихоньку рассказал, что охотники в посёлке все прежние зимуют, проверенные. Охота нынче началась раньше, и он два раза за это время провёл реализацию добычи и снабжение охотников всем необходимым. Тунгусы по рации каждый день трезвонят про сдачу добычи и ждут свои заказы. Ехать надо будет срочно. Но охота нынче хуже. Волки расплодились и наглеют всё больше. Грабят капканы. Охотникам вместо добычи одни лапы остаются. Гойг слушал и был удивлен непривычным многословием хозяина избы. Когда он ложился спать, совсем разомлевший, Пыж присел на краешек кровати:

- Ты нынче поздно приехал. Так не планировали. Так получилось. Не до тебя было. Ты не должен это знать, Рафик не скажет тебе, и я не должен говорить. Но ты ему не чужой. Летом в Рафика стреляли. В больнице лежал. Так вот. Сейчас ничего, снова бегаёт. Как у нас говорят, нет худа без добра. За это ранение у него ещё приисков прибавится. Уладит вот все дела и вернётся. Но это - между нами, - добавил Пыж, помолчав. - Что надо, он сам тебе расскажет.

Завтра я тебе баньку устрою. А послезавтра отправишься в тайгу, сани с заказами уже готовы. Отдыхай! - Гойг лежал и мог только слушать. Его сознание и чувства уснули раньше его самого.

Утром тревога за брата окатила холодной волной вместо душа. «Кто стрелял? За что? Бронированный вертолёт. Зачем?». Гойг понимал, что ничего не знает о жизни брата, и это не могло не тревожить его. Понимал он и то, что его жизнь скоро будет такой же. Среди чужих законов со своими порядками. Он плохо это себе представлял, но выбора у него не было. Оглядевшись вокруг, Гойг обнаружил, что Пыжа в избе не оказалось. «Баня! - спохватился он. - Сегодня будет баня!». Он вскочил с кровати. Если бы не здешняя зима, никогда бы ему не узнать, что такое настоящая баня. Разве у себя на родине мог бы он понять это и оценить при тамошних зимах?! Да никогда! Гойг оделся, умылся, напился чаю из горячего самовара.

Пыж старался всю. Из банной трубы валил дым. Гойг не утерпел и пошёл в тёплый сарай. «Ямаху» можно было завести в любой мороз. Парни быстро научили его ездить на снегоходе и обслуживать все узлы. Это был подарок Рафика. На нём с радостью катались остальные парни, а Гойг никогда не обижался на них за «Гогу». Им так было удобней, это их земля, их обычаи, хоть они и работают на брата. Про кличку брата он от них никогда не слышал. Может, не они придумали её? Да брат никогда и не появлялся в посёлке.

Поначалу Гойг боялся «Ямахи». Он с детства умел ездить на лошади, но его пугала мысль о том, что надо управлять этими санями, которые тянет табун в сто сорок лошадей. Невозможно представить такую мощь. Только освоился он быстро. Управление оказалось простым, а езда захватывающей дух. Сейчас снегоход стоял заправленный. Видно, что на нём недавно катались. Все системы в норме. Ключ в замке. Он с первого раза завёлся от ключа, без помощи ручного стартёра. Пока мотор прогревался, Гойг сидел в седле и с радостью понимал, что ничего не забыл, пробуя газ и сцепление. Машина откликнулась на все команды. «Завтра на работу, в дорогу, а сегодня я покатаюсь!». Он не вытерпел и

погонял по реке, пока не замерз. В его последний день перед экспедицией в тайгу был и обед, и баня с прыжками в сугроб нагишом, и отдых после бани. Не было только встречи с парнями-охотниками. Они жили по своему расписанию и возвращались поздно. Это его не огорчало. Всё остальное будет после возвращения из тайги. Две недели свободного времени. Никто на знал, что этот день будет его последним днём в посёлке.

Вечером Пыж показал ему в сарае гружёный прицеп к «Ямахе». Внешне он походил на палатку с торчащими из-под неё лыжами. Прицеп выглядел громоздким, но снегоход легко мог утащить и две таких палатки по любому снегу. Внутри лежали тщательно упакованные продукты и вещи для охотников по их заказам. Всё было уложено в порядке объезда точек от первой до четвёртой. Для удобства выгрузки. Всё это Гойг знал и не боялся путаницы, но Пыж всё равно его проинструктировал. Канистры с бензином стояли отдельно, тоже по номерам точек. Всё было готово. Оставалось лишь доставить груз по назначению и загрузить добычу охотников. Засыпая, Гойг с радостью успел подумать, что всё опять пошло как прежде.

На следующее утро Пыж дал ему выспаться. День был солнечный, слабый мороз чуть ниже двадцати градусов. Когда завтракали, солнце висело высоко. Но Пыж не волновался:

- Обедать будешь на первой точке.

Гойг знал, что заночует он на второй точке. На следующий день в обед на третьей точке, ночёвка на четвёртой и возвращение обратно. Всё как обычно. Дорога по реке. Заблудиться трудно. Главное, не проскочить свёртки на берег в тайгу, к зимовьям. Гойг эти места мог представить себе с закрытыми глазами. Несмотря на это, Пыж протянул ему на берегу прошлогодний «навигатор»:

- Не забудь свой жи-пи-си. Вы нынче без него в тайге свой костёр за сто метров не найдёте. Давай, удачи!

Гойг сунул коробочку под меховые одежды и тронул свой караван в путь. «Ямаха» словно не чувствовала прицепленного груза. Всё это было ему знакомо - и нетерпеливая дрожь мощной изящной машины, и снежная дорога по реке, и та-

ёжные берега по обеим сторонам дороги. Всё было как прежде, только добавилось ружье с патронами в прицепе, да слова, которые прокричал вдогонку Пыж:

- Берегись темноты! Волки хозяева ночи!

Гойг остался наедине с дорогой и со своими мыслями. В мыслях он был уже на первой точке. Там ему нравилось бывать больше, чем на остальных трёх. Он сожалел, что она первая на пути, а не вторая, где он ночевал. Охотник на первой точке совсем молоденький парнишка, низкорослый, щуплый, совсем не похожий на могучего охотника. Остальные три охотника были гораздо старше, но тоже все низкорослые, как подростки. Если они не пили чай, то курили трубки, дыма которых Гойг терпеть не мог, ему не хватало воздуха в прокуренных чумах, как они называли свои жилища. Он раньше таких не видел, но был бы не прочь пожить в таких условиях. Высокая палатка в форме конуса. Лёгкая каркасная конструкция обтянута покрытием с термоизоляцией, которое не выпускает тепло и не пропускает холод. Внутри тёплый пол с подогревом. Ноги в носках не мёрзнут при любом морозе. Электрогенератор обеспечивает и теплом, и светом, и электричеством. Гойг не ожидал ничего подобного увидеть в тайге.

Охотника на первой точке звали Алтанай. Он жил там с женой. По их лицам трудно было судить о их возрасте. Слишком молодо они выглядели. Старые охотники тоже выглядели моложе своих лет. Если бы не сморщенные лица от постоянного курения, то никто бы не угадал их возраст. Алтанай говорил, что жену ему привезли прошлым летом. Она из тундры, из стойбища оленеводов. Тайга поначалу пугала её. А для Алтаная тайга родной дом.

Он родился в семье охотников. Жену звали Мэнунь. Гойг всё помнил, но голоса её ни разу не слышал. Наверное, она знала только свой родной язык. Когда Гойг с Алтаном пили чай, она сидела в стороне, не сводя глаз с экрана телевизора. Незнакомая речь не мешала ей рассматривать неведомую для неё жизнь. Алтаном не курил. У них в чуме стоял приятный запах уютного семейного дома. Особенный запах, из которого не хотелось уезжать. Каждый раз он привозил им от себя или шоколадки, или коробки конфет. Сейчас его ждала новая встреча с ними.

Встряхнувшись от своих мыслей, Гойг запоздало заметил, что давно проскочил поворот реки, перед которым был свёрток на зимовье Алтаная. Видимо, его нетерпение прогнало снегоход мимо нужного места, пока он был занят своими мыслями. Гойг сбросил газ и остановился. «Ямаха» приятно согревала своим теплом, как разгорячённый конь. Он сбросил капюшон с головы. Тишина. Только здесь впервые он услышал такую тишину, вдали от звуков жизни, от возни человеческого муравейника, словно их и нет на всей Земле, этих звуков. Огромные деревья по берегам чуть качают своими верхушками, словно пальцы природы, предостерегая любого от нарушения этой тишины: «Тише! Это наши владения, человек! Ты в храме тишины! Соблюдай её!». Только в такие минуты и можно испытать подобное. Но Гойг на работе. Он достал «навигатор» и убедился, что проскочил поворот. Надо возвращаться. В следующий раз накатанный след его не подведёт.

Когда он наконец свернул на берег и углубился в тайгу, солнце опускалось за верхушки деревьев. Но здесь он уже не мог заблудиться и без навигатора нашёл дорогу. Оранжевый высокий треугольник среди деревьев он разглядел издали, а тархтенье электрогенератора услышал ещё раньше. Выезжая на поляну, увидел привычный белый прямоугольник с красным кругом внутри, украшавший тент чума.

Японцы давно проникли повсюду, пометив своими товарами и города, и таёжные тропы. Рядом с чумом спутниковая «тарелка» на треноге, чуть поодаль генератор, разгоняющий

таёжную тишину. Всё как прежде, но неожиданно всё изменилось.

Гойг остановился неподалёку от чума. Не успел он сделать первый шаг, как услышал громкий окрик:

- Стой, однако!

Чум был с входным тамбуром, завешенным вместо двери плотной ширмой. Из-за ширмы торчал ствол ружья, направленный в его сторону. Гойг непроизвольно поднял руки:

- Ты кто? Что тебе надо? - спросил он.

Дальше он ничего не успел, потому что услышал за ширмой торопливый женский голос с незнакомой речью. Ствол ружья исчез и наружу вышел пожилой тощий тунгус. Из-за его плеча выглядывала Мэнунь. Тунгус как ни в чём не бывало шёл ему навстречу с невозмутимым видом. Гойг успел привыкнуть к тому, что их лица ничего не выражают в любой ситуации.

- Проходи, давно ждём тебя, однако, - бормотал старик, словно и не было никакого ружья минуту назад.

Но Гойг не двигался с места:

- Ты кто? - повторил он, приходя в себя.

- Мэнунь признала тебя, проходи, - продолжал бормотать старик. - Алтанай сын мой. Я его отец, однако. Вместо него я. Проходи, - кивал головой старик. Первым делом Гойг расшнуровал тент и вытащил наружу груз для первой точки. Коробки, тюки, мешки, канистры перетасили в землянку и надёжно закрыли.

Гойг сделал своё дело. Можно и пообедать. Вслед за тунгусом он вошёл в чум и разделся. Внутри было тепло и уютно. К старым ощущениям прибавились новые запахи и звуки. В чуме стояла детская кроватка. Мэнунь хлопотала возле неё. Гойг кивнул ей, снял унты и уселся на пол возле стола. Стол был тут же, на полу, тепло от которого приятно расслабляло. Тунгус подсел к Гойгу, как к старому знакомому:

- Вот так получается, - покачал он головой, доставая трубку. - Думал, старый я. Алтанай стал охотником. Сын мой. А вот опять я охотник, однако, - он снова покачал головой и от зажигалки раскурил трубку. Мэнунь, как всегда, молчала и накрывала на стол.

- У вас прибавление в семье, - Гойг по-прежнему ничего не понимал.

- Да-да-да, - часто закивал головой старик. - Алтанай сын родился. Внук мой. Охотник будет. Да, - тунгус попыхивал трубкой, заполняя чум дымом.

- А ему не вредно это, дым? - не удержался Гойг. От дыма спазмы перехватывали дыхание.

Но старик был невозмутим:

- Нет, однако. Дед мой курил, отец мой курил. Я маленький совсем был. Вырос. Нет, не вредно, однако.

Гойг понял, что никто ему ничего рассказывать не собирается и начал сам:

- Где Алтанай?

- Сын мой далеко совсем, однако. В больнице он, - тунгус чередовал слова с попыхиванием трубкой, которая нещадно дымила. - Волки порвали. Он троих убивал, но волков больше было. Много волков. Никто не знает, сколько их было. В больнице он. Нога совсем плохой-плохой. Отрезать хотели. Нога осталась, но сильно- сильно хромать будет, а ходить мало будет, - качал головой старик, всё больше скрываясь в дыму. - Мне сказали, что внук будет. Я осенью приехал. Внука ждал. Помогал всяко-всяко. Алтанай сын не дождался. Больница попал. Я помогал мало-мало, роды принимал. Внук охотник будет. Алтанай не охотник. Я тоже не охотник. Лиса, белка, рысь не стреляй уже. Я только капканы проверяй, добычу собирай. Стрелять уже не охотник. От волка ружье, а куница, горностаи, лиса не стреляй, не могу уже.

Гойг оторопел от таких новостей:

- Так добыча есть у вас? - не понял он.

- Есть, однако. Всё сдам. Я не охотник. Не стреляй я, я капканы промышляй, - закивал головой тунгус.

Обед прошёл в молчании. Гойг ничего не спрашивал, а всё внимание старика было занято едой. После обеда тунгус снова закурил. Мэнунь убрала со стола и кормила младенца перед телевизором. Поглядев в её сторону, тунгус заговорил:

- Молодёжь наша, другая жизнь, да. Скоро забудут нашу жизнь. Чужую смотрят по телевизору. Отцы наши с богами

общались. Боги учили их как жить надо, помогать друг другу. Нет теперь богов. Телвизор учит как жить, - он покачал головой. - Чему учит? Чего там смотрят? Зачем нам всё это?

- Надо добычу погрузить, - спохватился Гойг.

- Давай, однако, - согласился старик и встал проворней, чем Гойг. Старик достал из землянки три больших мешка со шкурками.

- Это всё без Алтаная. Это его добыча. Он теперь не охотник. Ему не надо в тайга жить. Свой дом ему надо жить. Большой дом, - снова без умолку заболтал старик.

Гойгу показалось, что он заговаривается от горя. Но добыча его порадовала. Не зря приехал. К этому времени стемнело и сумерки неумолимо сменяла ночная тьма. Припозднился он к обеду. Ветер усиливался, начиналась метель. Вместо обеда у них получился ужин. Они вернулись в чум.

- Оставайся, однако, ночевать. Ночью нет дороги. И метель будет, непогода, - качал головой тунгус. - Нельзя тайга ехать. Волки кругом. Много-много следов, - он поставил на плитку чайник. - Чай будем пить, однако мало-мало.

Гойг и сам понимал, что планы его нарушены и не собиравшись торопиться, рисковать в ночной мгле. Пока грелся чай, поведение старика показалось ему странным. Он несколько раз ловил на себе взгляд его прищуренных глаз. Взгляд охотника, наблюдающего за добычей, а не застольного собеседника. Слишком он был пристальным. Каждый раз старик быстро отводил глаза в сторону, но вскоре они опять изучали гостя. Только после чаепития старик раскурил трубку и разговорился. Похоже, он ждал этого момента и не спеша начал:

- Да-а-а. Вот так. Моё имя Кэпэлэ. Да. Это значит «сухой». Я с детства худым был, сухим, как палка, да. А сына я своего назвал Алтанай. Это значит «золоту подобный», да-а-а... Нет. Не из-за золота. Мы охотники. Золото нам не надо. Волосы у него были золотистые такие. Вот и назвал. Потом потемнели. Да-а-а. Жена его Мэнунь. Это значит «золотистая», да. Как так получилось? Никто не выбирал, однако. А привезли ему жену, так оказалось. Тоже золотистая, - тунгус не переставал удивлённо качать головой и пыхтеть трубкой.

Гойга опять начали душить спазмы и перехватывать дыхание от невыносимого дыма, но тунгус не замечал этого:

- Алтанай не видел своего сына. Я помог ему родиться. Я дал ему имя. Алтанаю понравится. Его сына зовут Корбо, значит «безволосый». Голова его совсем голая, без волос, да. А тебя Гога зовут. Я знаю. Да. И ты совсем не лочо. Я вижу. Ты не похож на других лочо. Я видел много русских. Ты другой земли. И на нас ты не похож, да. И не охотник ты, - пожал плечами старик. - Ты помогаешь другим лочо, ты едешь на громких санях без оленей.

Вдруг он придвинулся к Гойгу и оглянулся. Мэнунь уже спала на надувном матрасе. В этот момент тунгус не походил на старика, мысли которого о долгожданном сне и отдыхе. Он придвинулся ещё ближе. Его природная невозмутимость скрывала все те чувства, что лишали его сна, но молчать он, похоже, не мог:

- Да-а-а. Мы охотники, - начал он почти шёпотом. - Весь наш род. Зачем нам золото? Наша жизнь - это белка, лиса, куница. Волки, медведи, да, - он почти вплотную придвинулся к Гойгу: - Зачем нам золото? Лочо ищут золото. Им надо много-много золота. А я не искал, нет, - старик пожал плечами. - Оно само нашлось. Да-а-а. Оно нашло меня. Я не искал. Наверное, так надо. Боги лучше знают, кому что дать, - бормотал он, а Гойг не понимал его бормотания, похожего на бред выжившего из ума старика.

Тунгус говорил и не мог остановиться. Желание выговориться пересилило природную невозмутимость, и Гойг не смог бы этому помешать. Ему оставалось только слушать. Тунгус всё равно не оставил бы его в покое. Тот сидел уже вплотную и продолжал бормотать:

- Да-а-а, я нашёл. Осенью, до снегов. В ручье. Это золото. Золотой камень. Большое золото, да-а-а. Даже Алтанай не знает. Никто не знает. Зато я теперь знаю, что надо делать, да, - решительно произнёс он. - Алтанай не охотник. Ему нужен дом для Мэнунь, для сына. Я сделаю внука охотником. Мэнунь видела в телевизоре. Там большие дома. С большими окнами, с заборами, с высокой крышей. Они будут жить такой дом. Не в тайге. В городе будут жить, да-а-а. Бог

помог Алтанаю. У него будет большой дом.

Гойгу надоело слушать бормотание и горячий шёпот старика:

- Какой дом?! Ты знаешь, сколько он стоит?! Сколько лет надо сдавать пушнину для этого!?

- Зачем пушнина? Не надо больше пушнина. Не надо охота и капканы, - старик проворно вскочил, отбежал к своему матрасу, сунул под него руку и вернулся обратно с грязной тряпкой, в которую было что-то завёрнуто. Он сел и развернул тряпку.

Человек, ни разу в жизни не видевший золото, сразу понял бы, что перед ним при виде этого массивного жёлтого булыжника. Иначе нельзя было назвать то, что увидел Гойг на коленях старика. Самородок размером с кулак. Неужели действительно находит тот, кто ничего не ищет!? Гойг никогда не задумывался над этим вопросом. Но он с первого взгляда на золото почувствовал его неодолимую власть над собой. Сам того не понимая, он по-иному начал ощущать окружающий мир, самого себя, словно золото своим видом включило в его организме механизм, отсчитывающий часы его новой жизни. Он не в состоянии был распознать в нём механизм самоуничтожения. Не зря его брат посвятил свою жизнь золоту. Это же предстояло и ему, но случилось это раньше, неожиданно.

Гойг медленно протянул руку и взял булыжник в руку. Он с трудом уместился на ладони и холодил пальцы, но от этого холода внутри разгорался пожар, полыхая по всему телу.

Гойга сжигало изнутри неведомое до сих пор чувство. Кровь стучала в висках, а в голове пульсировала

мысль: «Сколько домов можно на это купить!? Сколько!?!». Бушевавший внутри пожар сжигал все ответы. Тунгус что-то бормотал, но Гойг не слышал, уставившись на самородок. Очнувшись, он обнаружил, что второй рукой гладит самородок, а тот своими неровными краями цепляет его пальцы, словно требует, чтобы его гладили и гладили бесконечно.

Длилось это недолго. Тунгус протянул руку и самородок снова исчез в грязной тряпке.

- Ты не лочо. Ты чужой на этой земле. Скажи, куплю я дом на это золото?

Гойг не замечал ни табачного дыма, ни духоты в чуме. В голове шумело:

- Да, вполне можно купить дом, - медленно произнёс он. - И мебель. И ещё останется, - он налил в кружку чай. Хотелось пить. Его терзал жар изнутри, а тунгус бормотал, пряча свёрток под матрас:

- Да-а-а, Алтанай и Мэнунь - оба золотистые. Их имена притягивают золото. Боги знают, что делают, однако. Не надо охота, не надо тайга. И тебе не надо тайга. Завтра поедешь, а пока спать будем, - тунгус был доволен словами того, кто не лочо. Он не ошибся в чужом человеке. Старик бросил Гойгу медвежью шкуру, а сам улегся на свой матрас и мгновенно затих, как умеют засыпать люди, не привыкшие терзаться всякими мыслями.

Гойг улёгся на мягкую шкуру. В чуме было тепло и без одеяла. Он закрыл глаза. Но это не помогло. Наступила не темнота, а сплошное золотое сияние. Ему казалось, что вместе с кровью по телу проносятся золотые потоки и, скапливаясь в голове, наполняют её как сосуд. Он испугался и открыл глаза. «Продолжать жить, зная, что на свете есть такой кусок золота? Такое возможно!?!». В чуме царил полумрак. У детской кроватки горела лампочка ночника, слабо освещающая всю обстановку. Снаружи тарахтел генератор.

- И как они спят в таком грохоте? - с непривычки шум генератора казался оглушительным в таёжной тишине. Гойг тихонько оделся и вышел наружу в надежде немного охладить разгорячённую голову.

Снаружи генератор тарахтел всюю. Метель усиливалась.

Деревья шумели. Едва различимые во тьме. Сверху летела снежная россыпь, подгоняемая ветром. Чувствуя, что не уснёт, Гойг пошёл вокруг чума. Чего опасаться? Волки за версту обойдут такой шум. Мысли преследовали его по пятам:

«Дом для Алтаная. При чём тут Алтанай!? - эта мысль пронзила всё его тело. - Самородок изменит и мою жизнь! Бог им ещё даст. А мне мой Бог дал встречу с ними. У нас разные боги».

Он медленно брёл вдоль чума и не отдавал отчёта своим мыслям и не сопротивлялся им. Гойг не был их хозяином. Они завладели его головой, которая подчинилась им, а он подчинялся её приказам в этой ночной мгле. Обойдя вокруг чума, он наткнулся на генератор. Какое-то время взгляд его замер. Затаив дыхание, Гойг машинально наблюдал, как выхлопные газы, вырываясь из трубы, отвоёвали у зимы проталину на земле у самых его ног. Снежинки падали и тут же таяли от жаркого дыхания генератора.

Вдруг он вышел из оцепенения и медленно, медленно, как во сне, нагнулся к генератору. Руки его потянулись вниз. Он ухватился за ручку, что торчала сверху, для переноски аппарата и, пятясь назад, потащил генератор по земле. Отдышавшись перед самым входом, он затащил генератор в тамбур и развернул его выхлопной трубой внутрь чума. Прислушался. Шум генератора никак не повлиял на сон хозяев. Они привыкли к нему и не замечали.

Гойг выскочил наружу и метнулся к снегоходу. Теперь его действия были осмысленны и стремительны. Что он делает? Всё происходило, как в бреду. Он не замечал ни ночной мглы, не чувствовал холода, не обращал внимания на метель. Он ни о чём не думал. Гойг действовал. Скинув попону со снегохода, покрытую толстым слоем снега, он включил зажигание и завёл мотор. Его звук по силе не мог соперничать с тархтением генератора, да это и не волновало Гойга. В его голове навязчиво, монотонно, как стук вагонных колёс, стучала одна мысль:

- Дом для Алтаная. Дом для Алтаная. Да, будет ему дом. Будет. Он ещё найдёт золото. Будет ему дом.

За шумом ветра мотор снегохода был неслышен, но он уже прогрелся. Фара «Ямахи» нетерпеливо светила вперёд, освещая стену мечущейся снеговой кутерьмы. Он по-прежнему не задавал себе никаких вопросов: «Что я делаю? Куда я еду?». С того момента, как золото покинуло его ладонь, он не отдавал отчёта своим действиям. То, что им двигало, заставляло действовать, не подчинялось его рассудку. Он оказался во власти разбушевавшейся силы, о существовании которой не подозревал.

Снежная вьюга усиливалась. Снежинки, опускаясь на кожу «Ямахи», таяли и стекали вниз, как слезинки о его прошлой жизни. Он не думал об этом. Впереди у него новая жизнь. Гойг ещё несколько раз обошёл вокруг чума и осторожно заглянул внутрь. Сквозь сизый дым там невозможно было что-то разглядеть. Он понял, что пора. Обмотав лицо шарфом, он бросился в чум, к неподвижному телу старика и на четвереньках сунул руку под матрас. Пальцы сразу нащупали твёрдый свёрток. Вот он, билет в новую жизнь. Крепко сжав свёрток, Гойг рванулся наружу из смертельного тепла. Никто и не поймёт, зачем старик так поставил генератор. «Несчастный случай», - мелькнуло в голове Гойга, когда он садился за руль.

«Ямаха» взревела и сорвалась с места. Теперь по своему следу к реке, а там на вторую точку. Сердце Гойга лихорадочно билось, словно он вскарабкался на горную вершину. Он, действительно, чувствовал себя на вершине жизни. Очень скоро тарахтение генератора осталось позади. Мотор снегохода урчал гораздо приятней, но скоро к нему присоединился другой звук, живой, заунывный, леденящий душу. Сквозь шум метели послышался вой. Сначала один, потом второй, ещё и ещё, со всех сторон. Тарахтение генератора могло отпугивать волков, но свет фары их только привлекал.

Те силы, что толкнули Гойга в ночь, в пургу не могли допустить мысли в его голове о том, что какие-то волки могут помешать его новой жизни. Он гнал снегоход вперёд, к реке, где он на скорости легко уйдёт от любой погони. Но вой со всех сторон приближался, а в тайге сильно не разгонишь-

ся. Вдруг он заметил по сторонам, среди деревьев, мелькающие огоньки. Сверканье волчьих глаз выглядело красочно на фоне кружащихся снежинок, но волчий вой нарушал эту красоту. Он понял, что его догнали. Тяжесть золотого куска за пазухой вытеснила из его жизни здравый смысл. Он оказался за его скобками, где исключена возможность всякой надежды.

Гойг гнал вперёд и вперёд, вцепившись в руль. Ничто не могло остановить его, кроме неизбежности. И эта неизбежность наступила. Она навалилась сзади, со стороны прицепа, тяжёлой массой серого хищника. Гойг даже не понял, что произошло, но этой тяжестью его выбросило с сиденья. Он только успел увидеть метнувшийся в сторону свет фары. Последние всхлипы мотора, и острая боль пронзила шею. Неизбежность накрыла всё чёрным мраком...

К утру метель утихла. Стая волков медленно, как после утомительной работы, двигалась от реки вглубь тайги, оставляя после себя опрокинутый снегоход, растерзанный прицеп с выпотрошенными мешками, коробками, ключьями тряпок. Чуть в стороне на снегу большое кровавое пятно в утопанном снегу с рваными кусками шубы, окровавленными лохмотьями одежды, подошвы унтов торчат из снега. Внизу, под окровавленными обрывками шубы, в кровавом месиве вперемешку с тряпками валялся вмерзший в землю золотой самородок величиной с кулак. Он ждал своего нового хозяина.

10. 2021

АКЦИЯ (рассказ)

«Юмор - это тоже оружие, которое не убивает. Оно обезоруживает зло». Марк Твен

Утро понедельника начиналось как обычно, с планёрки, в кабинете Генерального директора. Все первые десять лиц концерна «Русский трактор» сидели в приёмной с папочками на коленях по своим привычным местам. Их ещё не приглашали за массивную дверь. В приёмной можно было услышать тихий шелест негромких разговоров. После выходных всегда так приятно поделиться с милыми коллегами последними впечатлениями от отдыха. В разных углах приёмной слышалось восторженное «Ах, Мальдивы!» или «Что за чудо этот Палм-бич!», «А Ваш загар посвежел, голубушка!» - шелест голосов витал по приёмной, как лёгкий морской бриз, лаская слух секретарши Наны.

Секретарша могла лишь бросать завистливые взгляды в сторону раздававшихся возгласов. Её скромные, но круглосуточные обязанности не позволяли ей ни на минуту отлучиться от шефа всех этих, собравшихся в приёмной. Секретарша Нана прекрасно понимала, что загару её неповторимых форм и выпуклостей было далеко до тропических оттенков кожи собравшихся работников. Несмотря на это, Нана была по своему положению гораздо выше и напрасны были все попытки узнать у неё о результатах визита шефа в Главк. Она была неприступна в своей молчаливой многозначительности, за которой скрывалось полное отсутствие информации.

Никто не спешил делиться своими надеждами. Возвращение шефа из Главка сулило хорошую премию по итогам работы, но шептались все о совершенно посторонних делах. В общем, всё было как обычно. Никто представить не мог, что их ожидало в этот раз вместо привычной планёрки и раздачи премий.

Наконец пропищал селектор на столе секретарши. Она стремительно встала и распахнула дверь в кабинет. Обита-

тели приёмной дружно скрылись за дверью. Им ещё только предстояло узнать, что обратно они выйдут совершенно другими, наполненными неожиданным для них, но таким бесценным содержанием, гарантировавшим в дальнейшем золотой загар и сытую жизнь. Они не были готовы к ожидавшим их за дверью событиям, но их желания делали их готовыми ко всему.

Оказавшись в кабинете шефа, все привычно расселись по своим местам за длинным столом. С первых шагов от двери нельзя было не почувствовать необычность обстановки. Нет, в кабинете всё было, как прежде, всё знакомо. И длинный дубовый стол с мягкими креслами. И шеф во главе стола. И портрет первого лица на стене за спиной шефа. Они давно привыкли к пристальному взгляду этого портрета, от которого всегда становилось уютно, как под крышей собственного дома на Майами или Канарах.

Но необычность ситуации словно витала в воздухе кабинета, наполняя его непривычными для интерьера офиса запахами. Рассаживаясь по местам, все в недоумении вертели головами в поиске источника непривычного запаха. В глаза не могла не броситься странная картина.

Шеф, как обычно, сидел во главе стола, но перед ним на столе возвышалось огромное блюдо, накрытое большой вы-

пуклой никелированной крышкой, блестящей, как настольная лампа. Все молча переглядывались, теряясь в догадках. В фильмах про древних феодалов обычно под такими крышками знати на стол подавали жареных поросят. Но запах никак не мог вызвать воспоминания про такой фильм. Однако морщиться никто не спешил. Пристальный взгляд портрета из-за спины шефа вглядывался в лица сидевших за столом. Они не могли быть недовольными своей жизнью из-за какого-то запаха. У них всё было ОК! Рядом с блюдом странно выглядели две тарелки. Одна из них была пустой, а на другой лежали дешёвые одноразовые ложки. Изумление за столом нарастало. Никто из присутствующих ни разу в жизни не брал в руки такие ложки. «Зачем это? Чтобы быть ближе к народу?! К чему всё это?!» - вопросы витали в воздухе из потревоженных неизвестностью голов, но в кабинете стояла полная тишина.

Необычность обстановки была не только в запахе и в ложках. Нельзя было не заметить перемен и за спиной шефа, под портретом первого лица. Много лет там, под портретом, в золотой раме на весь кабинет сияло одно слово, с которого начиналась каждая планёрка и которым она заканчивалась. Без него невыносимым казалось существование их могучего концерна и наличие всего того, чего они добились вместе с концерном, включая их золотые загары. Это слово было **СТАБИЛЬНОСТЬ**.

Уже много лет невозможно было представить кабинет шефа без этого слова. Оно выглядело золотым фундаментом, над которым висел на стене портрет первого лица, как прародителя этого всемогущего слова. Сидевшие за столом все эти долгие годы даже не признавались друг другу в том, что, засыпая каждый раз, они шептали это слово себе перед сном в ожидании новых удовольствий от этого, придуманного для них, слова. Они привыкли жить и трудиться ради этого слова, самозабвенно повторяя его за первым лицом. И теперь оно исчезло!

Недоумение на лицах сменилось растерянностью. Вместо привычного слова в золотой раме под портретом висело что-то, скрытое от глаз непрозрачной тряпкой. Рассевшие-

ся по своим местам ничего не понимали, кроме того, что их ждёт что-то необычное. Видимо, визит шефа в Главк был тоже необычным.

Шеф не заставил себя долго ждать. В его энергичности не приходилось сомневаться ни секретарше Нане, ни его подчинённым, ни начальнику Главка. А ему не приходилось сомневаться в своих коллегах, первых лицах концерна «Русский трактор». Он, Ильхам Ийхамович, был уверен в своей команде, как в своей семье. Правда, двое из них, главный технолог и главный механик, немного выпадали из общей галереи портретов коллег и единомышленников, но они уже много лет были женаты на его племянницах из дальнего аула и считались членами семьи. Теперь они все сидели на своих местах и радовали глаз атрибутами удавшейся жизни, не зная, что их сейчас ждёт. Когда все расселись, он начал:

- Вы знаете, что на днях я вернулся из Главка. Сегодняшняя планёрка будет необычной. И даже вовсе не планёркой. Наше заседание по иному поводу, - он многозначительно осмотрел всех присутствующих. - Я должен довести до вас информацию, которая идёт с самого верха. Нет, не с Главка. Всё, что вы услышите здесь, исходит не от меня. Начальник Главка довёл эту информацию до всех концернов и корпораций. Он получил её из министерства. В министерство всё было спущено из правительства. Правительство тоже не самый высокий уровень, с которого началась эта акция. Да-да! - шеф повысил голос. - Главк является всего лишь одним из этапов этой акции, - шеф неожиданно закашлялся и долго приходил в себя после приступа, выдержав паузу. - Все директора концернов участвовали в подобной акции. Теперь настала очередь вас, моих подчинённых. Должен сразу сказать, что вам в свою очередь предстоит проводить подобную акцию в своих отделах для своих подчинённых. И так вплоть до последнего рабочего, до ночного сторожа и дворника. Все пройдут через эту акцию!

Ильхам Ийхамович обвёл взглядом сидевших перед ним безмолвствующих коллег-подчинённых. Те по-прежнему ничего не понимали.

- Постараюсь быть кратким, но сначала мне придётся вер-

нуться назад, чтобы создать полную картину нашего логического продвижения вперёд, от успеха к успеху! Я не мог не заметить, что вас всех смутило отсутствие за моей спиной нашего девиза, начертанного свыше, ради которого мы трудились каждый день. Я вас понимаю! Но мы не зря трудились и прилагали усилия к тому, что от нас требовали сверху! Наша жизнь, согласно последнему заседанию в Главке, достигла такого уровня, когда стабильность целиком и полностью вошла во все клеточки, молекулы и кровяные тельца нашего существования! Этому факту было посвящено последнее заседание Главка. Теперь, уважаемые коллеги, после пенсионной реформы и проведения полной вакцинации, в стране нашей достигнута стопроцентная стабильность! - шеф не удержал своих эмоций и перешёл на крик, закончив речь громкими аплодисментами. Все вокруг тут же захлопали в ладоши, вскочив со своих мест и поздравляя друг друга, хотя ни слова не было сказано про ожидаемую премию. Но слова шефа могли зажечь кого угодно.

Шефу явно понравилась реакция на его слова. Он великодушно ждал, пока все усядутся на свои места, чтобы продолжить:

- Нам, нашему концерну, есть чем гордиться! Мы первыми получили грамоту и премии за полную вакцинацию коллектива. Всех, до последнего рабочего на наших заводах! Теперь нас ознакомили с решением о том, что в нашей жизни наступает новый этап, следующий после достижения в стране стабильности! - шеф поднял руку, предупреждая возможные овации за столом.

- Этот этап, - начал он торжественным голосом, - называется этапом лояльности! Чтобы вступить на этот этап, нам всем предстоит пройти акцию лояльности. В вас я уверен, мои коллеги, - улыбнулся Ильхам Ийхамович. - Что-то подсказывает мне, что ради вашей стабильной жизни вы готовы к любой акции. Тем более, что я личным примером в Главке уже доказал свою лояльность. Теперь ваш черёд. Что может быть лучше, чем вдохновлять личным примером своих подчинённых? С этого момента вы все должны привыкнуть к новому лозунгу нашей жизни!

Ильхам Ийхамович встал и с торжественным видом сдёрнул тряпку под портретом у себя за спиной. Он отошёл в сторону, чтобы все в кабинете могли насладиться красотой нового девиза жизни. На стене в золочёной раме переливалось яркими красками слово ЛОЯЛЬНОСТЬ. Букв в новом девизе было меньше, чем в старом, но новая рама выглядела гораздо массивней, а само слово наполняло его читавших новыми чувствами, тёплыми и нежными к самим себе и к тем, кто придумал это слово.

- Вот, мои дорогие! Надеюсь, этот девиз теперь будет висеть в ваших отделах и подведомственных службах! А теперь, когда я открыл новый этап нашей жизни, под новым лозунгом не составит труда провести с вами акцию лояльности!

Ильхам Ийхамович решительно подошёл к столу и убрал блестящую крышку с блюда. Сразу всем стало понятно, что крышка до сих пор очень хорошо удерживала запахи той кучи, что оказалась на блюде. Эта куча лишь внешне могла издали напоминать кабачковую икру. Но в данный момент она находилась в непосредственной близости и не оставляла своими запахами никаких иллюзий для сидевших за столом.

Портрет со стены продолжал пристально наблюдать за ними, напоминая про их чиновничий долг. Не могло идти речи о том, чтобы зажать нос платком или отвернуться в сторону, прочь от кучи. Ильхам Ийхамович тоже очень пристально наблюдал за своими подчинёнными, не обращая внимания на их минутное замешательство.

- Всё очень просто, коллеги, - говорил он, как ни в чем ни бывало. - Подходите, берете разовую ложку, зачерпываете, проглатываете и бросаете ложку в пустую тарелку. Всё! Вы прошли акцию лояльности и являетесь достойным членом нашего общества! Мне останется только порадоваться за вас, как за самого себя в Главке! И так. Начнём с моих замов, - обратился он к сидящим возле него грузным мужчинам, лысины которых мгновенно покрылись испариной, а очки запотели.

Но шеф не замечал никаких мелочей:

- Вам, как моим замам, Бултыхай Варахаевич и Варахай Бултыхаевич, по должности полагается принять вовнутрь не по одной, а по две ложки продукта лояльности, - шеф указал пальцем в сторону блюда с кучей. - То, что вы видите на блюде, не что иное, как продукт лояльности, согласно последним директивам с самого верху. Как вы думаете, мне легко было обеспечить этим продуктом всю свою администрацию? - он осмотрел всех грозным взглядом. - Но лояльность стоит того, чтобы постараться ради неё. И я постарался. Вы ведь прекрасно знаете, что от начальника не может исходить ничего вредного для его подчинённых! Прошу! - сделал он жест в сторону блюда.

Сначала ложку взял Бултыхай Варахаевич, первый зам. Ему даже не пришлось вставать со своего места. Блюдо находилось как раз напротив. Затаив дыхание, все наблюдали. Но ничего особенного не произошло, а даже наоборот, как-то буднично и обыденно. Одна за другой внутрь были отправлены обе ложки продукта лояльности, а сама ложка брошена в пустую тарелку. Все облегчённо вздохнули, когда второй зам бросил в пустую тарелку свою облизанную ложку и подпёр голову кулаком, закрыв глаза. По поведению обоих замов трудно было понять их чувства. Они хранили молчание с закрытыми глазами. Лояльность, в отличие от стабильности, надо было ещё переварить.

Ильхам Ийхамович энергично потёр руки:

- Я всегда был в вас уверен, моих заместителях! А теперь прошу экономический отдел. Тариф Фигович, ваша очередь!

Длинный худой старик в тубетейке, сидевший напротив замов, молча взял ложку, зачерпнул продукт лояльности и сунул в рот. Пустая ложка полетела в тарелку. Никто не успел ничего сообразить. Как на обычной планёрке, а шеф уже кричал новые имена:

- Прошу плановый отдел, Гульфик Пинаевич! Акция ждёт Вас!

Не успел Гульфик Пинаевич добраться до блюда, как за ним уже шёл начальник производственного отдела Фулюк Фунюкович, тщательно выбирая ложку и протирая её носовым платком прежде, чем запустить в продукт лояльности.

После этого наступила неожиданная пауза, непонятная для Ильхама Ийхамовича.

- В чём дело? - грозно спросил он, уставившись сразу на двух молоденьких дам, начальниц отделов рекламы и маркетинга. - Айшат Ашановна, Заза Ковыряевна! Ваша очереди! Не задерживайте! Или вам надоели дальние перелёты на ваши виллы?

Молодые красавицы продолжали сидеть в замешательстве, вызывая молчаливый гнев прошедших акцию.

- Ильхам Ийхамович, я на диете, - слышался робкий голос Айшат Ашановны. - Третий день, кроме воды, ничего не принимаю внутрь, - её взгляд прятался где-то под столом.

Ильхам Ийхамович снисходительно усмехнулся, облегчённо вздохнув:

- Ну, это другое дело. Причина уважительная, но не объяснительная и не отменяющая исторической акции. Твоя диета от неё не пострадает. Уверю тебя. Вперёд!

Его тон не подразумевал никаких возражений. Все испытали необъяснимое удовольствие после того, как пустая ложка Айшат Ашановны полетела в тарелку.

- Заза Ковыряевна! А с вами что? Ваша очереди!

Голова Зазы была опущена ещё ниже, а голос звучал ещё тише.

- Что-что?! Я не расслышал! Громче! - не унимался шеф, пока не услышал в ответ:

- Я на третьем месяце, - под стол прошептала Заза.

- Ну и что?! - не выдержал первый зам. - А у меня язва! Мы тут цац не потеряем! Лояльность для всех одна! - говорил он с трудом, словно его терзала не язва, а спазмы душили горло.

Ильхам Ийхамович охладил его пыл:

- Рад за Вас, голубушка! Ваш сын будет гордиться Вами! Позвольте и мне порадоваться за Вас! Прошу вперёд!

Очередная ложка полетела в тарелку. После этого бухгалтерию не пришлось уговаривать. Будь на месте Ильхама Ийхамовича Наполеон, он назвал бы главбуха Чарку Фужеровну своей старой испытанной гвардией. Сиди она в первых рядах, то давно бы запустила свою ложку в блюдо директо-

ра, слушая только слова начальника, а не их смысл, как и положено главбуху. Но её очередь наступила позже других. Она грузно поднялась со своего места, дотопала толстыми ногами до блюда. Размашисто сунула ложку в остатки кучи, потом в рот. Ложку зачем-то сунула в карман и молча вернулась на своё место.

Ильхам Ийхамович невольно залюбовался безоговорочным примером лояльности и порадовался, что среди его сотрудников есть такие надёжные кадры.

Однако акцию надо было довести до конца и сделать это предстояло тем, кто сидел на самом конце стола, дальше всех от ласкающего взгляда шефа и его карающей руки. Это были главный технолог Пётр Петрович и главный механик Иван Иванович. Напрасно они надеялись, что пока дойдёт их очередь, от кучи ничего не останется. Шеф постарался на славу и теперь грозным взглядом ожидал их действий в сторону продукта лояльности. Они даже не знали родного языка Ильхама Ийхамовича. Этот факт долгое время вызывал его раздражение, пока он не уверился в их исполнительности и верности. На этот раз тоже не пришлось разочароваться.

ПП и ИИ, как шеф называл их для краткости речи, один за другим приложились к куче, прониклись лояльностью и выбросили ложки. Ильхам Ийхамович мог быть довольным и не настаивал на окончательной ликвидации продукта лояльности. Акция прошла как нельзя лучше. Все его сотрудники оказались готовыми к проявлению лояльности и достойными доверия вышестоящего начальства. Какой начальник не возрадуется такому? Теперь он мог рассчитывать на поощрение Главка после отправки туда видеоотчёта о проведённой акции. Он сделал своё дело и не задумывался над тем, как пройдёт акция на уровне отделов, цехов, заводских служб. Как там отнесутся к продукту лояльности начальства? Почему-то он считал это заботой нижестоящих начальников. От них зависела лояльность коллективов. Пусть отдуваются. А своим подчинённым он был благодарен:

- Ну вот, дорогие мои коллеги! Вы вступили в новую фазу своей жизни, все возможности которой для вас теперь открыты. Всё, что было вашим, так и останется вашим, а всё,

что до сих пор не было вашим, вполне возможно станет таковым! Вы заслужили это, доказав свою лояльность. Вам предстоит провести такие акции в своих отделах. Для этого придётся изрядно постараться. Разрешаю привлечь для подготовки к акции членов ваших семей. Это допускается. График проведения акций по отделам вам сообщат. А теперь всех поздравляю и все свободны!

Последние слова шеф произносил уже в пустом кабинете. Его коллеги, опрокидывая стулья и пихаясь в дверях, вырвались из кабинета. Только Чарка Фужеровна не участвовала в общей суете и медленно покинула кабинет. Шефу не приходилось сомневаться в их лояльности.

Акция проходила за закрытыми дверями и не должна была стать достоянием гласности. Тем не менее, к вечеру по заводу поползли слухи, будоража воображение работников.

В токарном цехе после работы народ привычно толпился вокруг столика для домино. Привычного стука и громких криков не было. Домино валилось из рук, а головы были заняты вопросами, ответов на которые ни у кого не было. В общем шуме слышны были отдельные выкрики «Да иди ты! Неужели прямо ложками?! Брехня всё это!». «Кто нас заставит?! Вакцинация - совсем другое. Там для нашей пользы!».

Вдруг разговоры стихли и все взоры обратились в сторону молоденького мастера Рахима, проходившего мимо с папкой подмышкой. Его пытались остановить вопросом, прозвучавшим из толпы:

- Эй, Рахим! Слушай, про какую акцию все болтают? Что нас ждёт?

Но Рахим ответил им на ходу, не останавливаясь:

- Ничего я не слышал. Придёт время - всё узнаете. Чего волнуетесь? Вакцинацию проглотили, и остальное проглотите. Всё, что надо делать, вам скажут, а пока сверху нет никаких указаний. Работайте спокойно.

Он убежал дальше, не беспокоясь ни своей судьбой, ни судьбой своих рабочих. За столом затихли, потеряв интерес к спорам о неизвестном будущем.

Первым пошёл в раздевалку молодой Генка. Ему оставалось месяц до армии и про своё будущее он уже всё знал.

Но ему никто не говорил, что большое видится на расстоянии. Ему ещё только предстояло узнать, что предстоящая акция - это не большое, а очень большое мероприятие, куда входит их цех, их завод, вся корпорация заводов, вся страна с её армией и конторами, где продукта лояльности хватает на всех.

Остальные рабочие медленно побрели в раздевалку. Им никто не объяснял, зачем разнорабочие снимали со стен цеха огромные плакаты с таким привычным словом СТАБИЛЬНОСТЬ.

11. 2021

ОТЧЁТ (сказка для взрослых)

Человек появился словно ниоткуда. Не было его и вдруг вот он, появился. Так бывает в пустой комнате, когда открывается дверь и входит человек. Но здесь не было никакой двери. Не было никакой комнаты. Это мог бы подтвердить любой из тех, кого природа наделила способностью воспринимать мир всего лишь в трёхмерном измерении. Человек стоял, и вся его фигура не проявляла признаков нетерпения. Он явно кого-то ждал. Это был мужчина средних лет, худощавый. На узком лице большие ясные глаза, как изображали у святых на старинных иконах, невольное упоминание о которых не могла не вызвать и его аккуратная борода. Строгий костюм, чёрная папка в руках придавали мужчине вид официального лица, а своей выжидательной позой он напоминал чиновника, вызванного «на ковёр» к суровому начальству. Но никакого ковра не было. Он стоял на полу, который излучал молочное-белое сияние, такое яркое, что невозможно было бы разглядеть ни сам пол под его ногами, ни источник этого сияния. Мужчина переступал с ноги на ногу. Пол ни малейшим звуком не реагировал на его движения.

Мужчине не пришлось долго ждать. Так же внезапно, ниоткуда, перед ним возникла фигура мужчины средних лет. У него была белокурая борода и вьющиеся светлые волосы до плеч. Он был весь в белом - то ли в рясе, то ли в просторном балахоне с капюшоном за плечами. Над головой виднелось в воздухе еле заметное светящееся кольцо, яркость которого вдруг стала расти на глазах, увеличивая кольцо в размерах.

- С прибытием тебя! - обратился он приятным голосом к мужчине с папкой, почтительно склонившему голову. Сказав это, он сделал шаг в сторону и неожиданно присел. Нет, он не упал. Судя по его позе, он удобно сидел, как сидят в глубоком кресле, откинувшись на спинку, положив руки на высокие подлокотники.

- Извини, Создатель, я сразу к тебе из командировки, даже

не вышел из рабочей одежды и земного сознания. Отчёт я приготовил ещё внизу, - ожидавший сделал шаг вперёд, как слепой пошарил перед собой рукой и осторожно присел, приняв удобную позу. - Каждый раз после возвращения с Земли снова учусь воспринимать привычную обстановку, - с виноватой ноткой в голосе произнёс он, оглядываясь по сторонам. - Нужно время, чтобы снова стать частью твоего

Царства. Пока я с трудом различаю обстановку.

- К чему подобная спешка? Каждый месяц ты приносишь мне такой отчёт. Надеюсь, ты не пожалел о своём согласии за всё это время, что я вернулся с Земли? - тот, кого называли Создателем, прервал свою речь горестным вздохом. - Даже не знаю, зачем я посылаю тебя туда после своего неудавшегося посещения. Зачем? - в задумчивости произнёс он. - Это всё равно ничего не изменит. Я каждый раз подвергаю тебя трудностям и опасностям, верный Павел.

- Не говори так, Создатель. Тобой движет сострадание к твоему творению, хоть ты и отрёкся от него однажды за непослушание. Ты каждый месяц посылаешь меня на Землю. За это время там проходит двести лет по земному времени. Каждый раз я сдавал отчёт о своих наблюдениях в Небесную Канцелярию. После нынешней командировки на Землю я принёс его лично, чтобы передать вместе со своей просьбой, - тот, кого называли Павлом, сделал паузу и продолжил:

- Ты, Создатель, опередил меня своими словами. Моя нынешняя командировка была последней. Освободи меня, Со-

здатель, от этой миссии, приняв мой последний отчёт о делах земных, - Павел склонил голову, ожидая ответа.

Создатель нарушил молчание тихим голосом:

- Я очень благодарен тебе за службу и верность мне. Понимаю. Ты устал за два тысячелетия, что прошли на Земле.

- Нет! Не в этом дело! - встрепенулся всем телом Павел. - Причина в другом. Я перестал видеть смысл своих командировок и пользу от той информации, что я собираю для тебя с тех пор, как тебе пришлось покинуть Землю. Нет смысла посещать её и наблюдать, как люди уничтожают всё вокруг, а прежде всего, самих себя. Ты, Создатель, сотворил человека без программы самоуничтожения, почему же она там, внизу, управляет им все прошедшие века? Кто её принёс на Землю?

- Видишь ли, Павел, это тема не для случайного разговора. Да, я такой программы не предусматривал для человека. Ты ведь знаешь, что мир поделён, и три его уровня не соприкасаются друг с другом. Светлые силы здесь, наверху. Люди ведут свою жизнь на Земле. Под землёй Правитель Тёмных Сил, в чьи владения попадают души неправедных людей. Однажды я нарушил договор, спустившись на Землю, в другой мир, в облике человека. Я породил тем самым поговорку, что благими намерениями вымощена дорога в ад, - он усмехнулся:

- Мною двигало сострадание к людям, а не мысль о возможных последствиях этого шага, который лишь ухудшил си-

туацию, и избавил меня от желания посетить Землю ещё раз. Правитель Тёмных Сил до сих пор не может простить мне ту попытку вмешаться в жизнь людей и призвать их к милосердию. С тех пор он активно действует, выходя за рамки своих владений. Он сеет на Земле свои законы зла и насилия, оставаясь недосягаемым для меня. Как я могу его наказать? Только обращением в белого ангела. Но с его чёрной душой это невозможно, - Создатель развёл руками. Павел нарушил молчание:

- Я, как и все мы, твой ученик. Ученик не может давать советы учителю. Он лишь может высказывать своё мнение. Мне и раньше при каждом посещении Земли было жаль людей, хотя я спускался туда не для жалости к ним, а всего лишь для составления отчёта о делах на Земле. С тех пор, как ты изгнал людей из Рая, они оказались предоставленными самим себе в своих делах. Ты наделил человека божьей искрой сознания в отличие от всех прочих своих творений. Но отвернувшись от человека, ты уравнил его со всем прочим живым и неживым миром. Человек не знал, как с ней распорядиться. Он употребил эту искру не для того, чтобы обогреть ею всё живое и осветить планету светом своего разума ради её блага и своего процветания. Нет. Из божьей искры сознания разгорелось пламя его неукротимых желаний, которое теперь угрожает существованию Земли, - помолчав, Павел продолжил:

- Конечно, разве мог ты предположить, чем обернётся такое упущение с человеком? Недостаточно было его сотворить. Надо было формировать его сознание, хотя бы дать ему элементарное представление о воспитании в те его первые шаги по райским кущам, а не умиляться делом рук своих, которому всё дозволено. До тех, первых дней сотворения мира, сознание было присуще только нам, небожителям, способным мыслить и отдавать отчёт в своих желаниях. Кто знает? Может, и не надо было наделять созданного человека божьей искрой сознания? Как бы сейчас там, на Земле, было спокойно! Она, Земля, ничем бы не отличалась от Рая, утопая в обширных лесах, просторных ярких лугах, с озёрами и реками чистой воды! Там водились бы неис-

числимые стада животных, стаи птиц. Водные просторы были бы заполнены самой разнообразной жизнью. Среди всей этой райской красоты в земных условиях человек, избавленный от духовного начала, жил бы сейчас в пещерах, в норах, скакал по деревьям. Он бы охотился и ловил рыбу, не будучи способным на более серьёзные пакости. А в свободное время, перед сном, устраивал бы состязания по метанию бананов в цель. Ты, Создатель, мог бы в любой момент спуститься туда и любоваться творением своим. Дикие твари убивали бы друг друга только для того, чтобы утолить голод, а не для утоления своих низменных страстей. Но теперь о таком приходится только мечтать, - с грустью добавил он и продолжил. - Если почва не засеяна зёрнами Добра, Зло быстро пускает корни на пустом месте. Души изгнанных из Рая людей оказались тем пустым местом, где Повелитель Тьмы пустил корни своего Зла.

Создатель слушал Павла и не пытался прервать его речь. Они были одни. Никто не мог слышать слов ученика, сожалевшего об ошибке Творца. Помолчав, Павел продолжил. Скорее, это были мысли вслух, чем обращение к Создателю:

- Теперь я понимаю, что нельзя было оставлять пустой душу человека, а его сознание нетронутым рукой воспитания. Это подтверждает и людская поговорка, услышанная мной на Земле. Она говорит: «Люби, как душу, а трясина, как грушу». Так говорят некоторые старики своим детям, воспитывающим малолетних детей. Видимо, в первые дни мироздания надо было сотворённого человека водить на верёвочке по Раю и бить по рукам, когда он запускал их куда не следовало. Для его же блага. Было это? - Павел поднял глаза на Создателя. - Нет, не было. Вместо того, чтобы хорошенько всыпать нарушившим запрет людям, надрать им уши или хотя бы поставить в угол забора райского сада, эти первогрешники были изгнаны и преданы забвению разгневанным Создателем. По сей день там, внизу, Земля страдает от последствий этой роковой ошибки. Люди так и продолжают жить, не задумываясь над тем, что можно, а что нельзя, подталкивая своей вседозволенностью всё живое на Земле к страш-

ному финалу. Их изгнали из Рая, не научив праведной жизни.

- Да, - кивнул головой Создатель. - Не могу не согласиться с тобой. Слишком много времени было упущено. Даже те десять заповедей, которые спешно спустили на Землю, уже

не могли помочь и исправить положение. Прометей успел всё испортить. Своим огнём он согрел не душу, а тело человека, пробудив в нём новые желания и животные инстинкты, которые до сих пор преобладают в человеке над сознанием.

Павел молча гладил на коленях папку.

- Да, Создатель, сотворение человека осталось незаконченным. Ты создал оболочку, вселил в неё душу и отбыл на покой. Повелитель Тьмы закончил начатое тобой. Пустую душу человека он наполнил своим содержанием, встретив его за воротами Рая. Твои творения, Создатель, живут по его законам. Жизнь по его законам на Земле вырабатывает только чёрную энергию, которой подпитываются Тёмные Силы. На Земле давно знают, что ты, Создатель, отвернулся от них. Мы проиграли войну за человека без объявления войны. Чем больше население Земли, тем сильнее Тёмные Силы от чёрной энергии людей. Мои посещения Земли убедили меня в этом, - тихо добавил Павел. - Осталось только Повелителю Тьмы выйти из-под земли и открыто поселиться в какой-нибудь земной резиденции. Похоже, это время не за горами, - Павел вздохнул:

- Не случайно на Земле всё чаще говорят о переселении, я бы сказал, «о бегстве», на другую планету. Видимо, светлые умы чувствуют приближение Тёмных Сил и стремятся избежать встречи с ними. Разрабатывают ракеты, подыски-

вают подходящую планету. Я всё изложил в своём последнем отчёте. Надеюсь, что он последний для меня, а не для Земли и её обитателей, - Павел встал и протянул папку Создателю.

Тот взял папку и кивнул:

- Присаживайся. Должен признаться тебе, что я до сих пор не читал ни одного твоего отчёта. Они лежат в Небесной Канцелярии под грифом «Секретно». Мне было достаточно того, что ты возвращался каждый раз целым и невредимым, с известием о том, что жизнь на Земле продолжается. Меня больше занимают наши небесные дела. Обустройство душ, попадающих в Рай. Их поток не прекращается. На Земле ещё хватает людей со светлыми душами.

Павел откликнулся на его слова:

- Я разговаривал перед командировкой на Землю с апостолом Петром. У меня не выходят из головы его слова. Он уже давно удивляется, что у ворот Рая всё больше и больше душ младенцев и малолетних детей. Скоро Рай будет напоминать детский сад, - Павел посмотрел на Создателя:

- Пётр не может знать причин этого. Он не видел того, что видел на Земле я. Мне бы тоже не хотелось это знать. Но я знаю. И это одна из причин моего отказа от посещений Земли, - плечи Павла дрогнули, словно он хотел сбросить с себя неприятный груз:

- Души детей и младенцев оказываются у ворот Рая, а их тела на Земле используют на донорские органы, - Павел поморщился:

- Это теперь на Земле самый прибыльный бизнес, как его там называют, опередивший наркобизнес и по доходам, и по аморальности преступления. Должен тебе признаться, Создатель.

Павел помолчал и продолжил:

- Тогда, две тысячи лет назад, на Земле я не испугался, когда моему телу, моей телесной оболочке отрубили голову. Я не успел испугаться, - он снова замолчал. - Но теперь я испугался. Я испытал страх в последней командировке.

И это ещё одна причина моего отказа. Я испугался, совсем забыв там, на Земле, что моё тело всего лишь фантом,

для которого нет смертельных опасностей, трёхмерная биосистема в оболочке костюма. Мысли об этом мне не приходили в голову, когда я очнулся на холодном столе, в мрачном помещении без единого окна. К действительности меня вернули голоса из темноты. Совсем рядом говорили обо мне, вернее, о том, что мои анализы превосходные и моя печень дорогого стоит. Хорошо, что я пришёл в сознание. Когда голоса затихли вдали, я усилием воли успел уйти в пятое измерение и стал невидимым для жителей Земли. Разве мог я предположить, Создатель, что здоровая печень или здоровое сердце могут на Земле стать угрозой для жизни?! Теперь я знаю. Уже два тысячелетия я бестелесен и моему духу ничто не может угрожать. Но там, на Земле, в облике человеческом, мне стало неуютно. Нет, Создатель, прости. Мой визит на Землю был в последний раз.

Павел попытался встать, но Создатель удержал его решительным жестом:

- Воистину. Ты говоришь удивительные вещи. Но после того, что случилось со мной на Земле больше двух тысяч лет тому назад, я могу поверить чему угодно. Я благодарен тебе за службу. Меня успокаивало то, что там, на Земле для тебя не было смертельных опасностей. Они тебе не грозили. Тем не менее сознание твоё подверглось серьёзному испытанию в условиях земной жизни. И это ты?! Равных которому по силе духа я не находил и не нахожу среди всех своих учеников!

Создатель откинулся на спинку кресла, которое к этому времени уже чётко вырисовывалось вокруг его тела очертаниями спинки, подлокотников, изогнутых ножек:

- Не один ты считаешь, что человек оказался наихудшим из всех моих творений. Более того, в лице человека я породил угрозу всему тому, что создано мною, - он вздохнул:

- Этого можно было избежать. Ну кто меня торопил? Я сотворил мир за шесть дней. На шестой день был создан живой мир, живые твари на суше, в воде и в воздухе. Вместе с ними был сотворён и человек. Вдохнув в человека искру божьего сознания, я уделил ему внимания не больше, чем прочим живым тварям. Всё так и было. В шестой день была

суббота. Я вполне мог отдохнуть и два выходных дня любоваться творением рук своих и духа своего за предыдущие пять дней. Ведь таких красивых планет, развешенных по Вселенной, да и самой Вселенной с её звёздными россыпями ещё не было! Этим стоило полюбоваться не один день! Было бы гораздо лучше после выходных приступить к сотворению всего живого. Всех тварей вместе с человеком. Да, согласен с тобой, Павел. Коль скоро я зажёл в человеке искру божьего сознания, то надо было научить обращаться с ним должным образом, и всю следующую неделю мироздания посвятить этому - воспитанию человека. Увы, - вздохнул он:

- Теперь уже ничего не исправишь. За воротами Рая человека воспитывали другие. За тысячи лет никто не ставил мне в вину поспешность в сотворении мира. Но результаты говорят сами за себя. Ты, Павел, как никто, прекрасно это видишь. Могу лишь позавидовать древним гончарам. Они обладали возможностью разбить бракованный горшок и замесить глину на новый. Мне это не дано. Мой горшок мироздания не слепить заново. В этом горшке Земля не больше песчинки, которой грозит участь оказаться стёртой в пыль человеком. Я сотворил природу, чтобы любоваться ею. Но оказалось, что природа не терпит пустоты. Душу человека, как часть природы, нельзя было оставлять пустой. Согласен. За прошедшие тысячелетия её наполняли содержимым «плохие дядьки» из Царства Тьмы.

Создатель встал, положив папку в кресло. К этому времени глаза Павла уже смутно различали очертания окружающей обстановки, проявляющейся в воздухе со всех сторон. Он возвращался к привычному состоянию. Обстановка вокруг вырисовывалась всё отчётливей, а фигура самого Павла незаметно растворялась. Медленно таяла его телесная оболочка, которую он терпел в последний раз.

- Спасибо тебе, Павел. Таких песчинок, как Земля, в моём мироздании миллионы. Жизнь с годами делает нас мудрее. Это касается и учеников, и их учителей. В следующий раз, когда у меня возникнет желание наделить живое существо божественным духом, я буду помнить поговорку, принесённую тобой с Земли: «С тех, кому многое дано, должен быть

большой спрос». Я сотворил человека за один день. Воспитывать его надо всю жизнь, до тех пор, пока его сознание не осилит животные инстинкты. Но я - Создатель. Воспитание - это не моё, - закончил он, обращаясь скорее к самому себе, чем к Павлу, про которого тут же вспомнил:

- Ты, Павел, отдыхай. Командировок больше не будет. У нас много дел.

Создатель решительно повернулся и скрылся за высокой дверью позади своего кресла, в котором осталась лежать чёрная папка.

Павел не знал, что на Землю пролился мелкий холодный дождь. Он лишь смахнул с глаза слезинку, в последний раз прощаясь с обликом человека.

12. 2020

ФАНТАСТИКА

ЧЕРНАЯ ДЫРА (рассказ)

Из звёздных мемуаров Нейона Ти

Пролог

Эта история не прошла для Нейона Ти без последствий. Все последующие годы жизни он чувствовал себя совсем другим человеком, пытаясь привыкнуть к своему телу. Точно так же человек какое-то время привыкает к новому костюму. Да, он стал другим, как и жизнь на Земле, где к его возвращению прошло почти двести лет.

В прошлой жизни среди его друзей и знакомых не было таких, кто бы прошёл через разложение на атомы хотя бы один раз. На Земле подобной процедуре подвергали только преступников, осуждённых на смертную казнь. Наука ещё не научилась ассимилировать разложенные на атомы организмы.

Никто не рассказывал про свои ощущения после такого испытания. Нейону Ти только оставалось считать большой удачей возвращение к жизни, да ещё в прежнем виде, к которому не прибавились ни рога, ни хвост или лишняя пара ног или рук. В его организме, вроде бы, не появились атомы и молекулы чужих форм жизни, но он ничего не мог поделать с собой после этой истории и относился к себе, как к гостю, обитающему в чужом теле.

Эта история не прошла без последствий и для его памяти. Провалы в ней не мешали его повседневной жизни. Они помешали ему при составлении отчёта о своём последнем задании, с которого он вернулся и с которого его никто не ждал. В архивах БМБ руководству Бюро удалось восстановить его имя, хранившееся сто девяносто шесть лет в списках без вести пропавших. Это никоим образом не помогло Нейону Ти восстановить в памяти цель своего последнего задания, о чём он честно признался в отчёте. Ещё хуже было то, что он не смог указать точные координаты сектора галактики, в котором начались все его приключения. Одно он

знал точно: звездолёт возвращался на Землю, и его курс проходил среди давно знакомых созвездий родной галактики, когда всё началось для него и закончилось для тех, кто ждал его возвращения.

Если первый провал в памяти, связанный с целью его задания, комиссия БМБ могла проверить, то координаты его исчезновения на обратном курсе оставались загадкой, представлявшей опасность как в прошлом, так и для всех последующих лет космических полётов. Комиссия БМБ ни в чём не обвиняла и не осуждала Нейона Ти. Она просто не доверяла его отчёту. Нейон Ти несколько дней писал его. Память ни разу не подвела при описании всего того, что ему довелось увидеть и испытать.

Эти яркие воспоминания и одновременно провалы в памяти астронавигатора не могли не вызвать сомнение учёных мужей в правдивости отчёта. Нейон Ти видел, что ему не доверяют. Но он действительно не мог указать то место, в котором пропал его звездолёт. Пропал для Вселенной. Без этого весь отчёт не мог иметь никаких доказательств до тех пор, пока кто-то другой не повторит его путь. Отчёт Нейона Ти положили на дальнюю полку архива без грифа «Совершенно секретно», а самого отправили на пенсию по выслуге лет, хотя он на тот момент был моложе многих членов комиссии БМБ.

Никто не запрещал Нейону Ти поделиться воспоминаниями об этой истории, поэтому он и рассказал о ней в своих звёздных мемуарах. Фактически Нейон Ти поместил в мемуары свой отчёт для комиссии БМБ, придав отчёту форму рассказа. Он никому бы не пожелал повторения подобного...

Нейон Ти прекрасно помнил своё настроение накануне случившегося с ним инцидента. Он возвращался с задания. Звездолёт вошёл в пределы родной галактики, маяки которой были знакомы ему с курсантских лет. Опасная неизвестность осталась там, за кормой звездолёта, а впереди его ждал отдых. Он мог позволить себе расслабиться перед тем, как звездолёт войдёт в зону звёздных трасс с интенсивным потоком звездофур и туристических межзвёздных лайнеров.

В этом секторе галактики звёздная лоция не указывала никаких опасностей. Это он тоже помнил, не считая в тот момент нужным фиксировать в голове координаты пересекаемого сектора.

Всё началось сразу после завтрака. Он ещё успел подумать, что плохо приготовил свой любимый омлет, почувствовав внутри странный дискомфорт. Но причина была не в желудке, а снаружи. Нейон Ти не успел встать из-за стола с пустой тарелкой в руках, как заметил, что кружка из-под кофе медленно поползла от него к краю стола, словно звездолёт заходил на крутой вираж. Он почувствовал, что его неумолимо тянет вслед за кружкой. Ему стоило больших усилий, уперевшись в стол, откинуться на спинку дивана и прижаться к ней, чтобы не последовать вслед за кружкой, которая упала со стола и грохнулась на пол, разбившись вдребезги. Нейон Ти увидел плохой знак в потере своей любимой кружки. Она многие годы сопровождала его в полётах, радуя своим содержимым и своими боками, на которых он любовался фотографией Земли, сделанной с орбиты.

Он не успел пожалеть о кружке. Двигатели звездолёта работали в режиме полной тяги. До сих пор гравитрон обеспечивал комфортную гравитацию на борту и никакого влияния тяги не ощущалось. Нейон Ти чувствовал, что невидимая третья сила неумолимо тянет его под стол, не обращая внимания ни на тягу двигателей, ни на работу гравитрона, ни на его собственные усилия. В столовой загорелся аварийный сигнал, призывая его в Центральный Пост. За сигналом последовал голос компьютера: «Внимание! Сбой курса автопилота! Сбой курса автопилота! Сбой курса автопилота!».

Эти три слова Нейону Ти ни разу не приходилось слышать за годы космических странствий. Теперь они беспрерывно звучали в ушах, высверливая мозг своими равнодушными интонациями. Он знал, что они не прекратятся, пока он не доберётся до штурманского кресла и не возьмёт управление звездолётом на себя. Вместо этого он мог лишь слабо упираться и цепляться за спинку дивана, чтобы не оказаться под столом. Звездолёт продолжал движение, но силы тяги уже не хватало для того, чтобы двигаться по заданному кур-

су. Он двигался прямо, а внешняя сила словно смеялась над мощностью двигателей в две тысячи киловатт и тянула его в сторону от заданного курса.

Нейон Ти чувствовал действие этой силы, как и весь звездолёт. Если бы он в этот момент находился в штурманском кресле, то у него был бы шанс. Можно было спасти положение, переложив рули в сторону от курса, прочь от действия силы. Возможно, тяги хватило бы на то, чтобы выйти с периферии силового поля и не попасть в его эпицентр. «Перерасход топлива несопоставим с последствиями бездействия в такой ситуации. Необходим манёвр и форсаж» - эта мысль подхлестнула Нейона Ти.

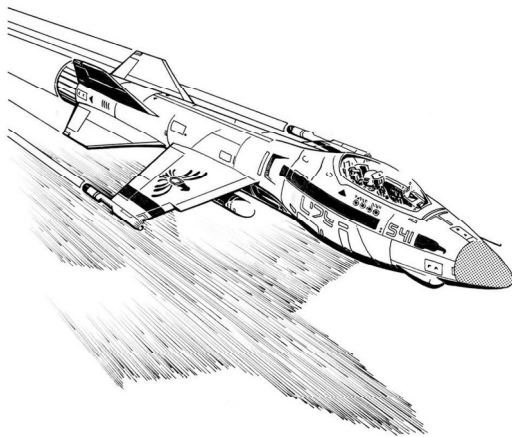
Он сполз под стол и его сразу оттащило и прижало к кухонному шкафу напротив стола. Ему пришлось вспомнить навыки курсантских тренировок в центрифуге. Когда-то его ставили в пример за умение выбираться из центрифуги при четырёхкратных перегрузках. Это был его предел, преодолеть который мешали сломанные ногти, ободранные в кровь пальцы, разбитый нос. В то же время мало кто из его друзей мог выбраться из центрифуги даже при трёхкратной перегрузке.

Нейон Ти понимал, что время не в его пользу и торопился в надежде, что успеет преодолеть возникшие перегрузки. Все усилия будут напрасны, если мощность тяги окажется недостаточной для выполнения команд автопилота по удержанию заданного курса. Произойдёт сбой программы. Звездолёт станет неуправляемым. Внешняя сила повернёт его в свою сторону и тогда ситуация выйдет из-под контроля. Сила тяги двигателей прибавится к действию внешней силы. Звездолёт со всей своей мощью помчится в неизвестность.

«Почему в неизвестность? - мелькало в голове Нейона Ти, пока он карабкался, полз по полу, отталкиваясь от переборок. - Это как раз известно. Чёрная дыра».

От страшного признания самому себе лоб покрылся испариной и по спине побежали холодные струйки.

Астронавигаторы относились к существованию чёрных дыр как к сказкам. О них знали, но каждый в душе верил, что это не для него. Служба мониторинга Вселенной отслеживала

состояние космоса и закрывала для звездолётов обширные пространства с искажённой гравитацией.

В тот момент у Нейона Ти не возник вопрос «Почему я?!». Он думал о другом и не мог понять, как на его маршруте возникла эта опасность в галактике, где дав-

но уже не было не то что чёрных дыр, но и неисследованных областей. Мысли в голове путались от бесстрастного голоса компьютера, эхом разносившегося по коридору: «Сбой курса автопилота! Сбой курса автопилота!» Это был крик о помощи, на который Нейон Ти спешил, как мог. Он чувствовал, что его всё сильнее прижимает к полу и даже не пытался подняться на ноги, чтобы не терять время. Он полз по коридору, отталкиваясь ногами от дверных косяков, от стоек и кабельных лотков на переборках. Пол был гладкий. По нему удобно ходить, но в попытках толкаться вперёд он не мог помочь.

Нейон Ти почувствовал себя победителем, когда ему удалось перевалить через порог Центрального Поста. Здесь тревожный голос звучал на полную громкость и разносился по всему организму, как и по отсекам звездолёта. Нейону Ти уже казалось, что голос бьёт ему по голове каждым словом, проникая в мозг. Сжав зубы, он дополз до штурманского кресла. За порогом не было переборок и отталкиваться ногами приходилось от пола, кое-как продвигаясь вперёд.

Оказавшись в кресле, он пристегнулся и почувствовал, что его тянет в сторону прочь с кресла. Звездолёт испытывал то же самое в своих попытках удержаться на курсе. Эти попытки были на пределе его возможностей.

Нейон Ти сразу понял это, бросив беглый взгляд на приборную панель. Цифровой индикатор нагрузки рулевого механизма горел красным цветом, выдавая запредельные показания. Резервов мощности для удержания курса не было. Голос компьютера продолжал напоминать о необходимости ручного управления.

Всё решали секунды.

Опрокидывание с курса могло произойти в любой момент. Было ясно, что его вмешательство в управление звездолётом уже ничего не сможет изменить. Хватило мгновений, чтобы осознать это и понять свою беспомощность перед самой могучей силой Вселенной. Он даже не стал брать в руки рычаги управления, а просто отключил режим автопилота. После этого Нейон Ти запустил программу сброса тяги и остановки двигателей. Он знал, что другого выхода у него нет и не хотел превращать двигатели звездолёта в помощники той силе, что утянула его с курса.

Ещё до того, как компьютер полностью выполнил программу и заглушил двигатели, Нейон Ти почувствовал разворот звездолёта по дуге. Он двигался, подчиняясь не силе тяги, не бортовому компьютеру, а неведомой силе Вселенной, слепой и непредсказуемой.

Вскоре разворот закончился. Нейон Ти почувствовал ускорение вперёд. Его прижимало к креслу сильней и сильней. Нейон Ти знал свой предел. Ему оставалось только ждать, когда перегрузки превысят 9g и он потеряет сознание. Только в этот раз не будет реанимации и процедуры восстановления. Ничего не будет. Мозг хладнокровно анализировал обстановку и замечал происходившие в ней изменения. Звездолёт мчался вперёд, скорость его на-

растала. Но звездолётом он оставался только изнутри. Его обстановка продолжала напоминать об этом. Снаружи он представлял из себя огромную болванку весом около ста тонн, падающую в чёрную бездну.

Нейон Ти сидел и ждал, когда тело придавит тяжестью, и он будет чувствовать не своё тело, а эту нарастающую тяжесть. Ждал, когда кровь прильёт к голове и глаза наполнятся кровью. Ждал, когда из носа хлынет кровь. Это будет конец. Он был готов ко всему. Время шло, и звездолёт мчался вперёд. Нейону Ти казалось, что он вместе со звездолётом валится в бездонную яму. Так ему казалось. Он не мог видеть того, что творилось за бортом. Для этого надо было включить камеры обзора. Надо было оторваться от кресла. Ему не приходила в голову такая мысль в ожидании последних минут жизни. Скорость падения нарастала, а последние минуты тянулись всё медленней. Нейон Ти не закрывал глаза в ожидании того момента, когда в них начнёт темнеть от прилива крови.

Перегрузка всё увеличивалась, вдавливая его в кресло, но в глазах не темнело. Вместо этого он увидел другое. Такого не было даже при максимальных перегрузках на тренажёре. Сначала Нейону Ти показалось, что в глазах начало рябить и вся окружающая обстановка расплывается и колеблется, подобно кругам на воде. Увиденная картина заставила его забыть про тяжесть перегрузки, мешавшую двигаться, дышать. А может, он просто не чувствовал в тот момент никакой перегрузки.

Впоследствии Нейон Ти не мог ответить себе на этот вопрос. Настолько он был захвачен происходившими вокруг переменами. У него на глазах обстановка Центрального Поста расплывалась всё больше и больше. Мелькнула мысль о том, что у него отказывает зрение перед тем, как наступит полная тьма. Неожиданно брошенный взгляд на руки, лежавшие на подлокотниках кресла, вызвал ещё большее недоумение. Очертания подлокотников выглядели размытыми, нечёткими, словно его зрение окончательно расфокусировалось. Руки на подлокотниках выглядели так, будто он видел их через колеблющуюся толщу воды и не мог уловить их чёт-

кого изображения. От такой картины у кого угодно может закружиться голова, и он невольно зажмурился, желая избавиться от картины его угасающего зрения.

Когда он вновь открыл глаза, то уже ничего не мог узнать. Вокруг не было Центрального Поста и всего того, что окружало Нейона Ти мгновениями раньше. Не было кресла, в котором он сидел. Он ничего не видел кроме белой пелены, где расплывались неясные контуры и бесформенные тени. В этой белой пелене ещё видны были размытые контуры его рук. Он успел заметить, как они расплывались в разные стороны, сливаясь с окружающим туманом. Его тело таяло! В голове само собой мелькнуло это слово от увиденной картины. Он не ощущал ни скорости падения, ни тяжести, ни боли. Он видел всё происходящее вокруг и понял, что умирает. Только смерть может принести такое облегчение, освобождая тело от бранных ощущений и связанных с ними болью и страданиями.

Нейон Ти уже не видел своего тела и ничего вокруг из того, что до сих пор окружало его и составляло системы звездолёта, заключённые в непробиваемую оболочку. Вокруг было облако плотного тумана, за гранью которого скрывалась неизвестность.

Всё это Нейон Ти видел. Сознание его работало и он наблюдал за всем этим, словно со стороны. Всепоглощающие силы Вселенной оказались бессильны перед силой его сознания. Окружающая неизвестность больше не пугала его. Он чувствовал себя так, словно вернулся в то забытое место, откуда когда-то вышел и теперь возвращается обратно в покой и безмятежность.

Это могло означать только одно - его сознание было одной природы с силами Вселенной. Только этим можно было объяснить неприкосновенность его сознания в ситуации, когда обрушившаяся мощь Вселенной растворила в своей энергии все материальные атрибуты жизни, не причинив сознанию ни малейших перемен. Весь материальный мир, включая и его тело, растаял, распался на атомы, а его сознание словно слилось с энергией Вселенной.

Выходило так, что сознание являлось частью Вселенной, а

он, Нейон Ти, являлся всего лишь носителем этого сознания, которое продолжало мыслить в условиях бестелесного существования. Он на практике, сам того не желая, открыл вселенскую природу духовного начала человека, над чем ломали голову учёные умы тысячи лет.

Но лучше бы он этого не узнал, как признавался потом он сам себе, чувствуя себя неуютно в собственном теле, поскольку всю оставшуюся жизнь за ним неотступно следовал один вопрос: «Кто он? Тело, наделённое сознанием, всего лишь носитель сознания или он является сознанием, помещённым в оболочку тела, имя которому Нейон Ти?» Он задавал этот вопрос только самому себе, зная о бессилии науки. Но всё это будет потом, а пока его сознание ни на мгновение не выпускало обстановку из-под контроля. Огромная энергия Вселенной искривляла пространство, изменяла ход времени. Она ничего не смогла поделать с памятью, как функцией сознания, иначе бы Нейон Ти ничего не помнил. Но он помнил. Помнил, что не было ощущения своего тела, ощущения времени, ощущения пространства. Вокруг не было тьмы. Его окружал белый непрозрачный туман - всё то, что осталось от распавшегося на атомы материального мира. Поэтому он не видел вокруг черноты, поглотившей остатки этого мира.

Нейон Ти помнил, как в глазах его опять начало рябить до тошноты, и он предпочёл тьму неприятной картине.

Когда он открыл глаза, точнее было бы сказать: «Когда его сознание снова продолжило воспринимать обстановку», то оказалось, что молочная белизна вокруг стала приобретать серые и чёрные оттенки, которые мелькали вокруг бесформенными пятнами разных размеров. Как будто в белый туман капали чёрную тушь и при этом перемешивали. Вокруг мелькало и пестрило. Мельканье длилось недолго и затихло. Вокруг него вблизи, вдали, сверху, снизу в потемневшем тумане висели многочисленные пятна и пятнышки разных оттенков от чёрного до серого. Всё это пятнистое однообразие снова зарябило в глазах. Видимо, даже освобождённому от телесной оболочки сознанию такая картина была не по силам, и дальше Нейон Ти помнил только тьму.

Когда сознание вернулось к действительности, то противная для зрения рябь вокруг продолжалась, но вокруг пятен не было. Вместо пятен появилось разнообразие цветов, которые лентами разной длины и ширины извивались со всех сторон. Всё это походило на чародейство, когда из ничего, из пустоты, возникает нечто. Это чародейство творила Вселенная по своим, никем не познанным, законам. Потом опять тьма, когда не было даже сознания.

В дальнейшем события напоминали Нейону Ти ранее увиденную картину. Всё это он уже видел, но в обратном порядке, когда сквозь колеблющуюся толщу воды проступали неясные контуры окружающей обстановки Центрального Поста, мониторы, приборные панели, панели управления, его штурманское кресло, очертания его собственного тела. Не было никакой воды. Так его сознание воспринимало окружающее. Ощущения тела ещё не было, но ощущение пустоты исчезло. Колеблющиеся очертания и контуры становились отчётливей, наливаясь при этом красками, словно в театре со сцены убирали полупрозрачный занавес.

Но это была не сцена. Это был его звездолёт, вернувшийся из небытия.

«Я был там вместе с ним и теперь возвращаюсь» - Нейон Ти помнил, свою первую мысль, когда он ощутил под собой штурманское кресло. Он видел свои руки там же, на подлокотниках. Его тело было в порядке. Даже в голове не шумело, как обычно после перегрузок. Нейон Ти не чувствовал себя разбитым, обессиленным, подавленным. Он ощутил непривычный для Центрального Поста запах озона, не похожий на запах кондиционированного воздуха. Это окончательно вернуло его к рабочему состоянию.

Первым делом он запустил программу включения двигателей. Нужно было время для вывода их на нормальный режим. Диагностика показала, что бортовые системы в штатном режиме. Повреждений нет. Тревожил тот факт, что блок космической связи не работал на приём сигнала. Он понял, что остался без связи, но пока ему было не до этого. Неизвестно, чем бы всё кончилось, если бы системы двигателей прошли через «всё это» в рабочем режиме. Он знал,

что на вопрос никто ему не ответит. Но не знал, что дальше ему предстоит сталкиваться только с такими безответными вопросами.

Началось с его попытки определить свои координаты. Блок Навигатора вместо ответа выдал чёрный экран и сообщение о том, что звёздолёт находится в нулевой точке координат. Походило на нестандартный сбой системы, о котором он не слышал до сих пор. Это было посерьёзней, чем отсутствие связи - оказаться в «слепом звездолёте» неизвестно где. Видимо, радость отсутствию повреждений была неуместной. Нейон Ти не знал, каких ещё ждать сюрпризов. Он потянулся к приборной панели и включил мониторы обзора. Ему пришлось отпрянуть назад, на спинку кресла и зажмуриться. Большой экран обзора слепил глаза ярким светом!

Неужели внешние камеры выгорели и дают одно сияние вместо изображения? Он осторожно приоткрыл глаза и из-под руки смотрел на экран, заливавший весь Центральный Пост ярким сиянием. Яркость удавалось убавить. Глаза привыкли к свету, и Нейон Ти мог смотреть на экран. Вскоре он стал различать на нём чёрные точки. Они были разбросаны без всякой системы по всему экрану. Небольшие, но все разной величины. Нейон Ти обратился к компьютеру:

- Седьмой! Провести диагностику системы обзора!

Ответ прозвучал как насмешка:

- Система обзора в норме. Все камеры и мониторы соответствуют параметрам.

- Может, дело в компьютере? - засомневался Нейон Ти. - Седьмой! Провести диагностику смарт-блоков!

Он ожидал, что в ответ услышит молчание, как бывало всегда при выявлении сбоя в системах компьютера, но прозвучал ответ:

- Диагностика проведена. Функции блоков соответствуют смарт-картам.

Обычно такой ответ радовал. Чувство тревоги не пропало. К нему прибавилось чувство голода, не позволявшее сосредоточиться и осмыслить новые вопросы. Он вспомнил, что успел только позавтракать и было это неизвестно сколько времени тому назад, в другой жизни, до его «воскрешения».

Пока двигатели пройдут программу выхода на рабочий режим, он успеет пообедать. Нейон Ти знал, что пустой желудок - это плохой советчик в таких случаях.

- Новую жизнь надо начинать с новыми силами, - громко произнёс он, освобождаясь от пилотских ремней. Ему приятно было проделать весь путь до столовой привычным манером, ногами, чувствуя себя хозяином ситуации, а не жертвой, ползущей вдоль переборок. Хлопоты в столовой окончательно вернули его к ощущениям прежней жизни. Он снова был командиром звездолёта, несокрушимого никакими стихиями, послушного каждому его слову. О недавнем испытании напоминали осколки кружки, разбросанные по всей столовой. Нейон Ти тщательно собрал их все до единого и выбросил в мусорный контейнер.

Во время обеда Нейон Ти по старой привычке прислушивался. Такая привычка осталась у него с молодых лет, когда в курсантские годы у него появился первый, малюсенький, электромобиль. Эта новая модель постоянно ломалась в самый неожиданный момент. Нейон Ти во время езды невольно прислушивался к гулу и жужжанию, что стоял в салоне, пытаясь уловить признаки очередной поломки. Он всегда облегчённо вздыхал, когда поездка удачно завершалась.

Вот и сейчас он по малейшим вибрациям пола, даже по колебаниям воздуха в отсеках, мысленно просчитывал поведение и состояние огромного организма под названием «звездолёт». Обедать можно было спокойно. Никаких признаков отклонений от заданной программы не было. Но он не мог не обратить внимания на странные глухие постукивания. Эти звуки никак не вписывались в привычный фон повседневной жизни на борту, но не могли служить признаком серьёзной опасности. Пока Нейон Ти обедал, наводил порядок и отдыхал, эти звуки то умолкали, то возникали вновь, невольно привлекая к себе внимание. Нейон Ти понимал, что придётся с ними разобраться прежде, чем искать ответы на остальные вопросы. Он не знал, что эти стуки несут ему ответы сразу на все вопросы и сейчас, и в будущем.

Нейон Ти вернулся в Центральный Пост и первым делом включил режим минимальной тяги. Ему ещё предстояло ра-

зобратъся с курсом. Но сначала устранить странные стуки.

Центральный Пост по-прежнему был залит ярким светом со стороны экрана обзора, на котором теперь отчётливо были видны россыпи чёрных точек разной величины. При виде этих точек никак не могла возникнуть мысль о картине звёздного неба тем более, что голова Нейона Ти была занята совсем другим. Он прислушивался. Ему не стоило больших усилий снова услышать странные звуки. Казалось, они разносятся по всему звездолёту. Напрасно Нейон Ти обошёл все отсеки. Вернувшись обратно в Центральный Пост, он должен был признать безрезультатность своего обхода. Успокаивало то, что не обнаружилось никаких повреждений.

Он опустился в кресло пилота и включил камеры внешнего обзора звездолёта. Экран рассыпался на множество экранчиков бортового контроля. Нейон Ти словно не замечал их. Взгляд его замер на экране внешнего обзора входного люка. Он не мог поверить своим глазам. Напротив входного люка в пространстве висел объект, по форме напоминавший обрубок толстого бревна длиной не более полтора метров. Но форма его постоянно колебалась и изгибалась по всей длине, больше напоминая толстого червяка, чем бревно. Поверхность бревна отражала яркий свет. На первый взгляд оно казалось прозрачным, но его матовая поверхность нарушала эту иллюзию. Нижний конец бревна напоминал ровный срез, а верхний имел правильную округлую форму, подобно макушке головы. Ближе к округлому краю, по бокам, из бревна торчали две тонкие ветки. Они изгибались и поочередно опускались на крышку люка. Нейон Ти не сразу сообразил, что прикосновения веток совпадают с теми звуками, что он слышал, сидя в кресле. Можно было ожидать увидеть что-то массивное, своими ударами вызывавшее стук по всему звездолёту, но никак не эти тонкие «ветки». Сомнений быть не могло. Висевшее за бортом бревно уже несколько часов лупило по звездолёту, не собираясь прекращать своё занятие.

За годы межгалактических полётов Нейон Ти привык к самым разнообразным формам жизни. Его трудно было чем-

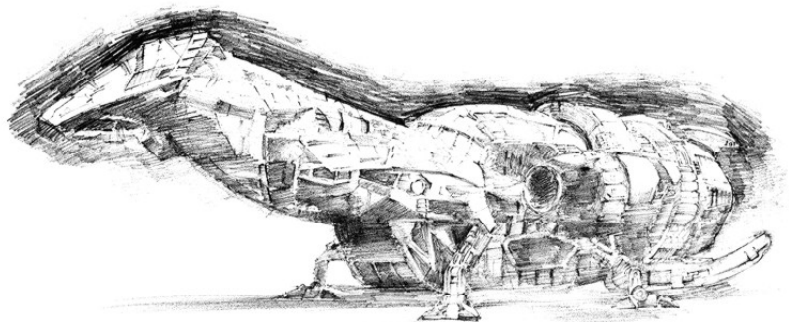
либо удивить, но подобных летательных аппаратов он ещё не видел.

- Кого это чёрт принёс? - невольно подумал он, успокоившись тем, что, наконец, хоть с одним вопросом разобрался. Теперь предстояло выяснить другой возникший вопрос. Связи не было. Он не мог проконсультироваться по поводу несанкционированного контакта в дальнем космосе. Но другого выхода не было. Должностные инструкции позволяли ему, как агенту БМБ, вступать в контакт с представителями иных цивилизаций. Инструкция предусматривала тот факт, что всё предусмотреть невозможно. Нейон Ти давно привык к таким ситуациям.

Поведение объекта не создавало угрозы для звездолёта, но надо было что-то делать. Нейон Ти встал и решительно покинул Центральный Пост. Вскоре он оказался в шлюзовой камере. Делом нескольких минут было надеть скафандр и задраить внутренний люк в звездолёт. Здесь, в камере, стук был слышен гораздо отчётливей.

Нейон Ти не знал, что его ждёт, но к этому он тоже привык. От нажатия кнопки привод послушно загудел и открыл входной люк. Нейону Ти пришлось опять зажмуриться от яркого света, несмотря на тонированный колпак скафандра. Снаружи всё было залито ярким светом, ярче, чем на экране.

Нейон Ти ступил на порог люка и чуть не столкнулся с объек-

том, висевшим перед самым люком. Первое, что запомнилось, был его глаз. Нейон Ти невольно называл глазом то, что торчало у бревна ниже его округлой макушки. Это, действительно, напоминало глаз правильной, овальной формы, с чёрным зрачком, размер которого плавно менялся. Нейон Ти прекрасно видел, что глаз уставился на него, не моргая, и рассматривал с ног до головы.

В первую минуту Нейон Ти даже вспомнил, что уже видел такие глаза и запомнил их навсегда. Видел там, на Земле. Это было давно. В тот миг он вспомнил, что видел их в далёкой молодости, когда ему надо было оформить какую-то справку. Тогда его гоняли из кабинета в кабинет для уточнения и заполнения всяких документов. И во всех кабинетах на него смотрели из-за столов такие же стеклянные немигающие глаза чиновников. Такое он видел, но того, что случилось дальше, раньше никогда не было.

- Ты кто? - услышал он вопрос.

Нейон Ти был в скафандре. Сначала он принял эти слова за сигнал связи скафандра. Но вопрос звучал как-то непривычно. Он слышал голос не в наушниках, а в голове. Через мгновенье Нейон Ти наконец понял свою ошибку. Объект, висевший в пространстве, представлял собой вовсе не летательный аппарат. Это было живое существо. Его гибкие руки, имевшие по три коротких щупальца, совершали плавные движения и не походили на угрожающий жест. Перед ним был представитель цивилизации, обитатель окружавшего звездолёта мира. Это его голос прозвучал. Это его глаз излучал Нейона Ти.

- Я человек, - ответил он, но голоса своего не услышал, словно говорил мысленно, сам с собой. - Я астронавигатор с планеты Земля. Командир этого звездолёта. Я возвращался с задания, но оказался не там, куда держал курс. Теперь я не знаю, где нахожусь. Системы звездолёта не могут определить координаты.

Нейону Ти приходилось не раз вступать в контакт с представителями самых невероятных форм жизни. Были среди них и такие, которые больше хотелось раздавить ногой, чем вести беседу. С извивающимся бревном он разговаривал

впервые и не мог привыкнуть к его немигающему взгляду.

Бревно не проявляло никакой агрессии. Его голос звучал спокойно:

- Да, я понял, что ты пришелец из другой Вселенной. Все вы падаете к нам на своих устройствах. Они давно удивляют отсутствием признаков технологий высокого разума. Разум обитателей вашей Вселенной находится на примитивном уровне. О каком разуме можно говорить, если ты даже не знаешь, где находишься и как здесь оказался?

Нейону Ти послышалось какое-то бульканье, в котором он невольно заподозрил усмешку, а голос продолжал звучать:

- Вы передвигаетесь по своей Вселенной в таких громоздких аппаратах. Они пополняют в нашей Вселенной выставку всяких диковинных экспонатов неизвестного назначения. Наши учёные не могут разобраться в том, каким образом можно передвигаться в пространстве на таких конструкциях, заполненных массой ненужных деталей, - бревно похлопало одной из своих рук-веток по обшивке звездолёта.

Уже первые слова поставили Нейона Ти перед этим бревном на уровень низшего существа, беспомощной букашки, заброшенной ветром случая на яркий листок неведомой жизни. Встреча с этим существом вселяла в него надежду найти ответы на все вопросы. Воспользовавшись минутной паузой, Нейон Ти отступил назад и жестом пригласил существо войти внутрь. «Бревно» без колебаний проследовало за ним. Нейон Ти закрыл люк, разгерметизировал камеру и избавился от скафандра. Вскоре они вошли в Центральный Пост, где Нейон Ти удобно расположился в кресле. У него было много вопросов к гостю. А гость чувствовал себя, как дома. Он плавно скользил над самым полом по всему помещению, при этом его гибкие ветки-руки касались окружающих предметов. Нейон Ти молча следил за ним. «Бревно» первым нарушило молчание:

- Нетрудно догадаться, что ты попал сюда из Чёрной Вселенной. Все вы падаете к нам не по своей воле. При вашем разуме вряд ли возможен другой вариант. Ваши знания не могут охватить даже вашу Вселенную, которую вы пытаетесь изучать на таких вот устройствах. Вам не дано

знать, что ваша Вселенная - это всего лишь часть мироздания, напоминающего слоёный пирог, где Вселенные следуют одна за другой. Ваша Вселенная граничит с нашей Светлой Вселенной. Мы давно способны перемещаться в пространстве с планеты на планету без таких вот громоздких оболочек, - его гибкая рука похлопала по спинке кресла:

- Я не смогу тебе этого объяснить. Это надо почувствовать, когда ты произносишь название планеты и оказываешься в нужном месте Вселенной. Что может быть проще? Уже миллионы лет мы используем энергию Вселенной и умеем ею управлять. В результате наши тела совершенней ваших, как мы в этом успели убедиться за время ваших визитов. Нам не нужна пища. Мы подпитываемся энергией Вселенной и не затрачиваем усилий на питание организма. Наша Вселенная наполнена энергией, сияние которой ты только видишь, а нам она обеспечивает комфортную жизнь на любой планете, где нет ничего, что бы напоминало ваши города, ваши дома и ваши удобства, без которых в вашей Вселенной жизнь невысказима в условиях чёрного космоса. Нам комфортно на любой планете, в любой точке Вселенной. Наш разум свободен от многих пустых целей, поэтому он достиг такого совершенства. Мы свободны от неудобств жизни. У нас их нет. Это я тебе говорю потому, что заранее знаю все твои вопросы. Ты не первый чернолонец, которого я вижу. Так называют тех, кто попал к нам из Чёрной Вселенной. Но мы не приспособлены для посещения вашей Вселенной и не можем перемещаться в ней своим способом. Энергия вашей Вселенной губительна для нас. Поэтому встреча с нами невозможна для вас и не нужна для нас. Нам нечего делать в вашей Вселенной. Поэтому наша Вселенная имеет надёжное защитное поле гравитации, создающее для вас иллюзию бесконечного пространства, недоступного для изучения. Но иногда случаются повреждения. Возникают зоны антигравитации в этом поле, через которые затягивает ваши аппараты. Их много скопилось. Огромная коллекция. Ты их скоро увидишь. Они находятся здесь, недалеко. На планете РГЖБ

Нейон Ти услышал набор букв вместо названия, непере-

водимого с местного языка. Дальше разговор принял неожиданный оборот:

- Ты должен будешь оставить свой аппарат там же, на планете. Но сначала придётся израсходовать всё топливо. На наших планетах не может быть других источников энергии, кроме чистой энергии нашей Вселенной.

После этих слов Нейон Ти не спешил вставать с кресла:

- Я не успел представиться, как полагается при установлении контакта. Меня зовут Нейон Ти. А как обращаться к тебе и как называют обитателей вашей Вселенной?

«Бревно» вернулось к креслу и замерло перед ним. Глаз, не мигая, уставился на Нейона Ти, который никак не мог понять с кем имеет дело - с живым существом или с порождением технической мысли совершенного разума. Настолько поведение гостя звездолёта было лишено каких-либо эмоций. Глаз стеклянный, голос с металлическим звоном. Он снова зазвучал в голове:

- В своём уровне развития мы можем позволить себе не иметь ничего, чтобы жить в гармонии с Вселенной. Но каждый из нас имеет своё имя. Нам это необходимо для общения, для обмена энергиями и выравнивания их общего потенциала. Не знаю только, зачем я тебе это говорю. Ты всё равно не поймёшь. Но ты поймёшь главное, что меня зовут М-Э-Э, - вдруг громко промычало бревно. - Ты можешь позвать меня из любой точки нашей Вселенной, и я услышу тебя. Обитатели соседних Вселенных называют нас светлоренцами.

- Каких Вселенных? - невольно вырвалось у Нейона Ти.

Он опять почувствовал себя земной букашкой, заброшенной из муравейника на самую высокую ветку дерева. У кого угодно закружится голова от такого открытия.

- Соседние Вселенные мы не посещаем. Дело в том, что ты попал к нам из своего трёхмерного пространства. Мы живём в других условиях четырёхмерного измерения. Поэтому я плохо различаю тебя, с трудом. Ты кажешься мне чёрным бесформенным пятном, из которого сверху торчит кругляк с боковыми отростками, а сверху и снизу болтаются тонкие чёрные ленты. Как можно жить в таком теле, да

ещё путешествовать? - без нотки удивления спросило «бревно».

Нейону Ти стало не по себе от такого своего портрета. Видимо, он тоже воспринимал облик светлоленца в искажённом виде из-за несоответствия пространственной структуры их сознания. А светлоленец продолжал:

- Мы находимся между вашей Чёрной Вселенной и Жёлтой Вселенной. Желтоленцы нас вообще не могут видеть из-за своего пятимерного пространства. Мы, в лучшем случае, различаем их в виде белого мерцающего облака. Поэтому мы не поддерживаем с желтоленцами никаких контактов. Ни первого, ни второго, ни третьего уровня. Зачем? Что это нам даст при нашей гармоничной жизни? Мы даже не можем с ними обмениваться энергиями. Они несовместимы по своим частотно-импульсным характеристикам. Вам, черноленцам, мы бы тоже посоветовали не покидать вашу Вселенную. Зачем? Лучше, чем там, где вы обитаете, всё равно не будет. Сколько надо миллионов лет, чтобы вы это поняли и прекратили напрасно тратить свои усилия? Лучше бы направили свои усилия на совершенствование разума для создания техники, за которую не было бы стыдно, - светлоленец опять хлопнул гибкой веткой по креслу.

- Я покажу тебе планету РГЖБ, - светлоленец крутнулся в сторону экрана обзора, который опять светился ярким светом, усыпанный россыпью чёрных точек. - Вот она! - рука его вскинулась в сторону экрана. Вытянувшись, она средним щупальцем уткнулась в одну из точек. - Тебе сюда нужно держать курс. Там хранилище таких аппаратов. Но сначала придётся кружить над планетой, пока не кончится топливо. После этого совершишь посадку. Где угодно. Места там много.

- А что будет со мной? - не выдержал Нейон Ти.

- Ничего особенного. Для тебя это окажется новостью, а для нас является обычной жизнью. Ничего не поделаешь. Мы не знаем, что такое время, о котором говорят пришельцы из Чёрной Вселенной. Мы просто существуем в пространстве. В любой его точке, что зависит от нашего желания. У тебя так не получится. Все твои предшественники быстро меня-

лись здесь. Изменялись их тела. Они уменьшались в размерах. Постепенно. Тогда ещё не знали о том, что программа, заложенная в организмы черноленцев, под действием энергии нашей Вселенной начинает работать в обратную сторону. На это не сразу обратили внимание, поэтому обитатели первых аппаратов, попавших к нам, дошли до состояния эмбрионов. Ты сможешь это увидеть после посадки на планету, как и все прочие её посетители. Вместе с вашими аппаратами там хранятся законсервированные тела их обитателей. Они в прозрачных колбах и прекрасно сохранились. Их много! От зародышей до особей твоего размера. Некоторые черноленцы после знакомства с нашей коллекцией сами просили подвергнуть их консервации, не дожидаясь впадения в младенческую беспомощность. Ведь это безболезненная процедура. Всего лишь вечный сон. А что может быть лучше вечности? Эта планета пользуется большой популярностью во Вселенной своей коллекцией, - добавил светлоленец.

Нейон Ти машинально похлопал себя по коленям, по бокам, по груди. Во всём организме он чувствовал прилив сил. Вдруг он понял, что так будет теперь всегда. В теле включился механизм омоложения. Время для него пошло вспять. Клетки организма не потребляют энергию. Они выделяют энергию, возвращаясь в прежнее состояние. Его организм выступал в роли ленточной пружины. Сколько он себя помнил, эта пружина раскручивалась и раскручивалась, обеспечивая его энергией для учёбы, для работы, для отдыха. Он расходовал много энергии в своей жизни, чего уж там говорить. Но сейчас эта пружина стала скручиваться обратно, когда он оказался в среде с совершенно иными законами мироздания, не подвластными его разуму. Его организм, подобно пружине, будет скручиваться в обратном направлении, пока не достигнет своей нулевой точки, то есть, пока не перестанет существовать совсем. При этом, молодея с каждым мгновением, его тело будет чувствовать себя всё более молодым и полным сил. Его ожидала участь эмбриона!

Спина Нейона Ти покрылась испариной. Ему показалось,

что глаз светлоленца смотрит на него, как на законсервированный экземпляр сквозь толщу прозрачной банки.

Жгучей волной окатило чувство протеста. Захотелось вскочить, схватить «бревно» за его ветки и грохнуть со всей силы об пол. Но Нейон Ти забыл, что светлоленец слышал все его мысли в голове. «Бревно» плавно отплыло от кресла, не отрывая руку от экрана:

- Нам туда, - прозвучало в голове.

Нейон Ти усилием воли удержал себя в кресле. Вслух он громко скомандовал:

- Седьмой! Держать курс на планету в квадранте экрана K4!

После этого он включил автопилота и команду на первый уровень тяги. Спешить ему было некуда.

Весь экран был усыпан чёрными точками. Теперь Нейон Ти знал, что это не точки. Это звёздное небо Светлой Вселенной, любая из планет которой были уютным домом для её обитателей. Ему предстоит лететь туда, где он навсегда останется экспонатом. Такой перспективы не обещали ещё ни одному агенту БМБ.

Звездолёт, в отличие от него, не знал своей участи. Он ожил всеми своими системами и послушно выполнял новую команду.

- Я доберусь до планеты вместе с тобой, - услышал Нейон Ти и вместо ответа спросил:

- А как вы размножаетесь? Вы живые существа или плод научной мысли, продукт технического производства?

- Я не понимаю, о чём ты говоришь. Мы достигли совершенства. Оно позволяет нам комфортно существовать в наших телах. У нас нет никаких проблем, а раз нет проблем, то нет и никаких вопросов. Мы просто существуем в пространстве, - снова повторил светлоленец. - Этого достаточно. Мы не меняемся. У тебя тоже скоро не будет никаких проблем. Ты останешься с нами навечно.

- Для меня это будет означать одно - смерть! - не выдержал Нейон Ти и услышал в ответ:

- Что такое смерть? Видимо, ты говоришь о пассивной форме жизни?

Нейон Ти понял, что одной игрой в вопросы и ответы им не понять друг друга.

Планета, действительно, оказалась недалеко. Нейон Ти перешёл на ручное управление и снизился над её поверхностью. Его уже не удивляла пустынная, необитаемая картина внизу. Это на экране планета выглядела чёрной точкой, а вблизи поверхность имела красноватый оттенок. Внизу унылой вереницей тянулись холмы, трещины глубоких каньонов, горные массивы. Наконец он увидел обещанную картину и сердце его болезненно сжалось при виде печального зрелища.

Из-за горизонта сначала показался остроконечный частоток с чёрными верхушками, а вскоре он увидел всё остальное...

Их было много. Звездолёты самых разных конструкций, из разных галактик его Вселенной. Контуры некоторых из них были ему знакомы, другие он видел впервые, неведомой ему конструкции. Они были из разных мест Вселенной, из разного времени, но теперь объединены одной бедой на этой вечной стоянке, напоминавшей кладбище. Сосчитать их было невозможно. Все они блестели в ярких лучах света и выглядели так, словно только вчера опустились на планету, где не существует понятия «вчера». Для них навечно наступило «сегодня». Трудно было отвести взгляд от звёздных кораблей, превратившихся в памятники. Среди них предстоит оказаться и его звездолёту.

Мысль об этом встряхнула Нейона Ти. Он понял, что не хочет садиться на планету. Не хочет видеть прозрачные колбы, не хочет становиться жертвой вечности. Но что это меняло?

- Я должен покинуть тебя. Проводи меня к выходу, - услышал он.

Светлоленца уже не было в Посту, когда Нейон Ти встал с кресла. Тот оказался в шлюзовой камере и встретил со словами:

- Ты можешь смело открывать люк. Пространство нашей Вселенной безопасно для обитания. Твои предшественники могли бы это подтвердить. Громоздкий костюм защиты ни к чему снаружи.

Нейон Ти вспомнил, что ещё не посмотрел данные контроля.

События опережали его действия.

Нейон Ти без колебаний открыл внешний люк, в котором тут же исчез силуэт «бревна», словно его и не было. В отсек хлынул яркий свет. Он лишь слепил глаза, но не обжигал кожу, не вызывал удушья или желания спрятаться от него. Прищурившись, Нейон Ти выглянул наружу.

Да, это было воздушное пространство, в котором можно было свободно дышать. Но это было несравнимо с атмосферой Земли. Чего-то не хватало в том, чем он дышал и не хотел называть воздухом. Возможно, не хватало привычной для Земли влажности, пропитанной запахами земной природы. Ощущения у него были совсем другие. Прощание принесло ему неожиданное приятное открытие. Его окружала безопасная среда.

- А зачем мне садиться на планету? - спохватился Нейон Ти, возвращаясь в Центральный Пост. - Тем более, что сначала я должен израсходовать всё топливо перед посадкой. Нет, мы сделаем иначе. Не будем спешить на встречу с вечностью. - Седьмой! - громко прокричал он:

- Вычислить стационарную орбиту! Выйти на неё и держать курс! - он включил автопилота и откинулся на спинку кресла. - Пусть думают, что я расходую топливо в ожидании посадки. Оно мне ещё пригодится. На орбите спутника планеты я буду его расходовать ой как долго. Но это хорошо для сохранения топлива, а не для меня. Медлить мне нельзя. Неизвестно, как скоро я впаду в детство. Мне надо спешить, времени у меня нет.

Нейон Ти мог не опасаться, что кто-то рядом услышит его мысли.

Упомянув время, он машинально бросил взгляд на часы, по которым жил на борту, и обомлел. Электронное табло высвечивало одно число «47278». Последняя цифра моргнула и сменилась на «9». Что это было? Он пожалел об отсутствии старинных стрелочных часов: «Что было бы с ними? Неужели стрелки пошли бы в другую сторону? Почему бы и нет, если мой организм подчиняется местным законам? Я

бы не удивился». Он начал наблюдать за часами и мысленно считать с секундным интервалом. За минуту отсчёта число на часах увеличилось на двадцать две единицы. Он облегчённо вздохнул. Теперь он знал, что молодеть будет в три раза медленнее, чем взрослел до своего возраста. Но тут же ему пришлось усомниться: «С чего я взял? Что показывают часы? Если бы это были секунды, которые делятся здесь в три раза дольше по этим часам. Но это совсем не факт. Это ерунда. Есть только один факт - я должен очень поспешить», - признался он самому себе в поспешности радостных выводов.

В это время звездолёт прекратил набор высоты и вышел на орбиту искусственного спутника планеты. Теперь двигатели будут включаться только для поддержания курса. Успокаивало то, что он больше не сможет видеть вблизи страшную коллекцию Светлой Вселенной. «Кто знает, может и в Жёлтой Вселенной тоже есть такая коллекция? - горестно вздохнул он. - Они здесь не покидают пределов своего комфортного пространства».

Звездолёт завис на околопланетной орбите. Двигатели не работали. Нейон Ти откинулся на спинку кресла:

«И что дальше? Никто не запретит мне крутиться вокруг планеты. Это для меня не выход. А есть ли он вообще отсюда?» - обожгла мысль, хотя от неё веяло холодом смерти.

С каждым мгновением молодеть, чтобы расстаться с жизнью в состоянии эмбриона, зародыша? Неизвестно, когда звездолёт упадёт на планету. Возможно, что и эмбриона никакого здесь не найдут.

Он сидел с закрытыми глазами. Не хотелось их открывать. Не хотелось вставать и идти в жилой отсек. Не хотелось спать. Он чувствовал, что абсолютно не хочет спать, чувствовал сожаление от того, что ни о чём не успел расспросить светлоленца. Может, они тут вообще не спят? Ничего он не знал. Но спать не хотелось. Вместо этого он испытывал прилив сил, бодрое состояние. В отличие от потери сна, это его уже не удивляло. За счёт сна у него теперь прибавится уйма дополнительного времени. Нет, не времени. Возрастут возможности поиска выхода. Он не мог привыкнуть к мысли, что

время для него не существует, не мог смириться с тем, что для него осталось только одно - ожидание слияния с вечностью, растворение в безвременном пространстве. Он сидел с закрытыми глазами. Вокруг была тьма. Так будет всегда для него, когда он превратится в ничто.

- Нет! Не может быть! Я в этом убедился, как никто! Я мыслил в бестелесном пространстве! Сознание моё останется неизменным! Это часть Вселенной! - воскликнул Нейон Ти.

Вдруг его осенила мысль, от которой бросило в жар. И он открыл глаза: «Но ведь моё сознание - это часть Чёрной Вселенной! Исчезновение моего тела приведёт к слиянию сознания с энергией, её породившей. Она вернётся в привычную среду обитания! Его материальная оболочка, моё тело, является обузой и не даёт этого сделать в любой момент!».

У Нейона Ти не было никаких доказательств своего предположения, но картина ожидаемых последствий его смерти для него вырисовывалась удивительно ясной и невыносимой его разуму. Он вскочил с кресла и покинул Центральный Пост. Войдя в жилой отсек, бросился на кровать, вытянувшись во весь рост и засунув руки под голову - он любил рассуждать в такой расслабленной позе:

- Нет! Я человек! Сознание должно служить мне для спасения тела, а не приносить его в жертву для своего спасения! Не будет этого! Я человек! - громко произнёс Нейон Ти самому себе. - Пусть мой разум далёк от совершенства. Его главная ценность не в количестве знаний, а в способности мыслить и вряд ли у этой его способности есть предел.

Спать не хотелось. Он разговаривал сам с собой:

- Я не искал путей в эту Вселенную, даже не знал о их существовании. Но раз есть вход, то должен быть и выход. Разве может быть иначе? Не может быть, что мирозданье, этот слоёный пирог Вселенных, устроено примитивней, чем обычная ванна, которая не может функционировать с одним отверстием. Здесь скорее вопрос философский, логический, который шире, чем научный вопрос о наличии таких выходов. Там, где не хватает знаний, надо надеяться на размышления, пусть даже такого несовершенного, разума!

Нейон Ти всё больше убеждал себя в том, что надо искать

выход. Глаза его не слипались. В сон его не клонило. Неизвестно, как долго он пролежал в такой позе. Чувство голода в отличие от чувства усталости никуда не пропало. Ему пришлось встать и идти в столовую. Он просто ел, не задаваясь вопросом о времени суток - обед это или ужин. Нейон Ти убедился, что во время еды приходит не только аппетит, но и хорошие мысли.

«Интересно, - подумалось ему. - Как выглядят остальные светлоленцы? Смог бы я узнать среди них своего знакомца М-Э-Э?»

Не успел он так подумать, как в голове прозвучал вопрос:

- Ты звал меня?

Нейон Ти поперхнулся и закашлялся:

- Нет! Я просто подумал, смог бы я тебя узнать среди других светлоленцев?

- Мы все разные. Но с твоим трёхмерным сознанием распознать нас трудно. Я не знаю, каким ты меня видел. Знаю только, что это не совпадает с моим настоящим обликом.

- Я бы хотел снова увидеть тебя, - неожиданно вырвалось у Нейона Ти. - Возможно, я тоже попрошу своей консервации.

- Можешь меня впустить. Я всегда готов помочь, - послышалось в ответ.

Нейон Ти поспешил из столовой, и вскоре светлоленец опять составил ему компанию в Центральном Посту:

- Ты принял правильное решение. Тебе надо опуститься на планету. Аппарат твой никому не мешает. Он упадёт на планету, когда не останется чуждой нам энергии.

Нейон Ти согласно кивнул головой:

- Прежде мне бы хотелось хоть немного осмотреть вашу Вселенную. За чертой вечности такой возможности у меня не будет. Я не могу передвигаться вашим способом. Для этих целей у меня есть другой аппарат, поменьше. Ты мог бы показать мне ваши планеты? - обратился он к светлоленцу.

- Очень давно, когда наш разум был далёк от совершенства, любопытство ускорило наше развитие. Я знаю, что это такое. Твоё любопытство говорит о том, что вы в Чёрной Вселенной развиваетесь в правильном направлении. У вас есть

шанс достичь совершенства, если ваше любопытство будет правильно использовано. Я согласен показать тебе то, что ты сможешь увидеть, пришелец.

«Бревно» замерло напротив кресла Нейона Ти, который не заставил себя ждать. Он проследовал в транспортный отсек и разместился в кабине звездокара.

Светлоленец стоял позади его кресла, когда они покинули звездолёт и оказались в сияющем пространстве. Нейон Ти с трудом настроил по максимуму тональность защитных очков. Яркий свет больше не мешал ему.

- Вряд ли я смогу много показать тебе, - звучало в голове.
- На твоём аппарате мы сможем лишь осмотреть соседние планеты. Пусть это будут твои последние впечатления, с которыми ты уйдёшь в вечность, пришелец.

Но Нейон Ти, вырвавшись из звездолёта как из будущей гробницы, был готов действовать, готов к чему угодно, вплоть до того, чтобы на всей скорости врезаться в одну из ближайших планет. Жажда действия пересиливала здравый смысл, не желавший смириться с беспомощностью. Голос светлоленца мешал сосредоточиться:

- Даже на твоём аппарате можно увидеть в нашей Вселенной чужие планеты.

- Что значит «чужие»? - переспросил Нейон Ти.

- Ты видел чужие аппараты из вашей Вселенной. Это ничто по сравнению с теми планетами, что забрасывают к нам силы антигравитации. Мы смирились с этим. Мы не умеем управлять силами антигравитации. Никто не ожидал такого эффекта, когда научились создавать гравитационные поля для защиты Светлой Вселенной. В этих полях периодически возникают возмущения направленного действия. Они неуправляемы и непредсказуемы. Их нельзя предсказать, с ними нельзя бороться. Ты сам убедился в этом, оказавшись здесь. Таким же образом здесь оказываются и планеты из вашей Вселенной, и всё то, что попадает в зону неуправляемой антигравитационной воронки, которую вы, пришельцы, называете чёрной дырой. Неудивительно. Вы живёте в чёрном пространстве. Ты мог убедиться, что ваши аппараты и их обитатели остаются невредимыми, попадая к нам. Ваши пла-

неты занимают наше пространство, но мы смирились с этим. Ваши чёрные дыры приносят нам гораздо меньше бед, чем наши светлые дыры, как мы их называем. Это те возмущения гравитации, что направлены наружу нашей Вселенной. Силы светлой энергии вытягивают пространство в огромную трубу, из которой невозможно вырваться. Учёные разрабатывают программу стабилизации для устранения гравитационных возмущений, а пока нет гарантии, что в любой момент мы в твоём аппарате не окажемся внутри светлой дыры. Для меня это будет означать одно - прекращение всех функций. Я не приспособлен к жизни в вашей Вселенной. Обитатели нашей Вселенной неизбежно гибнут, попадая в просторы Чёрной Вселенной. Ваши пространство и время стирают нас в порошок. Наши планеты рассыпаются и становятся пылью, которую вы называете звёздной. Мы надёжно защитились от вашей Вселенной. Но иногда она напоминает о себе.

Нейон Ти ликовал и сдерживал себя, чтобы не выдать свою радость. Слова светлоленца подтверждали его размышления и надежды. Голос продолжал звучать в голове:

- Может, это и хорошо, что возможности этого аппарата ограничены по дальности полёта. Мы передвигаемся в пространстве одной энергией мысли, но это не спасает, если между точками наших перемещений оказывается активная зона антигравитации. Мы бессильны против этих сил в любом нашем состоянии. Не стоит удаляться далеко от РГЖБ. Я прибыл к тебе, но обратно мне не вернуться тем же маршрутом. Я слышал крики тех, кто исчезал в светлой дыре. Их ещё можно было услышать на фоне зарождающейся губительной аномалии, от которой нет спасения. Эти силы поглощают всё: энергию, пространство, планеты, звуки. Даже тишину. Никто не может дать картину происходящего в зоне действия антигравитационной аномалии, в зоне светлой дыры. После неё ничего не остаётся. Неизвестно, каких размеров она достигнет в этот раз и как долго будет поглощать нашу Вселенную. Мне повезло. Если бы ты позвал меня после того, как дыра достигнет своего максимума, то я уже никогда бы не добрался сюда. Сейчас поражённая аномалией зона Вселенной заполнена сигнальным газом. Он чёр-

ного цвета и далеко обозначает границы новой светлой дыры. Его неподвижные слои указывают границу, за которой прекращается безопасная зона, за которой пропасть, откуда не возвращаются. Это чёрное облако далеко обходят стороной, - голос на мгновение утих, напомнив Нейону Ти минуту скорбного молчания:

- Не всем удаётся миновать это облако. Планетам не дано решать свою судьбу. Они исчезают тысячами. Вместе с обитателями. Вспышка антигравитации происходит мгновенно. Ближайшие к ней планеты обречены. Я не могу сказать, как далеко отсюда опасная зона. Для меня нет расстояний. Я обитаю в пространстве. Чёрного облака не видно. Мы в безопасности.

- Откуда ты прибыл ко мне? У тебя есть место постоянного обитания? - как можно спокойнее спросил Нейон Ти, сердце его учащённо билось.

- Я могу находиться, где угодно. Есть много дел, когда нужна моя помощь, очень часто помогают мне. В этот раз я прибыл к тебе с планеты ЕАОУ, - вырвалось у него название набором букв. - Она находится здесь, - его палец уверенно ткнул в экран Навигатора звездочара. - Только возвращаться туда мне придётся другим путём, через планету ИКСАУ, - махнул он рукой за края экрана. - Твой прибор не может уловить её координаты. Но мне это не проблема. Главное - миновать зону светлой дыры.

Нейон Ти прекрасно понимал, что возможности звездочара ограничены и не собирался совершать побег со страшной планеты. Он должен был признаться самому себе впоследствии, что вообще не задумывался над тем, для чего ему надо было куда-то лететь, да ещё со светлоленцем на борту. Ему невыносимо было бездействие, беспомощность. Невыносимо было находиться на борту звездолёта, обречённого, как и он сам. Вряд ли он смог бы сохранить надежду на спасение в таком состоянии. Видимо, эта надежда и гнала его прочь из обстановки, где всё ожидало своей неизбежной участи.

Нейон Ти ещё раз убедился, что любое действие, любое, даже не подотчётное разуму, но действие, лучше бездей-

ствия. Он продолжал держать курс звездокара прямо, хотя чернеющие точки в ярком пространстве его больше не интересовали. Светлоленец не проявлял нетерпения, столбиком замерев у кресла. Может, он думал о тех, кого больше не увидит, о тех планетах, где ему больше не бывать. Способен ли на чувства этот представитель совершенного разума? Нейону Ти не задумывался об этом, когда спешно выруливал звездокар на обратный курс, когда открывал колпак кабины в транспортном отсеке.

Только в звездолёте светлоленец нарушил молчание:

- Почему мы вернулись? Тебе следовало опуститься на планету.

- Да, я собирался это сделать. Но мне нужно кое-что приготовить, отключить часть систем звездолёта.

- Я буду ждать тебя внизу, - согласился светлоленец. - Ты найдёшь меня возле хранилища аппаратов. Только позови по имени. Всё будет готово к твоему появлению, пришелец, - силуэт «бревна» исчез в пространстве, пока закрывался шлюз отсека.

Нейон Ти выдернул из Навигатора диск памяти и метнулся в Центральный Пост. Он знал, что, кроме вечности, ничто не грозит ему в этой Вселенной и не опасался никаких последствий. Медлить было нельзя. За ним никто не гнался. Его подгоняла мысль о необратимых процессах в организме. Движения его были стремительны, когда он вбежал в Центральный Пост. Первым делом он вскрыл блок Навигатора и зарядил в него диск, снятый со звездокара. В следующее мгновение он уже был в штурманском кресле и, пристегнувшись ремнями, громко скомандовал:

- Седьмой! Включить программу вывода двигателей на режим полной тяги! Курс на планету ЕАОУ в квадранте В6!

Компьютер продублировал команду. Звездолёт по команде автопилота завалился с орбиты прочь, в сияющее пространство. Планета РГЖБ пропала из виду.

Нейон Ти облегчённо вздохнул. Лучше смерть в космосе, чем экспонат для туристов. Лучше этот маршрут, которого боялся светлоленец. Та сила, что несла гибель всему живому и неживому, могла стать для него спасением. Другого

выхода у него не было. Вряд ли эта сила отличалась от того, через что ему пришлось пройти не по своей воле. Теперь он сам искал с ней встречи.

Нейон Ти сидел в кресле и чувствовал нарастание тяги. Звездолёт рвался вперёд. Не было усталости. Он не хотел спать, он не хотел есть. Его удерживало в кресле одно желание - увидеть впереди чёрное пятно на фоне бескрайнего сияния.

Нейон Ти решил, что не покинет кресло до конца. Время для него не существовало. Вскоре ему стало казаться, что звездолёт висит в пространстве, увязнув в безвременье, как в вязкой стене. Это походило на сумасшествие - неподвижный полёт в ярком свете. Спаситься можно было только терпением. Закрыв глаза, он вспоминал Землю. Его сознанию легко было перенестись туда, и он наслаждался воспоминаниями, забыв про окружающую действительность, про своё тело, про кресло под ним. Тело его было слишком далеко от совершенства светлоленца. Оно не могло последовать вслед за своим сознанием без надёжной оболочки звездолёта.

Время не шло, не тянулось, не стояло. Его не было. Открыв глаза, Нейон Ти почувствовал новый прилив сил. Ему казалось, что организм излучает энергию подобно тому, как пространство Вселенной излучало сияние. Несколько раз Нейон Ти невольно вздрагивал, вглядываясь в экран, но каждый раз ошибался, принимая за чёрное облако очередную планету.

Чёрное облако возникло вмиг. Оно словно выросло перед глазами, заслонив весь экран, вытеснив с него яркий свет. Возможно, оно стремительно разрасталось, распространяясь гораздо быстрее скорости звездолёта. Всё получилось иначе, чем ожидал Нейон Ти. От экрана больше не было никакой пользы. Он сам теперь напоминал чёрную дыру правильной прямоугольной формы. Но вскоре Нейону Ти стало не до него. Схватившись, опасаясь, что опоздал, он громко крикнул:

- Седьмой! Провести экстренное отключение двигателей!

Одновременно с этим дал команду на отключение автопилота. Звездолёт превратился в игрушку стихии, пожирав-

шей Вселенную. Нейон Ти знал, что его ждёт, не имея представления о том, чем всё закончится. Его устраивал любой финал, лишь бы не плен вечности. Ремни надёжно удерживали его в кресле, но он машинально вцепился в подлокотники, когда звездолёт начало резко бросать из стороны в сторону, сверху вниз. Промелькнула мысль о том, что вряд ли кому-нибудь из его друзей-астронавигаторов приходилось испытать на себе ухабы искривлённого пространства.

Началось ощущение падения в бездну, но на этот раз тяжесть давила гораздо слабей, чем стартовые перегрузки. Вибрация нарастала. Всё происходило совсем по-другому. На этот раз звездолёт представлял из себя огромную болванку не только снаружи, но и изнутри, не напоминая управляемый аппарат. Вихревые потоки крутили и вертели его самым невероятным образом. Нейон Ти чувствовал это, совершая вместе с креслом, вместе со всем Центральным Отсеком кувырки и перевороты, всевозможные пируэты во всех направлениях. На этот раз Нейон Ти просто закрыл глаза. Он не хотел больше проводить опыты со своим сознанием и уравнивал его возможности с возможностями тела. Вокруг наступила тьма. Он не хотел ещё раз наблюдать за своей смертью. Он точно помнил, что закрыл глаза не от страха в ожидании финала.

Сначала это напоминало ему кабинет стоматолога, где он всегда закрывал глаза и задерживал дыхание в ожидании окончания своих мучений. Только там не было кувырканий, резких толчков, рывков со всех сторон. Когда он очнулся и открыл глаза, то вокруг стояла тишина. Кресло было под ним, пол - внизу, потолок - вверху. Перед глазами чёрный экран обзора. Нейон Ти сразу вспомнил, что не выключил его при входе в чёрное газовое облако. Экран переливался яркими точками по всей поверхности. Невозможно было не узнать привычную картину Вселенной. Это светлоленты называют её Чёрной Вселенной. Для него она была его, родной Вселенной со всеми её опасностями и непригодностью для обитания. Прежде всего Нейон Ти удалил из Навигатора диск звездочара и запросил координаты. Всё остальное не представляло для него никаких трудностей. Сек-

тор Вселенной был ему хорошо известен. Он запросил связь с Землей и включил свои позывные. Его звездолёт идентифицировали не сразу. Потребовалось время, чтобы наземная служба БМБ восстановила в архиве его позывные, но об этом он узнает позже, вернувшись на Землю через сто девяносто шесть земных лет.

Он не успел вернуться в юность, впасть в детство, но после возвращения чувствовал себя гораздо моложе, чем до старта на своё последнее задание. У него не было оснований менять дату своего рождения, поэтому во всех документах она осталась прежней. Сто девяносто шесть лет к учёту не принимались теми чиновниками, для кого он являлся, по сути, древним предком.

Учёные умы только пожимали плечами в ответ на его отчёт. Единственным доказательством реальности отчёта был факт его возвращения живым. Многочисленные медицинские исследования его организма тоже не порадовали учёных. Они не нашли в его теле никаких изменений, никаких последствий после неоднократного разложения на атомы и обратного восстановления. Никто не спешил повторить его путь. Сам Нейон Ти тоже был далёк от мысли об этом. У него не выходили из головы слова обладателя совершенного разума, его совет не выходить за рамки привычной среды обитания. Возможно, когда-нибудь научная мысль дойдёт до такого уровня. Для себя Нейон Ти решил, что по своей воле вряд ли согласился бы ещё раз повторить подобное. Он понимал, что спасением был обязан не своим усилиям, способностям и знаниям, а всего лишь счастливому стечению обстоятельств, случаю. Вряд ли кто-нибудь мог гарантировать такую случайность в ближайшие несколько миллионов лет. И даже на такую вероятность надеяться не хотелось. Тем более, что его отправили на заслуженный отдых. Ему оставалось только верить, что после его мемуаров найдутся горячие головы среди нового поколения звёздных пилотов, способных повторить его путь. Это будет достижением совершенного разума и совершенной техники, а не делом случая.

01. 2021

НЕШТАТНАЯ СИТУАЦИЯ (рассказ)

Из звёздных мемуаров астронавигатора Нейона Ти

Он щелкнул пальцами и экран визора молчаливо погас. В следующее мгновение Нейон Ти вскочил с дивана, даже не успев сообразить, что причиной нарушения его безмятежной позы явился последний рекламный ролик. Нет, ничего особенного там не было. Всего лишь реклама последних моделей андроидов. На любой вкус, с любым набором опций. Нейон Ти думал не об этом. Он вспомнил тот случай из далекой молодости, и воспоминания лишили его покоя.

- Интересно, - вслух размышлял он, в задумчивости шагая из угла в угол. - А нынешние роботы уже способны на такое? Вряд ли. Разве можно разработать для роботов функцию самопожертвования? Не может быть никаких сомнений в том, что самоуничтожение и самопожертвование - это не одно и то же. Если первое давно уже предусмотрено во многих технических устройствах, ещё нашими далекими предками, то второе скорее является порывом души, нежели функцией механизма.

Нейон Ти уже много лет пытался убедить себя в этом. Тот факт, что он остался жив опровергал все его рассуждения. Не только его, но и ученых, разработчиков робототехники. Они давно смирились с безответностью вопроса о том, каким образом он остался в живых. Ни в какие алгоритмы киберпрограмм это не укладывалось.

Тогда, давно, после многомесячных комиссий, допросов и разбирательств ту нештатную ситуацию, в результате которой он остался живым, списали на обычный сбой в программе. Подобно тому, как пожарные списывают причины необъяснимых пожаров на замыкание электропроводки. Ну кто с этим поспорит? Вроде бы все тут было ясно и очевидно. Всем, но только не ему.

Нейон Ти не был специалистом по робототехнике, киберпрограммам и не мог никому ничего доказывать. Просто ему было не по себе при воспоминании о том случае. Так же,

как в этот раз. Он плюхнулся на диван и задумался. Прежде, чем сесть за очередные мемуары и рассказать об этом, надо было собраться с мыслями.

Нейон Ти не разбирался в устройстве роботов ни сейчас, в зрелые годы, ни в далёкой молодости. Ему это и не надо было. В Звездолётной Академии их, молодых курсантов, готовили к управлению звездолётами, к межпланетным полётам. Будущим командирам надо было уметь управлять звездолётами и уметь командовать специалистами по обслуживанию сложного организма звездолёта. Были среди них и робототехники. На смену роботам пришли киберы с новым обликом, с новыми возможностями. Но всё равно внешний вид киберов не вызывал желания сравнивать их с человеком, этих роботов второго поколения.

Если роботы были способны только к выполнению команд, то задачей киберов было управление мощной техникой там, где проходил нулевой цикл освоения новых планет. Всего один кибертехник мог следить на новой планете за отрядом киберов, которые руководили действиями армии мощных строительных механизмов. Это был большой прорыв. Нейон Ти был и свидетелем, и участником этого. Он не мог считать себя жертвой, ведь он остался жив только благодаря киберу.

Перед глазами всё ещё навязчиво мелькали кадры рекламного ролика. Что ни говори, а андроиды - это тебе не киборги. Невольно возникает желание подойти к экрану визора и прикоснуться к нему, проверить наощупь сходство с человеком. Может, тогда удастся почувствовать отличие? Нейон Ти видел, что наука достигла невозможного, создав техническую копию человека. Он даже не мог ответить себе на вопрос: «А надо ли это?». Скорей всего, рекламный закидон производителей для демонстрации своих возможностей и привлечения покупателей бытовых роботов. Там, в космосе, важен не внешний вид, а надёжность, - в этом для него вопроса не было...

Эта история случилась с ним после третьего курса. Если после второго курса его полётная практика проходила на галактическом спасателе «Адам», то после третьего курса

он попал в один из отрядов СОП, недавно созданной Службы Освоения Планет. Это были горячие денёчки для Земли. Она напоминала большой космопорт, ни на минуту не затихающий. Нейон Ти делал свои первые шаги в космосе, а Земля делала первые шаги на новые планеты. Каждый день приносил новости об отправке звездолётов и целых караванов. В Звездолётной Академии карта галактики была утыкана флажками, напоминая карту боевых действий. Эти флажки аккуратно каждый день добавлялись, удаляясь всё дальше от Земли. Людей не хватало, поэтому курсантов Академии с радостью разбирали для прохождения практики.

Более-менее серьёзно к практикантам относились только после четвёртого курса, и Нейон Ти не мог рассчитывать на получение ответственной работы. Он был готов на что угодно, лишь бы оказаться на палубе звездолёта. Там совсем другая жизнь, для которой их и готовили. Там не пол, а палуба, не окна, а иллюминаторы, не занятия, а вахта, не курсанты, а экипаж. Не говоря уже о том, что снаружи были не ровные дорожки и зелёные газоны с декоративным кустарником, а необъятные просторы Вселенной, до которой им ещё предстоит добраться за пределами своей галактики.

Его вторая полётная практика ничем не напоминала первую с самого начала. Управление СОП, куда он пришёл оформляться, больше напоминало диспетчерскую гаража, чем солидный офис. Коридоры длинного двухэтажного здания были забиты людьми.

Мимо него все куда-то спешили, громко разговаривая на ходу, словно сами с собой. У многих дверей в коридоре сидели на стульях люди с папками на коленях, с бумагами. Эти сидевшие мешали другим,

спешившим по узкому коридору. И у сидевших, и у спешивших на лицах читалось одно выражение - поскорей выскочить из этих стен и заняться тем делом, ради которого они здесь оказались. Окружавшие его люди не походили на всегдашних офисных коридоров и кабинетных кресел. В их глазах он разглядел блеск, знакомый ему по первой практике. Это был не просто блеск, а отражение звёзд, оставленных за кормой звездолёта. Так блестяли глаза курсантов после первой практики. Нейон Ти почувствовал себя среди своих.

Вдруг сзади его толкнули в спину и прежде, чем обернуться, он услышал:

- Не подкажешь, где тут отдел нанохронов? - позади стоял массивный упитанный дядька с пышными усами. Белая рубашка прилипла к потному телу. Локтём левой руки он прижимал кипу бумаг, торчавших из подмышки, а правой вытирал платком лоб с красного лица. - И как вы тут живёте в этих коридорах? - отдуваясь, ворчал он.

- Я не знаю. Сам здесь впервые, - пожал плечами Нейон Ти.

Толстяк легонько пихнул его животом и прошёл мимо, бормоча под нос. Вокруг продолжал шуметь людской поток. На него натыкались, отпихивали в сторону и снова спешили вперёд. Ему не нужен был отдел нанохронов, поэтому он быстро потерял из виду широкую спину дядьки.

Нейон Ти вдруг понял, что ему не стоило замахиваться на освоение просторов Вселенной, если узкие просторы коридоров смогут поставить его сейчас в тупик. Он энергично тряхнул головой и живой поток подхватил его вдоль по коридору. Слева и справа мелькали таблички на дверях кабинетов, чёрные, с позолоченными буквами: ОТДЕЛ ГИБС, ОТДЕЛ ВРТ, ОТДЕЛ ТЕХНОХРОНОВ, ОТДЕЛ НАВИГАЦИИ. В конце коридора он понял, что ему надо двигаться обратно, против течения. Поток людей в коридоре не убывал. Это был лишь один из ручейков жизни, которыми в те дни его молодости бурлила вся Земля. Ему было приятно чувствовать себя частичкой всеобщей энергии. Нейон Ти до сих пор помнил свои ощущения.

Протолкавшись назад, Нейон Ти вынужден был подняться на второй этаж, где облегчённо вздохнул. Здесь оказалось гораздо тише. В полупустой коридор выходило всего несколько дверей. Стены между дверями по всей длине украшали портреты. Нейон Ти скользил взглядом мимо них в надежде найти нужную дверь. Первые две двери были явно не по его заботам: ЛАБОРАТОРИЯ ВЧД и ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ КРС. Обе двери больше напоминали окованные железом ворота древних рыцарских замков, сходство с которыми усиливали распахнутые в стороны толстые решетки на петлях. Видимо, они блокировали двери в нерабочее время. Только возле последней, третьей двери по левой стене коридора сердце Нейона Ти радостно дрогнуло. Он увидел табличку с понятными словами ОТДЕЛ КАДРОВ. Возле двери никого не было. Облегчённо вздохнув, Нейон Ти постучал и вошёл.

Кабинет был очень большим. Четыре его окна заливали помещение ярким солнечным светом. Несмотря на большие размеры кабинета, свободного пространства в нем было мало. Вдоль стен кабинета и даже посередине стояли массивные, под потолок, шкафы. По всей вероятности, шкафов не хватало. На всех подоконниках громоздились чуть не в половину высоты окон стопки папок.

Всё пространство кабинета можно было только окинуть взглядом. Оно оказалось недосягаемым. Внутри Нейон Ти сразу наткнулся на деревянное ограждение с широкими перилами на уровне пояса. Как он потом понял, они играли для посетителей роль стола при оформлении документов. Это ограждение выполняло ещё и роль тамбура, проникнуть за который в помещение не представлялось возможным без соответствующих навыков и спортивных данных. Тамбур оказался таким тесным, что Нейону Ти пришлось прижаться к ограждению, чтобы закрыть дверь. Но свободнее от этого в огороженном пространстве не стало. Нейон Ти был там не один. Эта узкая клетушка была явно мала для двоих посетителей.

Нейон Ти оказался рядом со щуплым, худеньким пареньком. Узколицый, с острым подбородком. Светлый чуб козырьком свисал над очками в жёлтой оправе. Ростом он едва

доходил до плеча Нейону Ти. Паренёк что-то говорил сидевшему за столом снаружи ограждения. Стол был длинный. Он стоял боком, впритык к ограждению. Сидевший за столом находился сразу за ограждением, так близко, что можно было, нагнувшись через перила, погладить его блестящую на солнце лысинку.

- Здравствуйте! - громко произнёс Нейон Ти и одарил широкой улыбкой гостя и хозяина кабинета. Его настроение располагало к благодущию в предвкушении новой страницы жизни. Паренёк на полуслове замолчал и покосился в его сторону. Лысинка за столом чуть заметно дрогнула.

Нейон Ти увидел лицо хозяина кабинета. Его маленькие глазки из-за больших круглых очков рассматривали нового посетителя.

- Вы к кому? - спросил старичок без признаков благодущия.

- Как к кому? - опешил Нейон Ти. - К вам.

- Вам назначено? - холодный приём не мог испортить настроение Нейона Ти.

- Да, мне назначено на практику к вам. Я курсант-астронавигатор.

Он быстро протянул через перила своё направление на практику. Вид бумаги с солидными печатями и гербом Академии преобразил старика. Он сморщился. Многочисленные морщинки напоминали улыбки, разбежавшиеся по его лицу. Губами он не умел улыбаться, хотя голос зазвучал дружелюбней:

- Вот это другое дело! Вы как нельзя кстати. У нас каждая пара рук на счету. Навигация в разгаре. Не успеваем укомплектовывать экипажи. Правда, с вашим сроком практики на Вас

трудно рассчитывать в дальних полётах. Но ничего, - продолжил он, помолчав. - Дальние полёты у Вас все впереди. А пока для Вас хватит дел и в ближнем космосе. Вы вернётесь в срок.

На столе у него стоял старинный чернильный прибор в виде звездолёта на площадке космопорта с ангарами и командным постом. Неожиданно старичок ухватился за носовую часть звездолёта и поднёс её ко рту со словами:

- Диспетчер! Диспетчер! Кадры на связи!

- Слушаю! - прозвучало над столом, видимо, из чернильного прибора.

- Приветствую тебя! - ещё громче закричал старичок и снова заулыбался всеми морщинками. - Как дела? Как здоровье? Спину отпустило?

- Спасибо, помогло.

- Ещё бы! - обрадовался старичок. - Я же говорил тебе. Проверенное средство. Не зря его везут через всю галактику. Натираешься помётом грейфуса и как рукой снимает боли. Хоть и называют Антурию планетой вонючих грейфусов, но польза от её грейфусов немалая. Из-за этой пользы можно и вонь потерпеть. Рад, что тебе полегчало! Я чего тебе звоню. Скажи, девятый ещё не стартовал?

- Нет. Под погрузкой. Завтра с утра на маршрут. Уже заплавлен.

- Понял. Посылаю туда курсанта-практиканта. Третий курс. Ему дальше нельзя. Туда и обратно - вот и вся его практика, - чернильный прибор ответил равнодушным молчанием на подробности старичка. Тот вернул часть звездолёта на место и шлёпнул большой печатью по бумаге Нейона Ти:

- Вот и всё, молодой человек. Желаю успешной практики и хороших впечатлений! - Он протянул документы. - Вам надо в космопорт нашей службы. Там всё объяснят. Завтра звездолёт Z-9 берёт курс на Марс. Ближе ничего нет в ближайшее время. Уверяю, Вы не пожалеете и не будете скучать. Там грандиозные работы проводит наша служба. С возвращением тоже не будет проблемы. Звездолёты стартуют на Землю регулярно. Главное, чтобы справка о медкомиссии была в порядке, а нужные прививки Вам поставит доктор звездолёта.

долёта. От нашего Управления на космопорт каждый час отправляется гравикоптер. Стоянка за углом от центрального входа. Успехов! - закончил старичок, намекая, что разговор окончен.

Новая волна радости накрыла Нейона Ти, когда он выходил из кабинета. Выходил не в коридор. В новую жизнь, где не просто звёзды, а Марс. Не важно, что на первой практике ему довелось побывать гораздо дальше, в таких уголках галактики, куда судьба его, может, больше и не забросит. Как знать. Дело не в расстояниях. Марс есть Марс, какие бы дали Вселенной ни манили. Он всегда будет интересоваться астронавигаторов и любых специалистов, связанных с космосом. Это порог, через который должен перешагнуть любой, посвятивший свою жизнь освоению Вселенной.

С этими мыслями Нейон Ти опускался в сутолоку первого этажа, но сзади на лестнице он услышал торопливые шаги и оглянулся. Его догонял очкастый паренёк с пачкой бумаг в руке и портфелем подмышкой.

- Подождите! - услышал Нейон Ти и остановился на ступеньке в ожидании. - Вы в космопорт? паренёк улыбался. - Мне туда же.

- Ты что, едешь провожать родителей? - удивился Нейон Ти. Паренёк продолжал улыбаться:

- Нет, что Вы. Я только что получил назначение. Это не первый мой рейс на Марс. Я ведь специалисту по киберам. Уже третий год летаю. А Вы, значит, на практику?

Нейон Ти не мог оправиться от удивления:

- Сколько тогда тебе лет?

- Двадцать шесть. Уже не молодой специалист. Будем знакомы. Эрвин Герц. Можешь называть, как тебе удобней. Я привык. Кто называл меня Эрвином, а для других я был просто Герц, - улыбка не сходила с его лица.

Нейон Ти представился и пожал его подростковую руку:

- Мне не скоро ещё будет двадцать шесть. Это я должен называть тебя на «вы». Давай перейдём на «ты», - предложил он. - Так будет правильной.

Эрвин охотно согласился. Они спускались по лестнице, а Эрвин продолжал его удивлять:

- Я слышал, что ты направлен на Z- 9. У меня назначение туда же после отпуска. Я уже был на Марсе, только с другой экспедицией. Для тебя звездолёт - это место работы, а для меня место работы Марс. Там у моих киберов много дел, - его голос звучал сзади, из-за спины. - Жаль, что в этот раз не так удачно получается добраться до места. В прошлый раз долетели на пассажирском лайнере за неделю, а нынче будем месяц в полёте. Этот рейс не пассажирский, а грузовой.

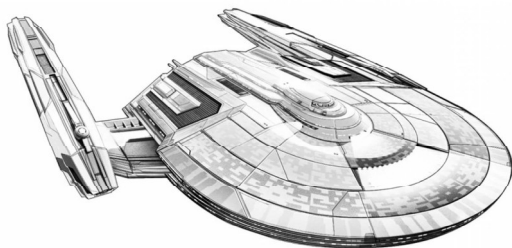
Нейон Ти всё больше чувствовал себя юнцом перед тем, кто шёл за ним сзади, а голос не умолкал:

- Я сразу после окончания факультета кибернетики попал в СОП. С тех пор и участвую в освоении Марса. Первый этап освоения пройден. Там закачана атмосфера, сформированы акваструктура и биопояс планеты с флорой и фауной. Условия для обитания созданы. Теперь идёт этап освоения киберами. Создание условий для проживания и работы людей. Ты сможешь всё это разглядеть даже из звездолёта за время своей практики. Только вряд ли это тебя заинтересует. Твои коллеги обитают в космосе, а не на планетах.

Когда они вышли из здания, Эрвин уверенной походкой повернул в сторону от крыльца. Вскоре они сидели в гравикоптере, ожидая отправления на космопорт. Гравикоптер оказался аппаратом среднего класса для междугородних сообщений. Вождение такой модели они освоили ещё на втором курсе. Недавние посетители Управления с удовольствием размещались в креслах, радостно переговариваясь, что разделались со всеми бумажными делами и теперь ничто не мешает им вернуться к работе.

Нейон Ти в полной мере понимал их и чувствовал атмосферу радостного ожидания.

Гравикоптер опустился прямо на площадке космопорта. Увиденная картина вызвала тихий восторг. Какой астронавигатор может оставаться равнодушным при виде звездолётов, нацеленных в небо? Величественные силуэты космических транспортов возвышались вдали. Это были грузовые монстры, а не пассажирские лайнеры с их изящными обво-

дами. Солнце с высоты зенита разбрасывало по их корпусам яркие блики, придавая картине праздничный вид. Но для космопорта это были обычные будни.

Силуэт одного из звездолётов окутали клубы дыма, почувствовалась лёгкая дрожь площадки под ногами, словно Земля не могла сдерживать волнения от нового расставания. Облако поднималось выше и выше. Из него возник звездолёт и устремился ввысь. Расстояние не позволяло услышать напряжённую работу двигателей. Нейону Ти казалось, что он мог бы бесконечно наблюдать такие картины, но тут его потянули за рукав. Всех остальных пассажиров рядом уже не было, когда он огляделся вокруг. Каждый здесь знал своё дело.

- Ты что встал? Нам к диспетчеру. Надо узнать стартовый модуль нашего звездолёта.

Эрвин тащил его за собой с видом человека, попавшего в знакомую комнату. Они подошли к высокой башне. Издалека она напоминала тонкую ножку со шляпкой наверху. Нейон Ти задрал голову вверх, чтобы разглядеть вверху круглое днище кабины диспетчера. Там, наверху, кабина слегка покачивалась из стороны в сторону. Пока он вертел головой, Эрвин подошёл к запертой двери башни и крикнул в коробку ПУ:

- Диспетчер! Нам модуль Z-9!

Космопорт удивительным образом изменил худенького паренька. Нейон Ти видел теперь рядом с собой озабоченного человека, занятого серьёзным делом.

- Фамилия! - послышалось в ответ.

- Эрвин Герц и практикант Нейон Ти!

- Северный сектор, модуль четыре - восемь! Счастливого пути!

Эрвин повернулся и жестом велел следовать за ним. Нейон

Ти послушно двинулся следом, размышляя о том, что начало его практики не похоже на всё то, что случилось с ним в прошлом году. Он не мог знать, что впереди его ждёт не совсем обычная и не совсем полётная практика обычного астронавигатора.

Спустя много лет, вспоминая этот случай для своих мемуаров, Нейон Ти помнил все подробности тех дней и удивлялся способности памяти восстанавливать прошлое. А может быть этими подробностями память щадила его нервы и не спешила возвращать в те события, которые он действительно никогда не сможет забыть при всём нежелании вспоминать о них? Но он помнил всё.

Через полчаса ходьбы от башни Эрвин неожиданно остановился. Они были одни. Вокруг простиралась, насколько можно было видеть, пустынная площадка космопорта. Стартовые модули с частоколом звездолётов виднелись вдалеке. Глазами их достичь было гораздо легче, чем ногами. Перед ними в направлении модулей стояли ворота. Хотя какие могли быть ворота на пустой площадке? Скорей это была рамка из толстых труб красного цвета. Высотой метра два и длиной не более десяти метров. Рамка была установлена на белой черте, тянувшейся от неё в обе стороны, до самых границ космопорта.

Эрвин подошёл вплотную к рамке и протянул руку в её сторону, словно хотел ладонью прикоснуться к стене. Рука его упёрлась в невидимую преграду и не прошла дальше рамки. Эрвин повернул голову в его сторону:

- Здесь силовое поле. Оно открывается только в энтерной рамке. Дальше пути нет. Будем ждать гравилёт космопорта. Скоро мы будем на месте. Вернее, ты на месте, а для меня это всего лишь транспортное средство к месту работы. Ещё предстоит познакомиться с начальником экспедиции, ознакомиться с объёмом работ, изучить документацию на киберов, проверить их состояние, протестировать параметры, заполнить их формуляры. Скучать не придётся по пути на Марс. Я второй раз лечу на вахту. Там жить можно, а работы

столько, что время летит незаметно, - он улыбнулся, убрал руку от рамки. - А это за нами!

Со стороны модулей к ним приближалась чёрная точка, увеличиваясь и на глазах превращаясь в гравилёт. Он бесшумно приблизился и замер на площадке за рамкой, которая окрасилась в зелёный цвет. Нейон Ти вслед за Эрвином миновал рамку и занял место в гравилёте. Это был двухместный аппарат беспилотной системы «дрон». Эрвин громко произнёс: «Северный сектор. Модуль четыре - восемь!». Аппарат поднялся в воздух, и Нейона Ти прижало к спинке кресла, в глазах только мелькнуло красное свечение рамки. Через несколько минут они были на месте. Индикатор стояночного модуля высвечивал далеко видимые символы Z-9.

Из курса лекций Нейон Ти знал этот тип звездолётов класса «Пасифик». Далёко не новая, но надёжная модель космического тяжеловоза с двигателями досветовых скоростей. Для полётов в дальний космос давно применялись звездолёты нового класса «Тонар».

Видимо, погрузка к этому времени закончилась. Грузовые лифты бездействовали, но их мачты ещё не были демонтированы. Звездолёт стоял в ожидании утреннего старта. Здесь Нейон Ти мог обойтись без помощи и подсказок Эрвина. Он направился к пассажирскому лифту. Они с Эрвином вошли в кабину, а вышли в люк служебного отсека звездолёта.

С этого момента для Нейона Ти начался новый отсчёт времени. Снова, как на первой практике, охватило волнение от запахов и звуков, что окружали его внутри звездолёта. Ему казалось, что эти запахи и звуки космоса навсегда пропитали внутренности могучего аппарата, и они несравнимы ни с какими другими запахами и звуками на Земле. Было от чего разволноваться. Эрвин поспешил вернуть его к действительности:

- Первым делом надо найти капитана. А потом я должен ещё познакомиться с начальником экспедиции.

Нейон Ти подошёл к матовой панели напротив входного люка и произнёс:

- Центральный пост!

На экране высветилась структурная схема звездолёта и маршрут следования до Центрального поста. Теперь Эрвин послушно следовал за Нейном Ти по лабиринту коридоров. Пока дошли до закрытой двери с табличкой «Центральный пост», им никто не встретился. Перед дверью Нейон Ти громко представился. Им повезло. Они нашли капитана с первого раза. Дверь открылась и прозвучало: «Войдите!».

Центральный пост - это не штурманская рубка астронавигатора. Это пост капитана. Так просто туда не входят. Они вошли внутрь. Нейон Ти, за ним Эрвин.

- Кибертехник экспедиции Эрвин Герц! - прозвучало из-за спины.

За столом перед панелями с экранами, индикаторами, кнопками, сенсорными выключателями, спиной к ним, сидел человек в светлом комбинезоне с большими чёрными буквами СОП во всю спину. Выше этих букв из букв поменьше слово «капитан». Человек крутнулся вместе с креслом в их сторону:

- А ты, значит, практикант? - обратился он к Нейону Ти.

- Так точно! - по курсантской привычке отчеканил он.

- Я капитан звездолёта Службы Освоения Планет с бортовым номером Z-9. Капитан Ронин. Для членов экипажа просто капитан. Ты, курсант, на время практики тоже член экипажа, а с Эрвином дела обстоят иначе. Кстати, это твоя первая экспедиция?

- Нет, капитан. Вторая. Я тоже являюсь сотрудником СОП. После отпуска возвращаюсь к прежней работе в новой команде.

- Отлично. С твоими будущими обязанностями тебя ознакомит начальник экспедиции, а я вас просто введу в курс дела. Наш звездолёт работает на линии Земля - Марс. Так что тебе, курсант, придётся забыть в этот раз о чужих галактиках и туманностях. Мы выполняем рутинную работу по доставке грузов, экспедиций на Марс и обратно. Увы, - развёл он руками. - Никакой романтики и далёких цивилизаций. Нам не до этого. О романтике, курсант, будешь мечтать в Академии, а здесь надо работать, сразу предупреждаю. Ты, кстати, где проходил предыдущую практику?

- На «Адаме», у капитана Твидла! - опять отчеканил Нейон Ти.

Выражение лица капитана изменилось:

- Да, припоминаю его рассказ о ваших приключениях. Так это был ты? Похоже, нынешняя практика для тебя будет менее запоминающейся и тебе не придётся никого спасать. Должен вам сказать, что наш грузовой корабль частично переоборудован. Смонтированы каюты для членов экспедиций, доставляемых на Марс. Экипаж звездолёта всего шесть человек. Это капитан, три штурмана, или по-новому, астронавигатора, компьютерщик и инженер бортовых систем. Экипаж размещается в каютах служебного отсека. А экспедиция из тридцати человек размещается в комфортных каютах при грузовом отсеке. У них свои задачи.

- В прошлый раз я прибыл на Марс с экспедицией на пассажирском лайнере, - перебил его Эрвин.

Капитан нажал ногой педаль под креслом и громко произнёс:

- Стас, зайди в Центральный пост! Это наш компьютерщик, - уже тише обратился он к ним. - Самый молодой в экипаже. Я пять лет на этой линии, ушёл из дальнего космоса, а Стас третий год.

Раздался стук и вошёл молодой мужчина спортивного вида, кудрявый брюнет в шортах и футболке.

- Стас, будь добр, проводи их. Это курсант Нейон Ти и член экспедиции Эрвин. Размести их по каютам. Но сначала отведи в столовую. Они успеют поужинать.

Нейон Ти с нетерпением дождался паузы и спросил:

- А как же доктор? Мне должны поставить необходимые прививки перед стартом.

- Всё очень просто. На звездолётах ближнего космоса докторов вывели из штата. Они гораздо нужней в экспедициях на планетах. Кроме того, Марс оборудован экологической оболочкой по схеме Земли с идентичной вирусной картой. Специальные прививки на Марс не нужны. Завтра после старта, Нейон Ти, в штурманскую рубку, знакомиться с экипажем, - закончил он.

Оказавшись в своей каюте, в настоящей каюте звездолё-

та, Нейон Ти тут же забыл про Эрвина и его киберов, целиком погрузившись в мысли о предстоящей практике. Его мыслям и ожиданиям в дальнейшем не суждено было сбыться.

С момента старта Нейон Ти ни разу не встретился с Эрвином. Всё время он проводил в штурманской рубке с одним из вахтенных астронавигаторов, которые были рады скрасить одиночество общением с любознательным новичком. Он был не просто новичок, а дублёр вахтенного пилота. Нейон Ти охотно отвлекался от своей роли, когда надо было помочь Стасу или бортинженеру Ли, у которого глаза-щёлочки и губы были всегда растянуты в улыбке.

Скучать не приходилось. После дежурства, спортзала и бассейна он заваливал весь стол в каюте инструкциями, технической документацией и писал отчёт по устройству звездолёта с перерывом на ужин, потом оформлял для своего отчёта дубликаты навигационных данных: пройденное расстояние, координаты курса, метеоритную обстановку. Всё это увлекало его, не давая возможности отвлечься на посторонние дела. Но они нашли его сами в последнюю неделю полёта.

Однажды вечером раздался стук в дверь и за спиной у него, склонившегося над бумагами, возник Эрвин.

- Как ты меня нашёл? - вместо приветствия изумился он.

- Добрый вечер. Да, это было непросто. Не с первого раза получилось.

Нейон Ти сам ни разу не пытался добраться до грузового отсека. Вечно занятые голова и руки не давали ногам такой возможности. Он плюхнулся на диван, с облегчением вытянув ноги и потягиваясь. Эрвин сел рядом, огляделся:

- А моя каюта покомфортней будет, - удивился он. □ Ещё и видео во всю стену.

- Вам положено. Вы наши гости, - шутиливо ответил Нейон Ти.

- Отчёт пишешь? - невесело откликнулся Эрвин.

- Ну да. Скоро закончу. Не знаю, чем буду заниматься остальное время в рейсе. Мы ведь потом обратно на Землю. Выгрузим - загрузимся и назад. Так всю практику.

- Мне бы твои заботы, - вздохнул Эрвин.

- Могу поменяться, - весело ответил Нейон Ти.
- Не советую. Ты не потянешь такую замену.
- А вообще, как у тебя? - спохватился Нейон Ти. - Как начальник? Ну и всё остальное, твои планы?

Эрвин немного оживился, но глаза оставались грустными:

- Начальника экспедиции раньше я не знал, а многие из состава мне знакомы. Вместе уходили в отпуск. Киберы в этот раз совсем другого класса. Состояние у них рабочее, параметры в норме. Программы проверил. Готовы к работе, - странно пожал он плечами с видом растерянного мальчика.

- А что ты тогда не рад?

- Оказалось, что нас должно быть двое в экспедиции. Но второй кибертехник заболел. Я один.

- Ну и что?

- Как что? Я сделаю в два раза меньше от запланированной программы. Всё рассчитано по часам, но я не могу круглые сутки работать! Я не кибер! Это им нельзя останавливаться ни на минуту. За превышение суммарного времени простоя киберов можно и диплома лишиться. Да что я тебе рассказываю!

Он откинулся от спинки дивана, упёрся локтями в колени и смотрел перед собой. Теперь он не был похож на юнца в отделе кадров. Видимо, груз беспокойства давил на него, требуя выхода. Эрвин не мог молчать:

- Вся экспедиция может быть сорвана. Конечно, моей вины в этом нет, но от этого не легче. У меня две группы киберов, - продолжал он, покачиваясь взад-вперёд. - Это астродезисты и принтерные строители. Первые готовят площадку, а вторые за ними строят здания. Но я не могу один одновременно работать с этими командами по тому графику, с которым меня ознакомили. Да и сам начальник экспедиции это прекрасно понимает. Он себя винит за такую ситуацию. Но что он мог сделать, если моего напарника увезли с приступом в день нашего прибытия на борт? Старт не мог быть отменён. Через месяц с начала работы придёт следующая экспедиция для монтажа оборудования станции космической связи. График освоения расписан по дням. От этой стан-

ции зависят полёты к соседней галактике. А куда монтировать и какие полёты, если здания под оборудование, жилой модуль не будут готовы? Нет, мне не успеть, не успеть, - словно сам себе повторял Эрвин. - И выхода нет. Каждый член экспедиции имеет своё задание и плотный график работы. Начальник доложил в СОП. Там не допускают мысли о сбое графика. Мы летим, а вопрос завис в воздухе. Нет, в вакууме, - вздохнул он. - В воздухе есть чем дышать, а здесь надеяться не на что.

Эрвин обхватил голову руками, продолжая покачиваться. Нейон Ти положил ему руку на плечо:

- Действительно, плохая ситуация. Но выход должен быть. Так нас учат в Академии. Иначе в космосе не выжить, если не искать выхода. Здесь речь идёт не о жизни, Всё равно выход должен быть. Я не кибертехник и ничего не смыслю в этом. У нас кибернетика на пятом курсе, всего один семестр. Не наш профиль, - пожал он плечами с виноватым видом.

Что он мог сделать? Эрвин повернулся в его сторону:

- Ты, говоришь, успел сделать отчёт по практике?

- Почти. Устройство звездолёта и навигационное оборудование закончил. Осталась штурманская документация дежурных вахт, но это текучка ежедневная, мелочи, - пожал плечами Нейон Ти.

- Это здорово! - воскликнул Эрвин, хлопнул его по плечу и скрылся за дверь. Да, безвыходных ситуаций в космосе быть не должно. Через пару дней Нейона Ти вызвал в Центральный пост капитан, прямо с вахты. Он усадил его рядом с собой и внимательно посмотрел:

- Как практика? Астронавигаторы говорят, что ты освоился. С документацией проблем нет?

- Нет. Всё, что требуется по программе практики я нашёл.

- К тебе заходил Герц из экспедиции?

- Да. Я понял, что у него проблемы.

- И у всей экспедиции тоже, - капитан забарабанил пальцами по столу, - конечно, это не наши проблемы. Наше дело - межпланетное пространство, а не планеты, - он встал с кресла и в задумчивости прохаживался, потирая подбороро-

док. - Ко мне заходил начальник экспедиции. С просьбой о помощи. У него безвыходная ситуация. Те, кто работают в космосе, таких ситуаций не признают. Как ты считаешь? - он посмотрел на Нейона Ти.

- Выход всегда должен быть, - как на экзамене отчеканил тот.

- Я тоже так думаю. Тем более, тебе это ничего не будет стоить, кроме новых впечатлений. В дальнейшем твои впечатления, прежде всего, будут связаны с полётами в бесконечном пространстве среди планет. А здесь у тебя будет редкая возможность побывать на планете, мимо которой ты будешь только пролетать мимо и видеть её только со стороны.

- Я не понимаю, - удивился Нейон Ти.

Капитан вернулся в кресло и посмотрел на него в упор:

- Сначала я тоже не понял начальника экспедиции. Но всё оказалось гораздо проще. Вся ответственность при этом ложится на меня. Я отвечаю за тебя и твоё пребывание на борту. Ты вправе отказаться, и никто тебя не осудит. Скорее могут осудить за согласие, за нарушение программы практики. И, прежде всего, меня. Но победителей не судят. Тем более, что, находясь на борту, ты подвергаешь себя гораздо большей опасности, чем на освоённой планете с комфортными условиями обитания. Я буду за тебя спокоен. Этим аргументом я оправдываю своё предложение к тебе. Победителей не судят, - повторил капитан. - В случае твоего отказа, по воле нелепого случая, всё дело, которому мы служим, окажется в роли побеждённого.

Нейон Ти продолжал с непониманием слушать капитана, который решил внести ясность:

- Мне предложили оставить тебя с экспедицией на Марсе вторым кибертехником. Сначала я и мысли не мог допустить со своей точки зрения, с позиции капитана корабля. Но разговор с начальником экспедиции заставил меня взглянуть на вопрос шире, - капитан опять ходил по посту. - Я беру ответственность на себя. Вопрос за твоим согласием. Ты подумай, - он посмотрел на Нейона Ти. - Если бы не рассказ Твидла о ваших приключениях, то я вряд ли согласился бы

поручиться за тебя. Что касается опасностей, то на Земле их гораздо больше, чем на Марсе. Пока это курортная зона, не оборудованная промышленной инфраструктурой с её техногенными опасностями. У тебя будет редкая возможность испытать все удовольствия от этого. Ведь работать предстоит киберам, а не тебе, - улыбнулся капитан. - Красоты Марса будут у твоих ног.

- Но как? Я ведь не специалист по киберам. Я готов помочь, но чем?

- Ну вот и хорошо, - капитан вернулся в кресло. - Я не сомневался в тебе, принимая это решение. Всё будет хорошо. Тебе всего лишь надо будет побыть в роли пастуха, выгуливающего стадо киберов, - улыбнулся он. - Ничего более. Так мне объяснили. И тебе объяснят. Пусть тебя не волнует техническая сторона вопроса. Через два месяца, в очередном рейсе на Марс, мы тебя заберём на борт. С практики ты вернёшься в Академию с благодарностью от СОП за участие в освоении Марса. Я не первый год летаю туда, но мне ничего подобного ещё не удалось заслужить, - похлопал он Нейона Ти по плечу. - Я надеюсь на тебя, ступай на вахту.

Вечером к нему опять пришел Эрвин. Глаза его блестели:

- Мы нашли выход! Твоё согласие спасает экспедицию из безвыходного положения! Мой шеф уже приготовил благодарственное письмо в Академию, но это между нами.

- Подожди, - остановил его речи Нейон Ти. - Это была твоя идея насчёт меня?

- Конечно! Только подал мне её ты. Я увидел в твоих словах желание помочь и не ошибся.

Нейон Ти не разделял его восторгов:

- Но как я смогу помочь в том, о чём не имею ни малейшего представления? Тебе не придётся пожалеть о своём решении? Я курсант и ещё не астронавигатор. Моё согласие не гарантирует успех задуманного.

- Что ты! Всё будет отлично! Шеф тоже считает вопрос решённым. Конечно, это попахивает авантюрой, ведь всё это время ты будешь числиться практикантом на борту звездолёта, идущего к Земле. Вся надежда на то, что нет никакой

опасности. На этом и основана договорённость между капитаном и моим шефом, - Эрвин уселся рядом на диван:

- Всё очень просто. Наш с тобой объект будет строиться на горе Олимп. На Земле таких вершин нет. Её высота двадцать один километр. На первом этапе ты со своей командой будешь у её основания строить городок для монтажников оборудования станции и её персонала, а я со своими «ребятами» и техникой на высоте двадцати километров буду готовить площадку под строительство станции. Киберы - астродезисты проведут на склоне изыскания согласно программе, сделают разметку участка, разбивку по вертикали и горизонтали, это тебя не касается. Когда твоя команда закончит с городком, после этого тебя, технику и киберов поднимут к нам для строительства зданий станции. А астродезистам ещё предстоит сделать разбивку площадки для приёма гравикоптеров и аэрокаров. Программа рассчитана по часам. Нам надо только соблюдать график - вот и всё. Вдвоём мы укладываемся в эту программу. Как видишь, это проще, чем управлять звездолётом, - улыбнулся Эрвин, и глаза его радостно блестя.

Глядя на него, нельзя было разделить радостных чувств. Нейон Ти окончательно смирился с неизвестностью ближайшего будущего. В конце концов, в далёком будущем вся работа в космосе будет складываться у него из сплошной неизвестности. К этому надо привыкать - к нестандартным ситуациям.

- Я надеюсь больше на тебя, чем на себя, - произнёс он, протягивая Эрвину руку. - Всё, что зависит от меня, я сделаю. Главное, чтобы ты не пожалел. Ничего! - подмигнул ему Эрвин, - ты ещё подружисься с твоими подопечными киберами. Их у тебя будет всего лишь пять и у каждого из них будет в управлении три технопринтера. С теми не поговоришь. Их вид не вызовет у тебя такого желания, - усмехнулся Эрвин. - Киберы другое дело. Они принимают голосовые команды. Ты привыкаешь к ним. Ведь вокруг никого нет. Все остальные приходят только после нас на готовую площадку с жилыми модулями. Вот и разговариваешь с ними, как с живыми, - продолжал Эрвин в задумчивости. - Такая специ-

фика работы у нас, кибертехников. Больше общаемся с киберами, чем с людьми. Ну, да ты не успеешь к этому привыкнуть, дружище, - похлопал он по плечу Нейона Ти, для которого, наконец, ближайшее будущее стало вырисовываться в более-менее ясную картину.

- Посмотрим на твоих киберов, - попытался улыбнуться он, когда Эрвин встал, чтобы уйти.

- Они тебе понравятся. Кстати, шеф сожалеет, что не сможет лично зайти и поблагодарить тебя. В эти последние дни перед прибытием у него совсем нет времени даже на сон. Пока! Встретимся после посадки на Марс!

Он скрылся за дверью. Нейон Ти понял, что продолжение практики, как и начало, будет необычным. Ему ещё предстояло узнать разницу между нестандартной ситуацией и нештатной ситуацией. Предстояло узнать, что они разные для людей и киберов. В любом случае на борту Z-9 он был далёк от мысли сожалеть о неудачной практике.

Чего только стоила посадка на Марс! Вернее, примарсианивание на языке вахтенного астронавигатора с русским именем Клим. Для него эта операция была настолько привычным делом, что капитан даже не присутствовал в штурманской рубке.

Другое дело - Нейон Ти. Его сердце бешено колотилось при виде растущих на глазах очертаний планеты. Она уже не казалась красной, одетая в небесно-голубую оболочку атмосферы, покрытая голубыми пятнами водного пространства и зелёными массивами лесов. Марс напоминал из космоса уютный дом, готовый к приёму жителей.

Нейон Ти сидел рядом с Климом и мысленно повторял все его действия и слова в переговорах с космопортом, представляя себя в кресле астронавигатора. Разве можно желать лучшей практики?

Звездолёт сделал виток над планетой и по параболе пошёл на снижение в режиме торможения двигателей. Внизу проплыла вершина Олимпа, резко выделяясь и по высоте, и по площади над окружающей поверхностью. Но звездолёт оставил её далеко позади. Впереди был космопорт.

Нейон Ти во все глаза смотрел на открывшуюся взору кар-

тину. Внизу показалась шахматная доска в виде чёрно-белых квадратов.

- Мне нравится примарсианиваться. Здесь удобней, чем на Земле. Посадочные модули видны издалека. И номера на них удобно различать.

Клим уверенно направлял звездолёт в нужную точку. Нейон Ти разглядел в квадратах крупные надписи.

- А вот и наш модуль! - прокричал Клим. - X-9. Это всегда наше место. Нас уже ждут для выгрузки! Долго не задержимся. Разгрузка, заправка, отдых и обратно. А ты, я слышал, остаёшься?

- Так получилось, - пожал плечами Нейон Ти.

- Повезло. И Марс посмотришь, и на практике побываешь. Когда ещё такое будет? Вернёшься, расскажешь как-нибудь о своих делах, - подмигнул он. Казалось, разговор совсем не мешал Климу в эти ответственные минуты. Всё он выполнял просто, непринуждённо, и Нейон Ти позавидовал такой лёгкости. - Вот и всё! Добро пожаловать на Марс! - снова подмигнул ему Клим, когда звездолёт замер на площадке.

- Здорово! - воскликнул Нейон Ти, имея ввиду мастерство Клима.

- Не стоит беспокоиться, - шуточно отозвался тот. - После трёх лет такой работы ты будешь это делать с закрытыми глазами. Я просто не хотел тебя пугать, - добавил он. - Скоро увидимся. До встречи.

Нейон Ти встал, собираясь уйти:

- Мне надо собираться. Хотя, чего мне собираться? Всё остаётся в каюте до вашего возвращения.

- Пока! - Клим протянул руку. - Через час разблокируются посадочные системы, и ты на Марсе.

В каюте Нейону Ти, действительно, брать было нечего. Всё необходимое, по словам Эрвина, будет предоставлено на месте. Из люка служебного отсека он спустился один. Оба грузовых люка были открыты настежь. Невдалеке стояла группа людей. Мимо них техника космопорта вывозила платформы с оборудованием, ящиками разных размеров. Из группы выскочил Эрвин и потащил его за собой:

- Идём, я познакомлю тебя с начальником.

Им навстречу вышел мужчина, больше похожий на спортсмена, чем на важное лицо, с седой прядкой в шевелюре. Он улыбался, протягивая руку:

- Очень рад, молодой человек! Начальник экспедиции Марс -23. Моя фамилия Полежаев. Впереди нас ждут большие дела. Надеюсь на ваши успехи, ребята. Сейчас вас доставят к месту работ, потом прибудет остальное оборудование. Время уже пошло. Эрвин в курсе всех дел. Сеанс связи утром и вечером. Удачи вам! - он ещё раз пожал обоим руки и удалился.

Так Нейон Ти оказался на Марсе не практикантом, а участником экспедиции. Прямо с космопорта гравилёт домчал их к подножию Олимпа. Только с высоты можно было во всей мере осознать грандиозность этой вершины вулканического происхождения. Своей нижней частью гора напоминала кондитерский кекс неправильной формы. Нижний край горы представлял собой вертикальную стену высотой около ста метров. С любой стороны подняться на гору можно было только по воздуху. Эту стену образовала миллионы лет назад раскалённая лава. Её остывшие массы картиной хаоса громоздились наверху, ниспадая вертикально вниз самыми причудливыми формами. Не могло возникнуть желания подняться по ним наверх. Можно было только любоваться неприступностью стен.

Но Эрвину было не до этого. Вслед за ними к подножию горы прибывали гравилёты и грузовые аэрокары. Люди из гравилётов выгружали технику из аэрокаров. Одна за другой выползли наружу на гусеничном ходу диковинного вида машины. Высокие, громоздкие, словно древние сундуки с

пиратскими сокровищами. Только они были увиты гофрированными шлангами разного цвета и диаметра. Это не придавало им сходство с поливальными машинами. Они вообще ни на что не походили, тем более, на технику.

- Вот это и есть технопринтеры последнего поколения. Прощу любить и жаловать. А жаловаться на них не придётся. Такие они работяги, - Эрвин показывал рукой на самоходные ящики. - Это твоё хозяйство, вернее, твоих киберов. На пять киберов пятнадцать принтеров - это немного. Здесь будет небольшой посёлок. Вот и твои киберы.

Из аэрокара один за другим появились пять чёрных роботов и остановились перед ними. Их конструкция не преследовала задачу сходства с людьми. Но ничего отталкивающего в их облике не было. Высотой они доходили до плеча Нейону Ти и не выглядели исполинами. Вся их сила была не в технической мощи, а в электронной начинке. У них было две ноги, но двигались они не сгибая колени, а просто плыли по поверхности, скользя над ней. То, что торчало из плеч, напоминало руки. Вниз по бокам свисали гибкие толстые трубы с блестящими насадками на концах. Видимо, для придания сходства с человеком, на плечах наподобие головы торчал круглый колпак с зелёными индикаторами вместо глаз и мелкой сеткой вместо рта.

- Представься им и назови каждого по имени. Твой голос будет ключом для голосовых команд,

Эрвин выступил посредником.

- Какие имена? - не понял Нейон Ти, но тут он разглядел надписи на груди каждого кибера. Цифры от единицы до пяти. Он каждому назвал своё имя, упомянув номера киберов. В ответ на его голос зелёные индикаторы глаз вспыхнули ярким светом, послышался лёгкий шум.

- Всё! Контакт налажен. Слышишь? Они уже дышат. Это системы охлаждения заработали. Инструктаж я тебе дам немного позже.

В это время рядом с ними рабочие подкатили из аэрокара уютный домик в виде вагончика с покатой крышей. Его яркие краски оживляли картину пустынной местности вокруг.

- Вот видишь, всё решается за минуты, - Эрвин показывал в сторону вагончика. - Твой дом уже доставлен и укомплектован для месячного проживания в нём. Бытовых проблем у тебя не будет. Конечно, это не звездолёт, но ты не успеешь соскучиться по нему.

Над их головами один за другим вверх, в сторону вершины, скрылись в облаках несколько грузовых аэрокаров. Эрвин явно торопился:

- Подожди меня здесь, - он поспешно скрылся в вагончике.

Нейон Ти продолжал с любопытством наблюдать, как из аэрокаров по-прежнему выползали новые и новые громоздкие коробки на гусеницах, высота которых значительно превышала высоту его нового дома. Они сбивались в гигантскую кучу и замирали, напоминая стадо бесформенных животных, увитых многочисленными то ли хоботами, то ли хвостами, то ли щупальцами. Как в этом царившем вокруг хаосе можно было разобраться?

Эрвин так же стремительно вышел наружу, но узнать его было невозможно, разве что только по росту. Из дома вышел космонавт со старинных фотографий, в плотном комбинезоне со скафандром. Нейон Ти услышал знакомый голос, когда фигура приблизилась:

- Это термокостюм с кислородным блоком. Для тебя есть такой же. Он тебе понадобится только через две недели. На высоте двадцать километров без этого нельзя. Ты пока можешь освоиться в доме, а я поднимусь наверх. Надо принять оборудование. Запущу программу и вернусь к тебе.

Он сел в одноместный геликоптер и исчез в облаках. Внутри дома Нейон Ти убедился, что комфорт обстановки позволил

бы провести здесь гораздо больше времени, чем один месяц. Всё ему нравилось - и кухня, и гостиная с визором, и спальня, ванная и хозблок с запасами продовольствия, спецодежды, инструментов. Даже небольшая библиотека. Не успел Нейон Ти толком оглядеться, как Эрвин вернулся. Он потянул Нейона Ти за собой наружу, объясняя на ходу:

- Наверху программа запущена и время пошло. Через две недели моя команда закончит подготовку площадки под строительство комплекса станции. К этому времени твои киберы завершат строительство пятнадцати зданий и тебя с ними поднимут наверх. За две недели там всё будет закончено. Ты вернёшься в этот дом ожидать прибытия звездолёта. Тебе легче будет привыкнуть к термокостюму, чем мне, - добавил он. - Здесь не космос, - он только снял скафандр, не собираясь снимать свой костюм.

Они подошли к группе киберов. Эрвин обошёл их и выдернул из-за спины одного из них тонкий планшет:

- Это твой командный пункт запуска программы и контроля за состоянием киберов.

На планшете светилось пять квадратов. Шестой квадрат оставался тёмным. Эрвин прикоснулся к нему и киберы пришли в движение. Они не обращали внимания на людей в своих, словно осмысленных, движениях.

- Я запустил программу. Ты будешь общаться с киберами голосом, а они со своими подопечными общаются молча, сигналами. Когда-нибудь всё это будет проходить без участия человека, - улыбнулся Эрвин. - А пока приходится подстраховываться и контролировать процесс.

В это время киберы приблизились к безмолвному воинству исполинов и те пришли в движение, разом зашевелившись. Они стали расползаться в разные стороны, создавая много шума, а Эрвин давал последние разъяснения ничего не понимающему Нейону Ти:

- Технопринтеры сейчас распределятся по заданным координатам площадки и приступят к строительству. Киберы знают своё дело. А твоё дело - этот планшет. Если один из квадратов с номером кибера загорится красным цветом, то запищит сигнал и высветится номер ошибки в его работе.

Ты немедленно сообщаем мне, и я проведу диагностику неисправности для устранения неполадки. Связь со мной по рации, - он вынул из нагрудного кармана и протянул Нейону Ти аппарат связи. - Думаю, всё обойдётся, хотя с такими моделями я ещё не имел дела. Постараюсь навещать тебя эти две недели. Угостишь меня кофе, - снова улыбнулся Эрвин. - А пока я удаляюсь. У тебя имеется гравикоптер. Ты сможешь совершать на нём прогулки. До космопорта не добраться, конечно, а окрестности осмотреть возможно. Ещё должен сказать, что киберы не только могут управлять техникой. Они и сами на многое способны. Их гибкие манипуляторы снабжены встроенными насадками в количестве двадцати штук, от отвёртки до швейной иглы. Так что они могут оказать тебе любую помощь, какую пожелаешь. И дров могут наколоть, и яму вырыть. Обращайся. Они подчинены тебе. Всё. Пора! - он надел скафандр и пошёл в гравикоптер.

Нейон Ти остался один. Аэрокары и гравилёты к тому времени отправились в космопорт. От толпы технопринтеров не осталось и следа. Они продолжали расползаться по строительной площадке. Ближайшие из них замерли на месте, издавая глухие звуки. Их многочисленные шланги, рукава, манипуляторы колыхались над ними во все стороны, словно змеи на голове древней Горгоны. Фигурки киберов безмолвно следовали за своими подопечными.

Нейон Ти почувствовал себя ненужным всей этой технике. Ему вдруг стало неловко от мысли, что все вокруг заняты важными делами, где дорог каждый час, а он может прохлаждаться и лишь наблюдать за работой остальных. Он попал в отпуск, а не на практику. Сунув планшет подмышку, он пошёл в дом, где и провёл с удовольствием остаток дня.

Утро следующего дня оказалось для него сюрпризом. Выйдя после завтрака из дому, он на себе испытал, что означает отвисшая от удивления челюсть, потому что замер на месте. За ночь прилегающая к дому местность разительно изменилась. Вокруг были разбросаны квадратные громадины технопринтеров. Со всех сторон мелькали в воздухе пучки извивающихся в воздухе шлангов, гибких рукавов. Они на

глазах меняли свою длину. Стоял шум, напоминавший звук работающей гигантской бетономешалки. Вокруг был не пустынный пейзаж. Там и тут с разных сторон вырисовывались над землёй вблизи каждого технопринтера коробки зданий. Они были разных размеров. Но это были стены будущих зданий!

Нейон Ти вдруг понял, что он является сейчас свидетелем технического чуда. Одно дело, когда ты слышал об этом чуде, знаешь о возможностях техники, и совсем другое, когда видишь это воочию, своими глазами, да ещё и причастен к этому. На его глазах вырастали дома! Он уже не обращал внимания на безобразный вид машин, творивших это чудо. В какое-то мгновение он даже позавидовал Эрвину, как хозяину всех этих машин, позавидовал его знаниям и важности его труда. Но нет, это была не зависть, а радость. Радость от того, что ему выпал случай своими глазами увидеть такое. До сих пор Нейон Ти считал, что можно бесконечно смотреть на звёзды и на звездолёты. Теперь он не мог отвести глаз от работавших вокруг него технических монстров. Нет, он смотрел не на них, а на то, что вырастало под переплетением их многочисленных щупалец. Слои за слоями они выкладывали стены домов и процесс этот шёл непрерывно круглые сутки. Нейон Ти вспомнил слова Эрвина о том, что жаловаться на этих работников не придётся. Они были созданы для работы.

Весь первый день Нейон Ти провёл возле технопринтера, не в силах оторвать взгляда от растущего на глазах здания. Он не следил за временем, забыв про обед и к вечеру в ушах его стоял сплошной шум, окружавший его со всех сторон. Работа продвигалась по всей площадке быстро. Вроде бы всё происходило на его глазах. Но он никак не мог взять в толк каким образом из шлангов и манипуляторов машины вдруг вырастают оконные рамы и тут же заливаются стеклом. Без знания теории он ничего не мог понять и всё это очень походило на чудо. Только вечером, усталый, словно весь день проработал на стройке, Нейон Ти вспомнил дома о рации и позвонил Эрвину, встревоженный голос которого узнал не сразу:

- Какого чёрта! - услышал он. - Ты куда пропал? Что я должен думать?! Ты почему не отвечал?! Я собрался лететь к тебе на поиски! Что случилось? - это был один сплошной крик.

Киберы не доставляли Эрвину таких волнений, как человек.

-Виноват! Извини! - только и мог ответить Нейон Ти. - Я с утра как, увидел работу твоих машин, так забыл обо всём, правда. Больше не повторится. Буду всегда с рацией! У нас всё идёт нормально, без остановок.

Но Эрвин всё ещё был сердит:

- Сеанс связи утром и вечером. Держи планшет на контроле.

Связь прекратилась. Первый день Нейон Ти закончил с чувством вины. Зато дальше всё пошло как надо. Рация и планшет всегда были при нём. Несколько раз он совершил прогулки на гравикоптере, поднимался выше отвесной стены на склон горы, покрытый неровными буграми остывшей лавы. Ходить по ним было крайне неудобно. Но вид оттуда на стройплощадку внизу открывался неповторимый. Лучше бы он туда не поднимался. Даже спустя годы он понимал это. Ни люди, ни киберы не способны предвидеть будущее.

В течение следующей недели Нейон Ти уже равнодушно бросал взгляды в сторону будущего посёлка из пятнадцати домов. Это были одноэтажные здания разных размеров. Шуму от технопринтеров становилось меньше. Они занимались внутренней и наружной отделкой зданий. Первые три домика были готовы полностью. Размерами они были гораздо меньше остальных. Кибер под номером два отогнал свой технопринтер в сторону и тот ожидал погрузки в аэрокар. Сам кибер в это время стоял у самого дома Нейона Ти. Завершив программу, он был готов к новым командам.

Нейон Ти научился разговаривать с ним. Вечерними часами, сидя на крыльце своего дома, он задавал ему вопросы и убедился в том, что кибер может вполне заменить его в деле управления звездолётом. Все ответы были шире его курсантских знаний. Видимо, голоса киберов настраивались на голос отдающего команды.

Нейону Ти казалось, что он разговаривает сам с собой.

Эрвин прилетел только вначале второй недели и с удовольствием отдохнул полдня от термокостюма. Улетел он спокойным. Всё шло по графику. Нейон Ти к тому времени окончательно проникся атмосферой отпуска, в который он неожиданно попал. В его голову, свободную от забот, стали приходиться самые неожиданные мысли. Он вдруг вспомнил капитана звездолёта, которому был обязан за возможность такого отдыха. Капитан Ронин видел Марс только из иллюминатора звездолёта за все годы работы. «Я сделаю ему подарок с Марса. Не просто с Марса, а с самой большой вершины галактики» - решил для себя Нейон Ти.

Ему ничего не стоило вновь преодолеть на гравикоптере отвесную стену и опуститься на склоне горы. Но все усилия оказались напрасны. Как ни старался, он не смог отколоть ни малейшего куска застывшей лавы. Несколько раз он поскользнулся и чуть не упал на гладком склоне. Промучившись часа два и отдохнув, Нейон Ти вернулся вниз ни с чем, без подарка. Вечером, разговаривая с кибером Вторым, он вспомнил слова Эрвина о возможностях киберов и спросил своего собеседника:

- Ты смог бы взять образец горной породы, отколоть кусок? - в ответ он услышал свой голос:

- Да. Я могу просверлить, прорезать породу любой твёрдости. Могу отколоть и обработать образец до нужных размеров.

- Это то, что мне надо! - воскликнул Нейон Ти и радостный ушёл в дом.

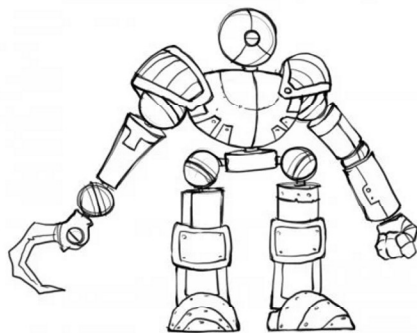
Ну почему нельзя было отколоть кусок прямо здесь, из отвесной стены? Об этом он не думал ни тогда, ни после. Для него вершина начиналась там, на высоте сотни метров.

Утром, позавтракав, в отличном настроении он вышел на крыльцо. Рацию и планшет Нейон Ти положил в гравикоптер, затем вернулся в дом и вышел с толстой верёвкой. Размотав её, один конец он завязал у себя на поясе, а второй конец обмотал вокруг корпуса кибера со словами:

- Ты пройдёшь со мной в гравикоптер. Мне нужна твоя помощь на склоне горы.

Так, связанные, они и сели в аппарат, который опустил их наверху отвесной стены. Нейон Ти понятия не имел о горной подготовке туристов, но скользкая поверхность накануне испугала его опасностью скатиться вниз. Он решил подстраховаться и хвалил себя за такую предусмотрительность, уверившись в способности киберов быть помощником человеку в любых делах. Почему он решил, что кибер в этом деле надёжней, чем массивный гравикоптер? Спустя годы он мог только посмеяться над наивной молодостью.

Когда они оказались на склоне горы, Нейон Ти дал команду киберу отколоть кусок породы. Всё произошло за какие-то секунды. Из блестящей насадки правого гибкого рукава кибера сначала показался острый металлический штырь. Затем он молниеносно устремился вниз и с громким стуком ударил по ближайшему бугру застывшей лавы.

Кибер обладал сверхчеловеческими способностями. Но он понятия не имел о равновесии. Инерция удара покачнула его корпус на пологом склоне и бросила под ноги Нейону Ти. Как в замедленной съёмке кибер перевернулся сбоку набок и покатился вниз, беспомощно болтая во все стороны гибкими рукавами. Верёвка мгновенно размоталась и резко дёрнула Нейона Ти, отчего он тут же упал как подкошенный и покатился следом за кибером.

Их скольжение к краю склона было стремительным и не могло показаться приятным из-за тех ударов и болезненных пинков, которые доставались ему от многочисленных бугров и валунов застывшей лавы. Все они были гладкими, скользкими и за них невозможно было зацепиться в этом стремительном скольжении. На всех буграх и кочках кибер беспрерывно подпрыгивал, нарушая тишину грохотом, сравни-

мым с падением пустой железной бочки. Кибер реагировал только на команды. Все удары ему были безразличны в отличие от Нейона Ти.

В самом низу склона, по верху уходящей вниз стены тянулся во все стороны как бы козырёк, образованный наплавами остывшей лавы. У Нейона Ти оставались надежды, что кибер, докатившись до этого природного козырька, упрётся в него и застрянет, так же, как и он сам будет спасён в этом месте от падения со стены.

Но ничего не вышло. Кибер не только грохотом напоминал падающую бочку. Он и катился, как бочка, и ничто не могло остановить его. Нейон Ти с ужасом увидел, что кибера высоко подбросило на одной из кочек, он перекатился через спасительный бугор и исчез из виду. Он полетел вниз, со стометровой стены. Нейона Ти потащило вниз с ещё большей скоростью.

В отличие от кибера, он успел повернуться ногами вниз, вперёд по ходу скольжения, и упёрся ими в этот бугор над самой стеной. Дальше была пропасть. Верёвка резко дернулась, и он закричал от боли, с которой она вонзилась в тело, утягивая его вниз. Кибер повис в воздухе.

Нейона Ти чудом не приподняло над поверхностью и не сбросило вниз. Вместо этого под тяжестью кибера его развернуло и боком прижало к валуну, за которым была пропасть. Он с трудом дышал, поперёк сдавленный верёвкой. Он не упал вниз и всё ещё оставался живым. Но выхода у него не было. Он горько усмехнулся своим мыслям, привыкая к тишине и своему новому положению: «Это в космосе не должно быть безвыходных положений. Здесь не космос. Здесь Марс. Это не безвыходное положение. Это просто смерть. Никому не придёт в голову ради чего я тут погиб».

Спасти можно было только одним способом, вытянув кибера назад на склон. Это было ему не по силам. При земной гравитации от веса кибера верёвка разрежала бы его пополам. Он понимал это. Пока его спасало то, что гравитацию на Марсе оставили без изменений, для экономии энергозатрат. «Ну и что? Сколько я ещё смогу так лежать и мыслить? От моей смерти оставшимся в живых придётся гораз-

до хуже, чем мне, - вдруг спохватился он, вспомнив про капитана, про Эрвина, про Полежаева. - Кибер? Что с кибером? В каком он состоянии? Кричать бесполезно. Да и как кричать? Я с трудом дышу».

Тело затекло. Казалось, верёвка разрезает его пополам. Он уже сомневался, что может пошевелить пальцами и не пытался это сделать. Дышать становилось всё труднее. Он не открывал глаза, не думал, но ещё чувствовал, что слышит тишину. Вскоре шум в ушах пришёл на смену тишине. «Шум - это лучше тишины. Шум - это жизнь. Шум ветра. Шум волны. Шум работающих двигателей звездолёта» - это была его последняя мысль. Больше он ничего не помнил.

Когда открыл глаза, то не почувствовал своего тела. Странное ощущение отсутствия себя. Вроде бы всё вокруг есть, а тебя среди всего этого нет. Переход от участия в жизни к её пассивному созерцанию, как бы сказал профессор философии на первом курсе. Потом он почувствовал, что может дышать и открыл глаза. Да, тело он не чувствовал, но оно было на месте. Нагретый солнечными лучами склон холма словно намекал ему, что он живой, согревая его своим теплом. Он пошевелил руками. Ему это удалось. Руками он нащупал на животе верёвку и потянул её. Она послушно извивалась в его руках, пока он вытянул её до конца. Тогда он понял, что верёвка больше не режет его тело пополам. Удивление этим фактом окончательно вернуло его к действительности. Он лежал на козырьке отвесной стены с куском обрезанной верёвки в руках. Сомнений быть не могло. Верёвка была обрезана одним резким движением. Не надо было никаких экспертов при виде аккуратно обрезанного конца верёвки.

Нейон Ти сел на самом краю склона, растирая затёкшие руки и ноги. Придя в себя окончательно, он осторожно, на четвереньках, начал карабкаться вверх. Ощувив под собой мягкость кресла гравикоптера, он почувствовал себя новорожденным. На гравикоптере Нейон Ти направился не к стройплощадке, а вниз, к отвесному склону горы. Кибера он нашёл сразу. Вернее, то, что от него осталось. Его корпус оказался крепким и выдержал падение со стены, лишь

слегка помялся. Круглый колпак-голова отлетел прочь и валялся в стороне, утратив первоначальную форму. Из него торчали разноцветные провода, так же, как и из корпуса кибера вместо головы торчал пучок проводов. Нижние конечности представляли собой рваные лохмотья, а гибкие рукава-руки были раскинuty в разные стороны. В правом рукаве торчал злополучный штырь, а из левого рукава сверкал на солнце обоюдоострый клинок, острый, как бритва. Нейон Ти осторожно погрузил все части кибера в гравикоптер.

Оказавшись в своём доме, он обнаружил, что прошло совсем немного времени после его ухода. Ему казалось, что он вернулся не в дом, а совсем в другую жизнь, вернулся совсем другим, как и все те, кто встречается со смертью и живут после такого свидания не в силах избавиться от мысли, что смерть караулит каждый твой шаг, прячась за комфортом окружающего мира. Пока принимал душ, удивился ещё раз, бросив взгляд в зеркало. Седая прядь волос вполне подходила бы начальнику марсианской экспедиции, но не курсанту после третьего курса Академии. Видеть это было непривычно. Только после обеда, собравшись с мыслями, он позвонил Эрвину, не зная, как сказать об уничтожении по его вине кибера. Он никогда не звонил Эрвину днём.

- Что случилось? - удивился тот.

После долгой паузы Нейон Ти ответил:

- Эрвин... я тебя подвёл... у нас ЧП. Кибер Второй разбился. То есть, он полностью поврежден, про человека бы сказали - погиб, - слова давались с трудом.

- Что? Как? - Эрвин был растерян. - Я сейчас буду!

Нейон Ти достал из гравикоптера части кибера, перетащил их к дому, уселся на крыльцо. До самого дома протянулась тонкая борозда в земле, прочерченная острым клинком, словно в этом кибер видел свою последнюю помощь людям.

Уже через полчаса Нейон Ти рассказал Эрвину о своём происшествии. Эрвин молчал, осмысливая услышанное. Они сидели на крыльце дома перед остатками кибера. Потом

Эрвин начал говорить, не глядя на Нейона Ти:

- Опускаю причины твоего поступка. Главное, что ты остался жив. Ведь официально тебя здесь нет. Это можно скрыть в отличие от твоей гибели. Даже не знаю, чем бы тогда всё закончилось, - покачал он головой. - С киберами проще. Всегда знаешь, чего можно ждать от них, ведь ты сам набивал программу. Они живут по твоим командам. А человек непредсказуем, - он посмотрел наконец в сторону Нейона Ти.
- Разве мог я ожидать от тебя такое?

Нейон Ти молчал, а Эрвин продолжил:

- Мне кажется, что ты не всё мне рассказал. Такого быть не может. Как всё было на самом деле? - он в упор посмотрел на Нейона Ти.

- Мне больше нечего сказать. Давайте со мной, что хотите.

- Да ты пойми! - Эрвин развёл руками. - Моему акту никто не поверит, даже студент-первокурсник! А там будет комиссия! Кто поверит, что кибер перерезал верёвку?! Вот так просто висел, висел и перерезал?! Ты это видел? Ты давал ему такую команду?! - Эрвин вскочил и не обращая внимания на термोकостюм, нервно вышагивал перед Нейоном Ти из стороны в сторону:

- Поставь себя на моё место. Как я должен этому верить? Ты ведь неверишь мне, если я тебе скажу, что на звездолёте пролетел сквозь планету? Акт на списание кибера - это технический документ, а не история твоего спасения. Я должен расписать алгоритм программы и команду, на которой произошёл сбой кибернетической системы, вызвавшей аварию кибера. Что я должен написать в данном случае? На чёрный ящик надежды мало. Системы такого класса не проходят испытания на повышенную прочность. Вряд ли сохранилась информация.

Нейон Ти ничего не мог понять:

- В чём ты меня подозреваешь? Я рассказал всё, как было. Мне нечего сказать.

Эрвин снова сел рядом с ним на крыльцо и медленно заговорил с ним, проговаривая каждое слово:

- Ты давал киберу команду перерезать верёвку?

- Нет. Я не мог это сделать. Я уже задыхался. Такой командой не было.

Терпение Эрвина снова лопнуло, он вскочил:

- Тогда я не знаю и отказываюсь это объяснять. Пусть разбираются разработчики этой модели, - он развёл руками. - Может, они найдут ответ на вопрос «Почему ты остался жив?».

Нейон Ти не сдержался:

- То есть, ты хочешь сказать, что кибер не мог перерезать верёвку?

- Без команды ни в коем случае. Это какой-то сбой системы. Мои знания данной системы киберов подсказывают мне такой вывод. Да ты не волнуйся, - наконец улыбнулся Эрвин. - Это всё разрешимые проблемы, и я их решу. Повреждения киберов случаются. Напишу акт, сделаю заявку начальнику экспедиции и пришлют нового кибера. Настроить его недолго. Всё будет хорошо, - похлопал он по плечу Нейона Ти. - Посмотри, - махнул он рукой в сторону посёлка. - Работа почти закончена. Через несколько дней вас перебросят ко мне, на вершину. Там всё готово для строительства зданий. Ты жив, и это главное! Другое дело, что специалистам надо будет разбираться с технической стороной вопроса. Этот случай должен их заинтересовать, если поверят. А поверить тебе нетрудно. Стоит лишь взглянуть на твою причёску, - он снова улыбнулся.

И они пошли пить кофе.

Через несколько дней размеренная жизнь Нейона Ти и его киберов изменилась. Всю их группу аэрокарами подняли к месту строительства станции связи, за облака. Условия там не напоминали комфортный климат у подножия горы, но Нейон Ти быстро привык к термोकостюму, хотя это ему не понадобилось. Его технопринтеры только разбрелись под присмотром киберов по своим местам на площадке, как за ним прибыл гравилёт из космопорта. Дальше его пребывание на планете не было таким приятным. Перед расставанием Эрвин был спокоен за результаты работы и выполнение программы. Обе группы киберов были теперь рядом с ним и он мог контролировать обстановку на обоих площадках.

- Учёные заинтересовались твоим случаем. Они от тебя

не останут. А это тебе, - протянул он коробку. Нейон Ти открыл её. Там лежал серый кусок застывшей лавы, бугристый, неровный, с острыми краями.

- Теперь я не уверен, что подарю его капитану. Это подарок для меня, и он будет первым в моей коллекции в память о друзьях. Галактика большая, но мир тесен. Увидимся, - улыбнулся он Эрвину, и они расстались.

Лучше бы он остался на две недели в термокостюме среди холода и технопринтеров. Различные комиссии, заседания, допросы и дознания задержали его на планете ещё на месяц. Никому не было дела до его практики. Всех интересовал один вопрос: «Каким образом он остался жив?».

Нейон Ти и сам бы хотел найти ответ на этот вопрос, но чем больше учёных ломали над этим голову, тем больше он терял надежду найти ответ. Одна из комиссий даже возила его на место происшествия и проводила следственный эксперимент, участвовать в котором он наотрез отказался. Вместо него к киберу привязали манекен с его параметрами и попытались восстановить ход событий. Кибера пихнули вниз и тот удачно повис на верёвке с первого раза, удерживаемый в воздухе застрявшим на козырьке манекеном. Нейон Ти не мог равнодушно смотреть со стороны на то, что продолжало сниться ему по ночам.

Всё было бесполезно. Кибер сутки провисел на верёвке без признаков попытки нештатной ситуации, как назвали учёные несанкционированное действие кибера Второго по перерезанию верёвки. Пришлось вытягивать его наверх. Попытка с другим кибером тоже ни к чему не привела. Учёные бросали подозрительные взгляды на Нейона Ти, словно ожидали от него признания, но он делал вид, что не замечает молчаливых вопросов. С него было достаточно и тех вопросов, которые ему приходилось выслушивать. Чем он мог помочь учёным? Может, у киберов, висящих на верёвке, просто не возникало желание в их электронных мозгах спасти манекен? Но он не задавал этот вопрос учёным, чтобы не злить их.

Тогда попробовали заменить манекен вторым кибером. Результат тот же самый. Застрявший кибер не умел давать ко-

манду на спасение, а кибер на верёвке упорно бездействовал. Было затрачено много времени, ещё больше усилий. Всё это ни к чему не привело. После месяца заседаний и безрезультатных попыток, состоялось заключительное заседание.

Нейон Ти присутствовал не как обвиняемый, а как свидетель. Всё это должно было закончиться каким-то выводом, иначе это бы напоминало сессию самозванных гадалок, а не учёный совет конструкторов электронного интеллекта. Интерес к этому случаю к тому времени достиг таких размеров, что зал заседаний был полон, не считая всех тех знатоков и любителей кибернетики, что толпились вокруг здания. Но сенсации не получилось.

Никто из учёных мужей не усмотрел в этом случае темы для научного труда солидной степени. Заключение комиссии разочаровало собравшихся и прозвучало тускло и невыразительно. В нём говорилось о том, что не удалось восстановить истинной картины происшествия, результатом которого явилась спасённая жизнь человека. Информация кибера не сохранилась. Его действия отнесены к разряду нештатной ситуации системы, поскольку функция самопожертвования не может быть предусмотрена никакими техническими средствами. Она доступна даже не каждому человеку, как показывает история. Этими словами заканчивался отчёт комиссии.

Нейон Ти встал с дивана и пошёл на кухню заварить кофе. Он не мог не упомянуть в мемуарах про этот случай. Уже много лет он не задаёт себе вопрос о том, почему остался в живых.

04. 2021

АНТИК (рассказ)

Из звездных мемуаров Нейона Ти.

Не берусь говорить про других авторов мемуаров. Я не знаю их опыта по той причине, что не мог общаться с ними в силу своего образа жизни. Жизнь моя проходила среди звёздных скоплений, на борту звездолёта, а не в обществе уважаемых авторов. Но про себя я должен признаться, что, чем толще становилась рукопись моих мемуаров о звёздных приключениях, тем больше я сожалел о своём намерении изложить их на бумаге. Каждый раз, закрывая рукопись после очередного рассказа, я всё больше опасался мнения читателей. Я понимал, что им, сидящим в мягких креслах, в приятной тиши комнаты с книжкой в руках, трудно будет поверить в правдивость моих историй, а выглядеть обманщиком в их глазах совсем не входило в мои планы. Но проходило какое-то время, и я убеждал себя продолжить работу над мемуарами, успокаивая себя мыслью о том, что каждый сомневающийся читатель при желании может проверить достоверность моих рассказов. Да-да. Ему надо будет для этого всего лишь повторить мой путь из любого рассказа мемуаров. Как видите, всё очень просто. Сложность в том, что моя новая история не даёт мне шанса хоть как-то развеять сомнения по поводу доверия читателей. Вынужден признаться самому себе, что вряд ли кому-то удастся столкнуться с тем, о чём я хочу рассказать ниже.

Учёный мир с живым интересом изучил мой отчёт о происшедшем, но его реакцией было гробовое молчание. Да и как могло быть иначе, если существование антиматерии рассматривается наукой только в теоретическом плане при полном отсутствии контактов и экспериментов с этим неизвестным явлением Вселенной. Видимо, мой опыт оказался первым, и дай бог, чтобы он пошёл на пользу моим последователям, и дай Бог им не попасть в такую ситуацию.

Я начинаю свой рассказ...

Случилась эта история по пути на задание в соседнюю галактику R-8/5. Помню, я только вышел из отпуска. Задание было пустяковое, скорей, курьерская миссия для Бюро Межзвёздной Безопасности. Мне всего лишь надо было передать резиденту Бюро ящик с секретными кодами связи и новыми паролями для будущих агентов Бюро. Могли бы послать кого-нибудь из новичков, но я охотно согласился, всё ещё пребывая в отпускном настроении. Для меня это задание оказалось, как нельзя кстати. Слетать туда и обратно. Я предвкушал приятный полёт в знакомые места. Мне уже приходилось побывать у тамошнего резидента. В документах Бюро он значился как R-Церум, по названию галактики и планеты обитания, а все местные знали его под именем БРВАГ. Они там как-то обходились без гласных букв и звуков. Отправляясь в полёт, я с удовольствием вспоминал приятное времяпрепровождение на вилле резидента, захватывающую охоту на свирепых рингосептов, увлекательную и небезопасную рыбалку на герпесов, плюющихся серной кислотой. Всё это вновь ожидало меня в конце полёта и не могло не вызывать приятных чувств.

Я уже видел на экране пограничные маяки галактики и перед выходом в чужое космическое пространство решил совершить посадку на приграничной заправочной планетке Литл. Она тоже оставила у меня приятные воспоминания своей удобной стоянкой, быстрым обслуживанием и комфортными условиями отдыха туристов. Посадка не входила в планы задания, но я шёл раньше графика и мог позволить себе эту маленькую вольность. Я запросил разрешение на посадку, но в ответ услышал удивившее меня молчание. Я повторил запрос. Опять молчание, за которым последовал непонятный шум, то ли скрип, то ли хрипы, писк, и только после этого раздался монотонный голос:

- Борт Седьмой! Посадку разрешаю! Ваш посадочный модуль T-4! Посадка в режиме автопилота под управлением лоцманской службы космопорта. Мягкой посадки!

Я с нескрываемым удовольствием переключил автопилота в режим посадки и откинулся на спинку кресла, считая регламент переговоров законченным, как вдруг вновь ус-

лышал голос. Вроде бы тот же голос, но звучал он как-то неуверенно, нечётко, виновато:

- Борт Седьмой! При выходе наружу будьте внимательны. Рабочий режим космопорта восстановлен не полностью!

Последние слова заглушил громкий шум помех и всё стихло. После услышанного я почувствовал скорее любопытство, чем опасения. Я всё ещё пребывал в расслабленном отпусном состоянии, настроенный на лёгкую прогулку.

- Что такого могло случиться с ихним рабочим режимом? - недоумевал я и скорее по привычке, чем из опасений, включил экран посадочного обзора. Я мог этого и не делать, а спокойно уйти переодеть полётный комбинезон перед выходом на планету, положившись на автопилота. Звездолёт только начал входить в атмосферу и в зону управления службой космопорта. Тут же я увидел, как поверхность планеты стала стремительно приближаться, словно звездолёт камнем падал вниз, а не спускался по параболе снижения автопилота.

- Диспетчер!! - заорал я не своим голосом, но вместо голоса услышал один сплошной шум и треск, снова заполнивший Пост Управления. Ответа не было. Не было связи, не было управления звездолётом. Он опрокинулся в атмосферу и падал вниз. Это было понятно и без экрана обзора, на который я уже не обращал внимания. Одного мгновения хватило отключить автопилот и на ручном управлении увести звездолёт из атмосферы.

Пока я совершал виток вокруг планеты, чувствовал себя не в комбинезоне, а в холодной ванне, мокрой, облепившей меня со всех сторон, прилипшей к телу. Холодный пот градом катился по щекам, по шее, вниз, разбегаясь по всему телу, но не было силы, способной оторвать мои руки от рычагов управления. Мне казалось, что я не ощущаю того, где кончаются руки и начинаются рычаги, слившись с ними воедино, превратившись в одно целое со звездолётом перед смертельной опасностью.

Это было на уровне инстинкта организма, боровшегося за жизнь, а не на уровне разума и холодного расчёта. В минуты опасности они отступают на второй план. Я не раз убеждал-

ся в этом, каждый раз приходя в себя после таких минут. Приближаясь снова к космопорту, я уже мог спокойно вслух рассуждать о дальнейших действиях:

- Что изменилось? Разрешение на посадку мне дано. Никто его не отменял. Изменились условия посадки, но это уже на совести космопорта. Посадку я обеспечу себе сам. Стоп! А мне это надо? - задал я себе этот вопрос, зная ответ на него. Мне это было не надо. Я летел мимо. Отпускное настроение. Решил немного отдохнуть. Всё пошло не так. Я на задании, и никто не спросит с меня за то, что случилось на Литле. Тем более, что никто здесь не просит моей помощи. Скорей, помощь нужна была мне самому.

Звездолёт в это время завис над космопортом. Не отдавая себе отчёта в том, что я делаю, словно машинально, я сбросил тягу двигателей, включил реверс и начал снижаться, выискивая на экране обзора модуль Т-4. Увиденная на экране картина раздражала своей нечёткостью. Вместо правильных квадратов посадочных модулей с яркими опознавательными знаками перед глазами расплывались в разные стороны какие-то неровные линии разной толщины, вызывая ощущение хаоса там, внизу. Я уже начал сомневаться в возможности посадки, как увидел наконец-то долгожданный квадрат с яркими знаками Т-4. После этого я уже ничего не замечал вокруг до окончания посадки, пока не ощутил лёгкого толчка от касания о поверхность планеты.

Всё! Двигатели затихли, последняя дрожь едва заметной вибрации пробежала по корпусу и звездолёт затих, словно человек после тяжёлой работы. По крайней мере, у меня было такое ощущение, когда я убрал руки с рычагов, пытаясь пошевелить онемевшими пальцами. Они словно перестали быть частью звездолёта. Они были снова мои, но я их не чувствовал и обессиленно сидел в кресле.

Ничего особенного не случилось. Я совершил посадку. Одну из многих в прошлом и в будущем. Сколько их ещё будет. «Главное, чтобы количество стартов всегда равнялось количеству посадок» - усмехнулся я традиционному тосту астронавигаторов и осторожно встал с кресла. Мне не терпелось сбросить прилипший комбинезон.

После душа я одел свой любимый костюм, пообедал и был готов к визиту на планету. Связи по-прежнему не было. Я мог только теряться в догадках о причинах такой работы космопорта, едва не стоившей мне жизни. Лифт опустил меня вниз. Я зачем-то прихватил с собой портативный ШМД. Он висел на поясе и не создавал неудобств, но в любую минуту был готов к действию. Ведь мне посоветовали быть осторожным. Хотя бы это успели. Иначе я бы не успел вернуться от планеты, уйди я минутой раньше менять комбинезон на выходной костюм - это я прекрасно понимал, когда выходил наружу.

Первым делом я огляделся вокруг и только после этого дал команду задраить входной люк. Кругом было пустынно и непривычно тихо даже для такого маленького космопорта. Сразу вспомнились тревожные слова о рабочем режиме. Космопорт, действительно, не походил на место, готовое к приёму межпланетных кораблей. Оставалось только удивляться разрешению на посадку. Сделать это можно было на единственном модуле, который сейчас занимал мой звездолёт. Вокруг на площадке космопорта, сколько можно было видеть, царили хаос и разрушения. Всё то, что я на экране обзора принял было за нечёткие линии и полосы, оказалось нагромождениями всякого хлама и мусора, обломков, каких-то торчащих во все стороны конструкций, заброшенных неизвестно откуда неведомой силой. Нагромождения хлама высились на несколько метров и невольно притягивали взгляд. Я стоял и удивлялся тому, что хаос может создавать картины гармонии, осмысленной завершенности, способные привлечь внимание. Мусор по всей площадке не просто валялся. Он самым немыслимым образом тянулся по всей территории, напоминая горный хребет в несколько метров высотой, извиваясь и разбегаясь во все стороны причудливыми узорами, которые на экране обзора выглядели кривыми линиями. Казалось, что тут постарался великан, сгребая ладонками мусор в узкую полоску и выложив из неё замысловатые узоры по всей площадке. С обеих сторон мусорных хребтов хлама почти не было. Только всю площадку покрывал толстый слой пыли, скрывавший разметку

посадочных модулей. Ничто здесь не напоминало о космопорте. Вдали виделось здание администрации с диспетчерской башней.

Я стоял в недоумении, не узнавая знакомых мест и не зная, на что решиться. От размышлений меня отвлекла чёрная точка, которая быстро приближалась с той стороны, где виделось уцелевшее здание. Это были хоть какие-то признаки жизни и пока они не представляли никакой угрозы. Машинально я положил руку на пояс, поближе к ШМД. На малом расстоянии это незаменимая штука.

Чёрная точка то появлялась, то исчезала из виду, отчаянно лавируя вдоль мусорных нагромождений. Мне казалось, что невозможно найти выход в этом затейливом лабиринте. Вскоре я окончательно потерял из виду этот объект и решил, что он уехал по своим делам. Неожиданно раздался шум и откуда-то сзади выскочил одноместный птерокар, резко затормозивший передо мной. Его мгновенно окутало облако пыли, от которой я напрасно пытался уберечься. Облако накрыло меня с головой и мне пришлось пожалеть и себя, и свой костюм. Глаза забило пылью, во рту противно хрустело, как было однажды, когда нас, курсантов, отправили на хозработы разбирать старый склад.

Чихая и отплёвываясь, я попятился назад, пока не упёрся спиной в корпус звездолёта. Кое-как, наощупь, я попытался выбраться в сторону, чтобы можно было открыть глаза и отдышаться. Мне это удалось сделать гораздо проще, чем привести в порядок костюм. Пыль не только покрывала его. Она набилась в карманы, под костюм, облепила всё тело, вызывая зуд. Отряхнувшись, как мог, я пошёл обратно к входному люку. Там уже можно было спокойно стоять, не спасаясь бегством.

Когда я приблизился к птерокару, серый от пыли колпак его кабины со щелчком откинулся вверх и наружу выпрыгнула фигура в знакомой мне униформе космопорта. Фигура запрыгала мне навстречу, энергично размахивая рукой во все стороны. Такая у них привычка, у литленцев. Они всегда ей размахивают, поэтому надо держаться от них подальше, чтобы во время общения рука эта тебя ненароком

не задела. Последствия бывают разные. Они сами частенько забывают об этой предосторожности, как я убедился в прошлые визиты, когда частенько мне попадались на глаза и забинтованные головы, и забинтованные руки.

Литленцы всегда жалели меня за мой внешний вид и сочувствовали всем землянам за их убогие, изуродованные природой, тела. Они не могли взять в толк, как можно жить на свете с двумя глазами, с двумя руками, с двумя ногами и не запутаться во всём этом? Местный учёный, профессор ЦЖШПР написал трактат, обессмертивший его имя, высеченное на скале почёта. В своей работе он доказал, что земляне являются побочной ветвью развития литленцев, которая образовалась миллионы лет назад из отдельных особей с модифицированным геном ненасытности. Мутация этого гена привела к тому, что поражённые им особи постоянно страдали ненасытностью. Им постоянно не хватало всего того, что их окружало. Неважно чего - воды, пищи, дров, гвоздей, развлечений, жилищ, удовольствий. Этот ген не мог не привести к тем изменениям организма, которые теперь эволюция выставляет напоказ всей галактике, и на которые литленцы не могут смотреть без сожаления и сочувствия к жертвам эволюции. Трактат заканчивался выводом о том, что законы эволюции не подвластны никаким другим законам, поэтому землянам теперь приходится расплачиваться за поражение геном ненасытности, превратившим их в существ с двумя руками, двумя ногами, которыми они утоляют свою ненасытность. В конце научного труда говорилось, что ген ненасытности обрекает землян на вымирание. Профессор призывал землян одуматься и предлагал свои услуги по приведению тела землян к образу и подобию достопочтенных литленцев.

Трактат этот на Литле все знают с малых лет, он разложен во всех гостиничных номерах вместо рекламных проспектов. Выдержки из него можно встретить в самых неожиданных местах на планете, даже на туалетной бумаге. Неудивительно, что я его уже знаю. Неудивительно, что литленцы гордятся своей внешностью.

Этот профессор, узнав однажды о моём визите на плане-

ту, из жалости ко мне предложил сделать операцию. Конечно, он руководствовался не столько жалостью, сколько желанием быть первым в деле избавления землян от последствий беспощадного гена. У меня была возможность стать первым землянином, избавившимся от уродливых последствий, которые внёс в мой облик ген ненасытности. За это мне было обещано звание почётного литленца и занесение моего имени на скалу почёта планеты. Но я учтиво, как мог, отказался, пробормотав что, мол, пока не чувствую себя достойным влиться в цивилизацию благородных литленцев, чему они искренне поверили, откровенно печалась о моей участи. Не мог ведь я им открыто сказать, что меня совсем не устраивала перспектива провести остаток жизни с одним глазом, с одной рукой, с одной ногой. Это, конечно, большая честь для убогого землянина, но я уж как-нибудь на двух ногах. Мой отказ их не обидел, но после этого жалеть меня они стали ещё больше.

Да, литленцы близки к нашей белковой форме жизни, даже близки к нашему внешнему облику, но у них на голове один глаз, одно ухо на макушке, в носу одно отверстие, одна рука спереди торчит из туловища, а внизу одна нога, на которой они не ходят, а прыгают так, что на двух ногах не угнаться. И жалеют они нас беспрестанно за убогость нашего тела. Даже детей пугают, я слышал:

- Смотри, сынок, будешь в носу ковырять, вырастет вторая рука, как у землян!

Поэтому никто из них в носу не ковыряет.

Вот такой литленец и выпрыгнул мне навстречу. Голос его был встревожен, он не говорил, а кричал:

- Как Вы?! Что с Вами?! Неужели уцелели?! Мы ведь хотели Вас сбить, когда ваш корабль начал падать на планету! Все так и замерли! Будь у диспетчера две руки, так Вы бы не стояли тут сейчас! Это у вас, землян, правая рука не ведает, что творит левая, - рассмеялся он. - А у нас всё однозначно и понятно! Поэтому ты и остался жив! Я рад этому!

Мне надоело слушать его крики, и я отбросил в сторону дипломатию агента БМБ. Тем более, что я тут был с неофициальным визитом:

- Я тоже рад, что остался жив. Только не потому, что у вас одна рука, а потому, что взял управление на себя вместо вашей лощманской службы. Что у вас происходит? Зачем было принимать мой звездолёт? Что это такое?! - махнул я рукой в сторону мусорных валов.

- Мы сами ещё толком ничего не поймём, - уже спокойным голосом заговорил литлонец. Его длинная рука так и мелькала в воздухе перед моим носом:

- Всё случилось буквально несколько часов назад. Я куратор смены и только заступил на дежурство, как налетел ураган, смерч, буря - не знаю, как это назвать. Длилось это какие-то мгновенья. Метеосводка ни о чём подобном не говорила, - туловище его шевельнулось в сторону головы, словно он пожал плечами, которых у него не было. - Мы всё ещё приходим в себя после случившегося. Это не только буря, а ещё и случай массового психоза, - голос его зазвучал растерянно. - Все мои сменные операторы словно сошли с ума. Они утверждают, что видели своих двойников! Им это привиделось, когда вокруг вообще ничего было не видно кроме мрака бури. Самое главное, что я не могу этому не верить! - литлонец выпучил на меня свой глаз, замерев на ноге, а рука замерла в воздухе. - Я сам видел своего двойника! Откуда он взялся?! Ума не приложу, но я видел! Это было в самый жуткий момент, когда всё поглотила мгла, ураганом выбило все стёкла в окнах. Я могу только удивляться, как меня не унесло прочь вместе со стульями и прочей мебелью и хламом. Наверное, потому что при виде моего двойника, налетевшего на меня со всего маху, я опрокинулся вместе со стулом и оказался под диспетчерским щитом, привинченным к полу. Другим повезло меньше, - со вздохом добавил он. - Несколько операторов исчезли бесследно. Так же, как исчезло с площадки космопорта всё, что там было установлено. Нет ни вспомогательной техники, ни цистерн, ни ангаров, ни заправочных модулей, ни прожекторных мачт. Ничего нет, - воскликнул он. - Одно утешает, что туристический сезон закончился, и мы давно не принимали звездолёты, - казалось, литлонец не мог остановить свою речь. - Когда ураган утих и мы понемногу пришли в себя, то

увидели эти странные холмы, узоры и переплетения мусорных куч по всему космопорту. Кто всё это может объяснить?! Надо было что-то делать. Но что мы могли? Несколько техников отправились приводить в порядок посадочные модули. Никто их об этом не просил. Но это их работа, они всегда её делают. Машин нет, как видишь. Кое-как расчистили один посадочный модуль. Наверное, не стоило это делать, - вздохнул он. - Ты чудом избежал катастрофы. Но мы не смогли бы закрыть космопорт для полётов. Антенны космической связи уничтожены, валяются где-то в кучах мусора. А тут как раз ты запросил посадку. Наваждение какое-то. Ближняя связь заработала. Один канал связи оказался не повреждённым. Оператор дал «добро» на посадку. Что с него возьмёшь?! Он всё ещё сидит обезумевший. Друга у него унесло. Не уследил я за этим оператором, не отстранил его вовремя. После такого даже андроиды выходят из строя, - оправдывался литленец. - Сейчас восстанавливают срочно космическую связь по временной схеме. Ждём информации, может, что и узнаем. Если хочешь, можешь присоединиться, - кивнул он в сторону птерокара. - Надо ехать в управление.

- Да, конечно, - ответил я. - Только я своим ходом доберусь.

- Ну и прекрасно, - облегчённо вздохнул он и метнулся к птерокару.

Я вернулся в звездолёт и на гравикоптере вылетел из транспортного отсека в сторону здания, где оказался раньше птерокара.

Я стоял возле здания, не решаясь войти. Это было зрелище. Управления космопорта не больше не существовало. Ободранная коробка здания с пустыми глазницами окон. Стены пестрят выбоинами от ударов, нанесённых всем тем, что летало в воздухе. Трудно было представить, что внутри мёртвого здания кто-то находится, что туда надо войти. Но тут подъехал птерокар, и я проследовал в дверной проём вслед за литленцем.

Поднялись на второй этаж, пробираясь через горы всякого хлама, из которых торчали то ли ветки, то ли куски деревь-

ев. Там, где раньше была диспетчерская, на мнемосхеме щита во всю стену не горело ни одного индикатора. Лицевые панели щита открыты в стороны. Оттуда торчали пучки проводов, с которыми молча возились двое в рабочих комбинезонах. Они не обратили на нас никакого внимания. В углу за столом сидели ещё двое в спецодежде. У каждого на макушке торчал наушник. На столе, единственном месте, очищенном от пыли и мусора, возвышался новенький модуль связи, занимавший всё их внимание. Вдруг один из сидевших резко вскинул руку вверх и громко крикнул:

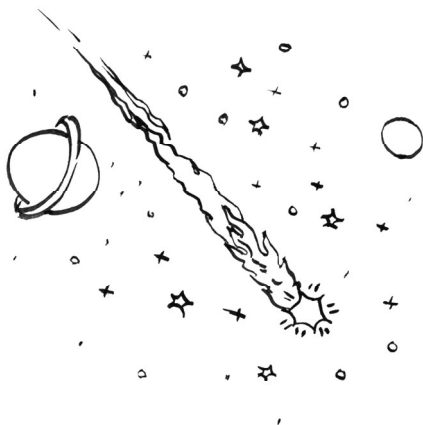
- Тише! Внимание! Идёт сообщение!

Тут же комнату наполнил громкий звук голоса, звучавшего из модуля. Видимо, этого сигнала и ждал куратор. Он метнулся к столу, ухватился рукой за край столешницы и замер в такой позе. Из модуля звучало на всю комнату, эхом разносясь по всему зданию:

- . . . большие разрушения на планетах Фитол, Спазга, Ильтрум...

Я знал, что они находятся там, куда я летел, в соседней галактике, и невольно напрягся, чтобы не пропустить ни одного слова:

- Галактика R -8/5 предупреждает соседние галактики об опасности. Избежать её невозможно, но можно подготовиться для минимизации потерь и жертв. Нельзя спасти инфраструктуру планет, но необходимо спасти жителей планет. По нашей галактике ударила комета, необычная по своей силе, форме и структуре. Есть версия, что этот смерч в виде кометы породила чёрная дыра галактики после того, как учёные пытались воздействовать на неё обстрелом из нейтронной пушки. Выброс энергии был зафиксирован именно в этом секторе галактики. Ведётся поиск экспериментальной установки и её персонала. Пока безуспешно. Выброс энергии сформировался в комету, как мы назвали этот объект в силу его внешнего сходства. Но траектория её непредсказуема и природа её неизвестна. С нескольких станций поступили сигналы о том, что инфрагексогенные камеры зафиксировали в пространстве частицы антиматерии. Разлетаются они из хвоста образовавшейся кометы, в связи с чем

ей больше подходит классификация, как антикомета, поскольку природа её не соответствует всем, ранее известным кометам и требует изучения. Неизвестно, чем это грозит живой и неживой материи Вселенной и что будет с галактикой. О всех необычных фактах и явлениях просьба сообщать в центр мониторинга галактики R - 8/5. Антикомета покинула пределы

нашей галактики. Немедленно введите чрезвычайное положение на планетах. Звездолётам при обнаружении антикометы в зоне полёта менять курс и покидать опасный сектор. Есть предположение, что антикомета исчезнет так же внезапно, как и появилась, израсходовав заряд энергии. Будьте бдительны!

Я слушал, затаив дыхание, как и все вокруг меня, понимая, что ничего не смыслу в антиматерии, её чудесах и опасностях для меня. Самое плохое, если не знаешь, что тебя ждёт. Когда лезешь в электрические провода - тогда другое дело. Тогда знаешь, что тебя может долбануть и мысленно ты готов к этому. Ты знаешь, что нельзя хвататься за оголённые провода, это опасно. А в чём опасность здесь, с этой антиматерией? Что от неё ожидать? Мне даже стало обидно от мысли, что при безграничности Вселенной вдруг возникает опасность столкнуться с какой-то антиматерией, когда можно лететь тысячи лет и не повстречать и миллионной доли того, что в ней напичкано. Так же обидно, как из мешка с зерном вытащить капсулу с цианидом.

Кому как повезёт. Никакие законы тут не действуют. Но легче мне не стало от таких мыслей. Они мне только напомнили забытое чувство беспомощности перед непознанным

ми тайнами Вселенной. Тогда, в молодости, когда я в курсантские годы совершил первые учебные полёты в космос, это и случилось. После первого полёта я не мог уснуть всю ночь и до сих пор не могу забыть удивления, охватившего меня от мысли, что не только я, но и всё человечество в своих попытках освоить космическое пространство напоминает глупенького котёнка. С этим любой согласится, кто хоть однажды видел, как ведёт себя котёнок, впервые выпущенный из дома, где он родился, на улицу. Надо видеть, в каком шоке он пребывает, открыв новый мир для себя после того, как только-только успел изучить место своего обитания в пределах дома. Ему надо много времени, чтобы освоиться за дверями знакомой обстановки. Точно так же и человечество потратило долгие годы, чтобы преодолеть свою робость перед непознанными звёздными просторами. И чем дальше были шаги в космос, тем больше возникало вопросов. Сколько их ещё будет?

Мой куратор первым опомнился и всем телом крутнулся на ноге в мою сторону:

- Не повезло тебе с визитом к нам. Кто знает, куда ещё занесёт эту антикомету, - он покачал головой.

Я успел прийти в себя:

- Вообще-то мне у вас нечего делать. Я на задании. Мой маршрут в галактику R -8/5.

Литләнец вытаращил на меня свой глаз:

- Так чего ты тут стоишь?! Мы даже заправить тебя не сможем. Неужели не видишь?! Мы вызвали технопринтеры для возведения нового здания Управления. Всё начинаем с нуля, заново, - воскликнул он.

- Мне и заправка не нужна, - ответил я, чувствуя досаду на себя за былое отпускное настроение. Это была расплата, и не самая горькая. Сейчас я бы уже был в соседней галактике. «Неизвестно ещё, что бы я там встретил» - успел я подумать, а вслух произнёс:

- Вынужден вас покинуть для дальнейшего полёта. По крайней мере, я доставил вам проблем меньше, чем вы мне. Я отбываю. Помех для этого нет и помощь космопорта мне не нужна.

Я повернулся и поспешно вышел прочь. Антикومета могла вернуться в своём непредсказуемом метании по Вселенной.

Не заняло много времени добраться до звездолёта и стартовать с планеты. Поднявшееся облако пыли скрыло из виду и мусорные узоры, и площадку, и остатки здания. Я возвращался на маршрут, который уже не казался мне приятной прогулкой.

Достигнув галактики R - 8/5, я ещё раз проверил конечные координаты курса и отправился спать. Даже не было желания ужинать. Усталость навалилась такая, словно это я стёр космопорт с лица планеты. Не добравшись до спального отсека, я, как был, в пыльном костюме, завалился спать на диване в зале перед экраном визора. До сих пор мне не приходилось опасаться ни комет, ни метеоритов. Силовая защита спасала звездолёт и от излучений, и от столкновений с космическим мусором.

Цель моего задания, планета Церум, находилась в центре галактики. У меня был впереди месяц полёта до упомянутых в сообщении планет и ещё три месяца потом до конечной точки маршрута. Меня успокаивала мысль о том, что траектория антикометы прошла пока мимо центра галактики.

«Вероятно, там всё спокойно», - успел я подумать, засыпая. Разве мог я тогда предположить, что элементарные частицы, распыляемые её хвостом, несли с собой не меньшую проблему, чем её энергия разрушения? Этого никто не мог знать. А если бы и знали, что толку? Это не оголённый провод. Не увернёшься.

Только сейчас, спустя много лет, я начал понимать, с чего всё началось. Тогда мне было не до этого, не до анализа. Многомесячные допросы учёными и мои размышления по этому поводу привели меня к такому выводу. Он лишь подтвердил мои первоначальные, ни на чём не основанные догадки.

Всё началось с того, что две недели спустя мне пришлось выйти в открытый космос для чистки солнечных батарей. Уровень напряжения на борту всё это время непрерывно падал и дошло до того, что я не мог включить кофеварку, что окон-

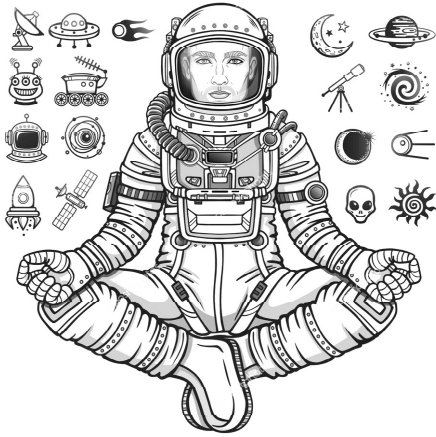
чательно переполнило чашу моего терпения. Диагностика показала падение мощности солнечных батарей.

Мне пришлось изрядно попотеть. За время стоянки на Лилте поверхность элементов покрылась толстым слоем пыли. Она запеклась твёрдой коркой и плохо поддавалась моим усилиям. Мне пришлось два раза возвращаться в звездолёт, чтобы отдохнуть и собраться с новыми силами. В это время звездолёт уже находился в секторе планет Фитол и Спизга, где антикомета распылила свой хвост.

Как потом мне объяснили ученые, её частицы способны промчаться сквозь всю Вселенную, пронзая галактики, как шампур пронзает куски мяса. Могут зависнуть в пространстве, обладая массой покоя. Эти частицы проскакивают сквозь планеты, звёзды, космические корабли, сквозь любую материю этого мира. Но они растворяются в тканях живой плоти, в живой материи. Эта теория была озвучена после моего случая. По крайней мере, споров по её поводу было немного. Но и утверждать с полной уверенностью никто не брался. Я довольствовался таким объяснением. Что мне ещё оставалось? Я остался жив, но этот факт не может быть доказательством истории, случившейся со мной.

А дело было так. Когда я закончил работу и солнечные панели заблестели, я направился в шлюзовую камеру. Я уже готов был нырнуть в люк, как ощутил на спине, ниже лопаток, слабый укол. Нет, на шприц это не походило. Это было так, словно ткнули спичкой. Тихонько, кратковременно, не больно. Я вспомнил об этом только спустя годы, после долгих и нудных расспросов учёных о каждом моём шаге, о каждой минуте пребывания в космосе. А тогда я просто подумал, что неловко крутнулся в пространстве и спиной задел какую-нибудь складку или шов скафандра. Разве мог я тогда знать о вездесущих частицах, оставленных в пространстве хвостом антикометы?! В тот момент я всего лишь был рад окончанию работ и мечтал об отдыхе. Проблем с электричеством у меня больше не было. Мне хватило других проблем, о которых я вряд ли когда-нибудь забуду. Это останется со мной навсегда.

Закончив все дела, приняв душ и поужинав, я отправился

спать, напроочь забыв про мимолётный укол под лопатками.

Утром я проснулся от ощущения, что на меня кто-то смотрит. От неожиданности я вздрогнул и принял это за сон. Перед кроватью стоял я и пристально, не мигая, смотрел в мою сторону. Немигающий взгляд вызывал мысли о сне, потому что такой взгляд невозможно представить в

реальной жизни. Я закрыл и снова открыл глаза. Видение не исчезло. Тогда я ущипнул себя за руку и увидел, как я, стоящий у кровати, повторил синхронно с моими движениями то же самое. Этот тип ущипнул себя за руку, не отводя взгляда. В своей неподвижности он больше походил на андроида, на робота, чем на живого человека. С чего бы живому человеку вот так стоять и пялить глаза? Спросонок я ещё не осознавал в полной мере возникшей ситуации. Я сел на кровати. Этот тип тут же уселся рядом. Кровать никак не отреагировала. Матрас не прогнулся, ни одна пружина не скрипнула, словно я один, без этого типа, продолжал сидеть. Меня бросило в пот, и я вытер лоб. Этот тип повторил то же самое одновременно со мной, словно я смотрелся в зеркало.

- Ты кто? - спросил я и не узнал свой голос.

- Ыт окт? - услышал я в ответ точно такой же голос, говоривший одновременно со мной, отчего в результате одновременно звучала неразборчивая белиберда. Я не понял и не расслышал его слов. Так они прозвучали неожиданно. Понял только, что говорит он на непонятном наречии. Моя попытка незаметно прикоснуться к нему не удалась. Он сидел вплотную, рядом со мной, но рука моя скользила по воздуху вдоль его тела, как будто этот воздух создавал вокруг него оболочку, недоступную моей руке. Я чувствовал, что

от него не исходит ни тепло, ни холод. Вот он, рядом, я это вижу, но не ощущаю. «Как фантом» - мелькнула первая мысль. Тот сидел молча, уставившись на меня, никак не реагируя на мою мысль.

- Ты кто? - снова попытался я спросить и услышал снова одновременно:

- Ыт окт? - Выражение его лица не изменялось.

Просто маска, маска моего лица. Но какая! Даже щека не пробрита, как у меня.

«Действительно, как зеркало» - подумал я, разглядывая его.

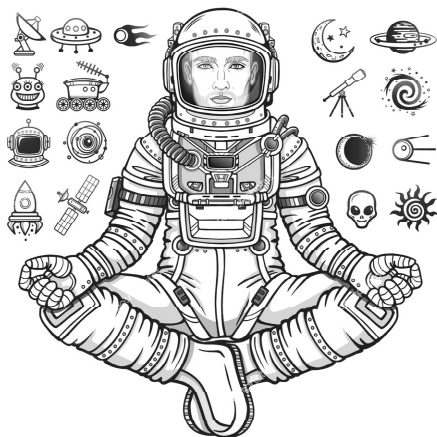
- Ты откуда взялся? - спросил я, раздумывая, что делать.

- Ыт адукто яслязв? - зазвучало в ушах вместе с моими словами. Эти звуки мешали мне думать. Казалось, рот он открывает одновременно со мной, ещё больше напоминая зеркало, говорящее зеркало. Какое-то время я продолжал сидеть на кровати, не зная намерений этого типа и его возможностей, не зная, что от него ждать.

- Ладно, хоть не вооружён, уже легче, - продолжал я размышлять в тишине, которую расхотелось нарушать.

Откуда он взялся? Что я сделал не так? Или это не из-за моих действий я тут в двух лицах? Что мне с ним делать? А что он сделает со мной? Друг или враг? Откуда он? - не давал покоя вопрос.

Окончательно привыкнув к обстановке, я понимал, надо вставать и решать проблему. Я осторожно передвинулся на кровати назад, в сторону подушки, согнул ноги в коленях и не касаясь его, опустил их на пол, чтобы встать. Мой двойник тоже, я заметил, отодвинулся от меня прежде, чем встал на ноги одновременно со мной. Моргать он, похоже, не умел, что ещё больше усиливало эффект нереальности про-

исходящего, усиливало нежелание верить во всё это. Я направился к двери. Этот тип, мой двойник, моя копия, фантом - чёрт его знает кто, стоял передо мной и преграждал дорогу. Я не мог его обойти, не мог отпихнуть. Руки мои упирались не в него, а в невидимую стену перед ним, и он был недосыгаем за этой стеной.

- Ну, и что дальше? - раздражённо вырвалось у меня. Я плюхнулся на кровать, а в ушах звучало вместе с моими словами:

- Ун, и отч ешьлад?

Мне хотелось заткнуть уши, чтобы эта белиберда не лезла мне в голову, не забивала рот, мешая говорить. «Прошло всего несколько минут после моего пробуждения, а мне казалось, что я схожу с ума. Что же будет дальше?!» - мелькнуло в голове, пока я снова сидел рядом с ним на кровати. Я отодвинулся от него. Он сделал то же самое. Тогда я встал с кровати и попятился от него к двери. Он начал удаляться от меня спиной вперёд. «Ну разве не зеркало?» - мелькнуло в голове. Отступая от меня назад, он наткнулся на шкаф и тут же оказался рядом со мной. Я продолжал двигаться спиной вперёд. Он опять попятился от меня. За спиной я нащупал ручку двери и открыл её. Надо было видеть, как этот болван, моя копия, старательно шарил рукой у себя за спиной, но я уже был в коридоре. Мне удалось выбраться! Победа над самим собой окрылила меня ненадолго. Тут же он оказался передо мной. Видимо, наткнулся на стену. Тогда я начал удаляться от него по коридору спиной вперёд в сторону ванной комнаты. Я ещё по привычке продолжал соблюдать ежедневный распорядок.

Мои надежды очень быстро развеялись в прах. Радуюсь, что так ловко перехитрил этого болвана, я буквально прокрался в ванную, но стоило мне повернуться к раковине, как я наткнулся на непроходимую стену с немигающим взглядом, отделявшую меня и от раковины, и от душа, и от утренней процедуры. Никого я не обхитрил. Этот тип смотрел на меня, не мигая. Ну хорошо. Я повернулся к раковине спиной. Этот тип снова оказался перед носом.

- Ну и чёрт с тобой! - злорадно подумал я, нащупал за спи-

ной рукоятку крана и открыл воду. Смочил руки и кое-как протёр лицо. Удалось умыться. Я попятился на кухню готовить завтрак. Наверное, со стороны интересно было бы наблюдать, как два идиота пятаются друг от друга задом по коридору, при этом, если незванный двойник наткнулся на преграду, то оказывался рядом со мной и снова начинал пятиться от меня спиной вперёд. Когда я допятился до кухни, мысли мои были не о завтраке. Похоже, я попал в ситуацию, из которой ещё не приходилось выбираться. Готовить завтрак за спиной я тоже не умел. Большой радостью для меня оказалось сварить кофе и наткнуться на вчерашний бутерброд. Двойник передо мной с невозмутимым видом старательно повторял руками движения у себя за спиной. Когда я пил кофе, он повторял мои движения с пустыми руками. Наверное, в другой ситуации без смеха на это смотреть было бы невозможно. Но мне было не до того. Я размышлял. Мне необходимо было собраться с мыслями.

Но сначала в Центральный Пост.

Я допятился спиной вперёд до штурманского кресла и по привычке попытался в него сесть, но почувствовал, что это у меня не получилось. Вернее, получилось, но не совсем. Я вроде бы сидел, но не в кресле. Повернув голову, я увидел, что сижу на двойнике. Он был в кресле! Я чувствовал себя непонятно на чём, на тугом надувном матрасе. От неожиданности или от отвращения, я вскочил. Двойник стоял напротив. Кресло пустое. Но сесть я в него не мог и больше не хотел пытаться это сделать.

- Седьмой! - громко крикнул я. - Координаты звездолёта!

Не тут-то было. В ушах зазвучали другие слова, сливаясь с моими:

- Йомьдес! Ытанидроок атёлодзевз!

Казалось, уши лопнут от этой белиберды. Компьютер в своём ответе был бессилён:

- Повторите команду! Повторите команду!

Я повернулся и пошёл прочь, попятился в спальню, каждый раз невольно вздрагивая при очередном появлении двойника, старательно возникавшего перед носом. В спальне я хотел упасть на кровать, сунуть руки под голову, ногу

на ногу и утравиться в потолок. Я любил так размышлять. Но ничего не получилось. Я снова почувствовал тугую надувной матрас. Дико зарывав, я вскочил и сел на край кровати. Уперся локтями в колени, подбородком упёрся в ладони и замер. Для меня казалось чудом, что двойник не мешает мне сидеть, не мешает мне думать. Похоже, он умеет только повторять мои действия. Мои мысли были ему недостижимы. Что это? Примитивная модель? Или так задумано? Мне казалось, что это происходит не со мной, я не мог сосредоточиться, собраться с мыслями. Я покосился на двойника. Тот, как ни в чём ни бывало, сидел рядом и не мигая смотрел на меня. Мысли с новой силой начали терзать мою голову:

- Двойник этот! Кстати, какой он двойник?! Да, это моя копия, но он скорей антидвойник, чем двойник, чёрт его побери! Ведь он всё делает наоборот, вопреки мне! Стоп! А что там говорил литлленец о двойниках? Они тоже их видели, своих двойников! Да! Скоротечно, но видели! Они исчезли так же внезапно, как налетевшая буря. Это была не буря. Хвост кометы прошёл над их планетой. Но ведь это не комета, её назвали антикометой из-за распыляемых её хвостом античастиц.

Я потёр лоб, чувствуя, что мысли мои приходят в порядок и выходят из-под эмоциональной встряски. Краем глаза я заметил, как двойник или антидвойник тоже старательно потёр лоб.

- Нет, я не должен отвлекаться. Думай! - Командовал я самому себе, отвернувшись.

Дальнейшие мысли погрузили меня в пучину ужаса от безысходности:

- Звездолёт проходит сектор повреждённых планет. Неужели есть связь между моими проблемами и антикометой? Если это так, то антидвойник не что иное, как порождение антикометы. Как, каким образом - другой вопрос, но этот тип - продукт антиматерии?!

Меня охватил ужас, я невольно отодвинулся от него прочь, на что антидвойник охотно отреагировал. Я опять посмотрел в его сторону. Хотя бы думать я мог беспрепятственно:

- Что же ты за чудо такое? Ведь ты не что иное, как анти-я. Мой антипод, только не вверх ногами, а наперекор моим действиям. Вот что ты такое! Антик ты, вот ты кто!

Я усмехнулся придуманному имени:

- Уж больно оно безобидное, уменьшительно-ласкательное, словно винтик или шпунтик какой-нибудь. Убаюкивает, уменьшает мои проблемы. А как их уменьшить, если вся жизнь моя теперь обречена быть задом наперёд. А связь? Я остался без связи. А компьютер? Я остался без управления звездолётом. Этот Антик не даст мне слова сказать.

Я вздохнул и услышал рядом глубокий вздох. Моё анти-я контролировало каждый мой жест. Вставать не хотелось. Хотя бы не двигаясь я чувствовал себя хозяином своей недвижности и это было приятно.

- Ясно, что он не из плоти и крови. Всего лишь энергетический фантом. Частица, скопировавшая моё тело. А такое возможно?! - тут же усомнился я. - Если энергия - это вид материи, то мы имеем не материальное тело, а тело из антиматерии. Вдруг меня осенило:

- Этот Антик является порождением энергии. Его энергия противоположна моей энергии. Как два одинаковых полюса постоянных магнитов! Они никогда не соприкоснутся, но никогда не победят друг друга. Любое моё действие будет вызывать противодействие. Моё бездействие и мои мысли его не интересуют!

«Он к ним индифферентен» - как сказал бы в Академии Гольдус, начальник кафедры автоматики. Но что мне это даёт? Пока не знаю. Поживем - увидим. Если доживём», - невольно подумалось мне. Антик тоже пожал плечами. Его явно не тяготило наше бездействие.

О победе над ним не могло быть и речи. Какая там победа, если я не могу себе даже позволить улечься на кровати в своё удовольствие. Сколько я протяну вот так, сидя на краешке кровати? Мне надо будет учиться спать в таком положении.

Вдруг в тишине спального отсека прозвучал сигнал космической связи. Переговоры я мог вести из любого отсека, и я по привычке откликнулся:

- Борт Седьмой на связи!

Но реальность тут же напомнила о себе криком на весь отсек:

- Троб йомьдес ан изявс!

Энергия моих слов гасилась антиматерией. Голос Антика сводил на «нет» мою речь.

- Алло! Борт Седьмой! Что у вас со связью?! Что за шум? Говорит космопорт Литл! Как у вас проходит полёт? Вы в норме?

Что я мог ответить? Спыхватившись, я понял, что в моём случае лучшим ответом могло быть только молчание. И я молчал. Быть может, тогда почувствуют неладное в моём молчании, сообщат в Службу Спасения. «Но у них там своих забот хватает» - тут же усомнился я.

- Борт Седьмой! Почему молчите? Что у вас происходит? - звучало в тишине.

А у нас ничего не происходило, потому и молчание. Мне оставалось только надеяться, что неудачный сеанс связи озадачит космопорт Литла. Я встал с кровати и начал пятиться в коридор, по коридору в сторону кухни. Мне еще надо было учиться готовить пищу, стоя спиной вперёд, а пока я приспособился добывать консервы. Нашупал на полке банку, достал из-за спины. Если не то, что надо, возвращаю назад и нахожу другую. Зато, когда она оказывается в руках передо мной, я могу привычно открывать её и утолять голод. Главное, не делать шаг вперёд, иначе тут же упрёшься в невозмутимого Антика.

Хоть как-то я приспособился выживать. Но звездолёт оставался неуправляемым. Я не мог при необходимости вмешаться в режим его работы, не мог определиться с координатами полёта. Ничего я не мог. Нет, кое-что я смог. Мне удалось понять речь Антика. Это открытие почему-то меня не удивило, когда я понял, что все мои слова он произносит с точностью до «наоборот». Антик - он и есть Антик. Через неделю я чувствовал себя собакой с привязанной к хвосту консервной банкой. Каждое моё слово, каждый жест заставляли меня дёргаться. Мне казалось, что привыкнуть к этому невозможно. У меня вошло в привычку сидеть неподвижно и

замирать в забытьи. Мои попытки связаться с бортовым компьютером с помощью клавиатуры кончились провалом. Если мне удалось добраться спиной вперёд к панели управления, то набирать на клавишах команды за своей спиной, не глядя на клавиатуру, у меня не получилось. Малейшая попытка повернуться лицом к панели приводила к появлению перед носом Антика и мы, как два магнита, отталкивались друг от друга.

В спортивной борьбе моему Антику не было бы равных с такой способностью быть недостижимым, неуловимым и в то же время неуступчивым. Но боролся он только со мной. Борьбой это было для меня, а для него просто существование, вероятно, возможное для него только в моём энергетическом пространстве. Одно дело, когда паразиты живут в твоём организме. Ты можешь всю жизнь прожить с ними и не замечать их существования в тебе. Даже когда анализы покажут их присутствие, то ты скорее поверишь своим ощущениям, чем анализам и не начнёшь борьбу с паразитами. Так тебе с ними хорошо и комфортно. В моём случае паразит существовал снаружи, возле меня. Он не мешал мне жить. Он просто не давал мне никакой жизни. Никто меня не учил защите от таких паразитов. Мне оставалось только терпеть и надеяться, что я не сойду с ума.

Моё бездействие на него никак не влияло. Поначалу я надеялся, что он подпитывается моей энергией, затрачиваемой мною при движениях. Но мои наблюдения показали, что сколько бы я ни сидел, замерев в оцепенении, на его внешний вид это никак не влияло. Антик не проявлял признаков увядания красок и снижения активности. Он был свеж и полон энергии. Для чего я тогда ему нужен? - недоумевал я.

Тот период в моей памяти хранится как сплывшийся кусок, сплошное беспмятство вперемешку с редкими минутами голодного озарения организма для похода на кухню. Мутная пелена перед глазами, в руках консервная банка. Руки, ободранные в кровь об эти банки. Кружка воды и снова провал памяти. В ушах шум от брякающих под ногами пустых банок. Пол в кухне, весь коридор был завален ими. От моих шагов они разлетались в разные стороны. Я не обращал

внимания на то, что шаги Антика были беззвучны. Ни одна банка не гремела. Я не смотрел в его сторону. Не знаю. Может, он не ходил, а скользил над полом? Мне это было неинтересно. Я не мог на него смотреть. Не могу сказать, как долго длилось это беспамятство.

Однажды тишину спального отсека нарушили позывные космической связи:

- Борт Седьмой! Говорит командир патрульного корабля «Гонт»! Приём!

Я встrepенулся. Ведь прозвучал мой позывной эфире. Но напрасно они ждали. Приёма моего ответа не последовало. Мой звездолёт молчал. Разве я мог не знать, что означает в космосе встреча со звездолётом, не отвечающим на запрос встречного корабля? Это может означать всё, что угодно. Такие звездолёты не пропускают мимо. Их обследуют или берут на буксир до ближайшего космопорта. Когда-то в земных морях действовали законы судоходства. В космических океанах сохранились те же законы.

Я не мог ответить, но звук голоса заставил меня подняться. У меня уже ловко получалось ходить спиной вперёд. Антику приходилось хуже. Он постоянно натыкался на преграды, хаотично пятясь назад и выскакивал возле меня, снова начиная свое брожение.

Я добрался до Центрального Поста. Включить экран обзора можно и наощупь. Когда у меня получилось это, я развернулся сначала боком, а потом начал пятиться назад от экрана, что позволило мне наблюдать окружающее пространство. Антику оставалось только беспомощно барахтаться от меня прочь. Своими действиями я не оставлял ему ничего иного.

Рядом со звездолётом находился звёздный корабль боевого охранения галактики. Я не мог его не узнать после того, как однажды побывал на его борту для вручения экипажу награды от Бюро Межзвёздной Безопасности. «Гонт» относился к классу звёздных линкоров. На его фоне мой звездолёт крейсёрского класса выглядел букашкой с опознавательными знаками БМБ на борту. Они не могли принять мой корабль за пиратский и мне не приходилось ожидать от

них агрессивных действий в ответ на моё необъяснимое молчание. Для меня появилась надежда на спасение. Хотя я не имел ни малейшего представления о том, каким образом меня можно спасти от себя самого. Военная мощь линкора была бессильна перед Антиком. Конечно, ионный распылитель может уничтожить целую планету. Он с лёгкостью превратит в ничто и мой звездолёт, и Антика.

Я не допускал такой перспективы, чувствуя себя к тому времени единым целым с Антиком. Своим помутнённым рассудком я представлял, что Антик пустил в меня свои корни и я неразрывно связан с ним. Его гибель будет неизбежно означать мою смерть. Беспомощность вымотала мои силы хуже любых нагрузок. Отсутствие возможности действовать помutilo мой рассудок. До сих пор во всех случаях своих звёздных приключений меня спасало то, что я действовал. Действовал вопреки всему и находил выход, свято веря в лозунг астронавигаторов «безвыходных положений не бывает!». Но не в этот раз. От любых моих действий становилось только хуже. В этот раз моим спасением могло оказаться полное бездействие. Я к такому не привык. Мысли рассеялись, чувства притупились, из всех желаний осталось одно - утолить голод. Никто не мог мне подсказать, что я превращаюсь в овощ. Сознание моё прорастало Антиком, из чего мог вызреть только один плод - полное сумасшествие.

В таком состоянии я пребывал к моменту появления «Гонта». На экране обзора нетрудно было заметить, что линкор выполняет манёвр сближения с моим звездолётом, идущим с крейсерской скоростью. В другой ситуации мне ничего бы не стоило увеличить скорость и оставить линкор далеко позади. Но мой звездолёт был неуправляем. Сбросить скорость он тоже не мог, несмотря на требование патрульного корабля. А это уже повод для открытия огня за неисполнение приказа.

«Звездолёты с опознавательными знаками БМБ обычно не игнорируют команды звёздных патрулей», - эта мысль неожиданно взбодрила меня, как и звучавшие по связи слова:

- Борт Седьмой! Немедленно снизить скорость и приготовиться к досмотру! Снизить скорости!

Мне очень хотелось верить, что на линкоре не видят в моём звездолёте мишень за необъяснимое поведение в космосе. Они имеют право не разбираться, а реагировать для устранения опасности всей галактике. Это их работа.

Вдруг я отчётливо заметил, что расстояние до линкора на глазах увеличивается. Мои опасения сменил ледяной ужас от мысли «Меня отпускают?! Но почему? В нарушение всех законов и инструкций?! Я готов! Стреляйте! Я не остановился!». В отчаянии я схватился за голову и сделал шаг вперёд. Тут же мою попытку и мои мысли развеяло столкновение с преградой. Антик стоял, схватившись за голову. Я не мог ступить вперёд, чувствуя, что меня отталкивает от него назад. Невозможно было протянуть руки, схватить за горло и задушить это ненавистное препятствие. Я молчал. Сколько времени уже длилось это молчание? Как долго человек может прожить, не разговаривая? Нет, уж лучше молчать, чем разговор с Антиком. Но тут космическая связь напомнила о себе и разъяснила мою дальнейшую судьбу. Я поторопился обвинить линкор в нарушении законов безопасности:

- Борт Седьмой! Ваш дальнейший полёт невозможен за нарушение приказа. Звездолёт будет заблокирован квантогенной ловушкой! За все последствия ответственность ложится на экипаж корабля-нарушителя! Приготовьтесь к форс-торжению! Конец связи!

В тот момент мне было всё равно. Если бы я услышал, что мой звездолёт распилят пополам за неповиновение, я был бы рад ожиданию конца своего тихого безумия. К тому времени линкор исчез с экрана обзора, но я знал, что ждёт меня впереди. Знал из учебников, из лекций в курсантские годы.

Никто из знакомых астронавигаторов не попадал в квантогенную ловушку. В учебниках об этом было сказано немного. Остановить можно любой звездолёт. Но это опасно и для его систем, и для здоровья экипажа. Если звездолёт шёл в рабочем режиме, то после воздействия силового поля выходит из строя электроника корабля, некоторые типы тяговых двигателей приходят в негодность и не подлежат ремонту, то же самое с бортовыми компьютерами - послед-

ствия самые разные - от ремонта до полной замены. Экипаж подвергается опасности не только здоровьем, но и состоянием психики. Имели место необратимые изменения сознания. В практике освоения космоса ловушки применяли всего несколько раз. Знал о ловушках я немного, но достаточно, чтобы принять меры и попытаться уберечься.

Я пятился задом в спальный отсек, как будто это было самое безопасное место. А что я мог ещё сделать?! Антик мелькал перед глазами, то пятился от меня, то появлялся перед носом, снова удаляясь. Я не мог пристегнуться в кресле. Не мог спрятаться под кроватью. Не мог залезть в анабиозную камеру. Я мог только присесть на краешке кровати одновременно с Антиком. Я даже не успею узнать, кто об кого расплывётся в момент удара - он об меня или же меня размажет по его непроницаемому пузырю. В любом случае получится двойная котлета, где будет, наконец, одно целое. Когда присаживался на край кровати, я знал, что меня ждёт. Конец кошмара.

Я не мог знать, что впереди по курсу движение для меня было уже перекрыто. Четыре звездолёта класса «Квант», каждый из которых могут обеспечить энергией целую планету, ждали меня. Им нужно было время для развёртывания лучей в квадрат силового поля. Я не знал, что в этом поле искривляется пространство, а звездолёты напоминают муху, попавшую в паутину. И хорошо, что я этого не знал. В те часы меня занимала другая мысль в тиши спального отсека. Я не отдавал себе отчёта в том, что смотрю на Антика. Я не мог представить другую жизнь, где его не будет. Точно помню, что не испытывал к нему ни ненависти, ни злобы в те последние единицы времени. Не знаю, что это было - часы или минуты. Но после был удар и темнота.

После темноты был белый цвет. Не свет, а цвет. Всё вокруг было белым. Мне никто не говорил какого цвета рай. Наверное, он белый. Так мне было хорошо. Я даже не понимал в первый момент - стою я или лежу. Вдруг я увидел перед собой лицо и невольно вздрогнул. Оно было в белой полумаске, но это было не моё лицо. Я сразу понял, что это не Антик.

- Где он? - испуганно спросил я. Не знаю, чего я боялся - того, что не вижу его или того, что снова увижу.

- Успокойтесь, - тихо произнес человек в полумаске. - Всё хорошо. Ваш звездолёт на базе. Им занимаются

Меня передёрнуло от недовольства, что меня не понимают:

- Где он?! - попытался закричать я.

Но на мое лицо легла маска, и снова темнота. Новое пробуждение было более красочным и длительным. Я лежал в одноместной палате. Любой может отличить больничную палату от спального отсека звездолёта, я думаю. Всё вокруг подчинялось одной задаче - радовать глаз. Оконное стекло было залеплено цветными витражами, и они переливались в лучах солнца, разбрасывая солнечных зайчиков по стенам. Солнечные блики улыбками расплывались по стенам и притягивали глаз, заставляя забывать о причинах своего пребывания в этих стенах и о вопросах, связанных с этим. Я просто лежал и любовался, чувствуя покой в душе и расслабленность в теле. Не было ни волнений, ни боли. Видимо, надо мной хорошо поработали.

Не успел я нарадоваться пробуждению, как стена открылась и у кровати появилась фигура в синем халате:

- С прибытием на Церум! - услышал я. - Мы рады, что для Вас всё так удачно закончилось. Нам ещё предстоит разобраться в причинах, заставивших нашу Службу Безопасности применить к вашему звездолёту столь исключительные меры. Мы вынуждены были это сделать, - добавил он.

- О чём Вы? - не понял я его длинной речи.

- Я имею ввиду применение квантогенной ловушки для Вашего задержания после неподчинения приказу патрульного корабля. Вели Вы себя неадекватно, я это заявляю, как начальник Службы по космическим контактам. Моё имя ФХРТ, - гордо произнёс он.

Если понимать их речь без гласных мне позволял нейропереводчик, то имена их были непереводаемы и неповторимы. Я кивнул в ответ и представился.

- Мы уже знаем, кто Вы. Ваш резидент БМБ информирован о вашем прибытии и скоро будет. Ваш визит на планету име-

ет официальный характер, но после его завершения Вам предстоит принять участие в работе комиссии по разбору инцидента. Межгалактическая Служба безопасности полётов требует расследования, выявления виновных лиц и наказания. Ваше руководство тоже заинтересовано в выводах комиссии. Ремонт звездолёта обходится вашему Бюро в большую сумму. От Вас ждут объяснения причин случившегося. А пока набирайтесь сил. Они Вам понадобятся, - добавил он, вставая.

- Подождите, - начал я было. - А что случилось с ним, с Антиком?

Но фигура в халате странно на меня посмотрела и скрылась. Стена замкнулась за ней. Пока мне был ясен только тот факт, что я снова в одном лице вернулся к нормальной жизни. Мои размышления в одиночестве длились недолго. Стена снова распахнулась и впустила знакомую мне личность. Резидент R-Церум спешил меня приветствовать, как старого знакомого. От его доброжелательной энергичности краски палаты засверкали ещё ярче.

- Как же так, дружище?! - шумно сокрушался он. - Никак не ожидал увидеть тебя на больничной койке, да ещё в качестве обвиняемого, - покачал он головой.

- В чём меня обвиняют, и кто? - Я приподнялся на подушке.

- Ну-ну, дружище, лежи, - похлопал он меня по плечу. - Твой нынешний визит наделал много шума в галактике. Четыре планеты остались на несколько дней без энергии, в крошечной тьме, пока тебя ловили. Сам понимаешь, такое не может остаться без последствий. Все ждут расследования. Я тут встречался с официальными лицами и мне поведали неофициальные подробности твоего задержания. Должен сказать тебе, что от этих подробностей становится жутко. Всё говорит о том, что патрульная служба приняла верное решение, остановив твой корабль посреди галактики. Ты был невменяем и представлял собой окровавленный кусок мяса, который случайно нашли в багажном отсеке.

- Этого не может быть! - Я сел на кровати. - Я всё помню до наступления тьмы. Я находился в спальном отсеке. Мы находились. Я и Антик.

- Я говорю то, что слышал. Тебя вытащили из багажного отсека, окровавленного. В переборке с соседним спальным отсеком была пробита огромная дыра, но спальный отсек был пуст. Там никого не было. Так рассказывали, - горячо уверял резидент. - Звездолёт в ужасном состоянии. Снаружи пострадал меньше, чем внутри. Все его системы восстанавливают. В обратный путь тебе не скоро, - он подмигнул мне. - Рингосепты нынче матёрые! Вволю поохотимся! - он хлопнул меня по плечу, но я был далёк от желания разделить его чувства.

- Я там был не один, - начал я. - Там был Антик, причина всех моих бед. Только его существованием я могу доказать свою невиновность. Как может быть виновен заложник в том, что его взяли в заложники?! Я был заложником на собственном корабле! Заложником своего антидвойника! Я называл его Антиком! Что с ним стало? Он был моим продолжением, одним целым со мной и в то же время против меня, против всех моих действий! Где он?!

Мой голос перешёл в крик, от которого резидент растерянно вскочил. В палату вбежали двое, и маска на лицо успокоила меня.

Очнулся я в одиночестве и пожалел о случившемся. Кто мне поверит? После ловушки на меня и так смотрят с сомнением в умственных способностях, а тут ещё я про Антика рассказываю. Бред какой-то. Я сам верю во всё это?

Вдруг я отчётливо понял, что дела мои плохи. Что я скажу комиссии? Мои слова могут подтвердить литленцы с космопорта. От них впервые я услышал о мифических двойниках. Это шанс для меня. Крохотный, но шанс. Службе мониторинга галактики надо сделать запрос. Она знает всю обстановку в зоне антикометы. Может, всплывут другие подобные нелепости. Больше мне надеяться не на что. Всю ночь я провёл, не сомкнув глаз. Теперь Антик, уже своим отсутствием, вредил мне ещё больше.

А утром я приятно удивился, что иногда размышления приводят к неожиданным результатам. Не только палата, но и мои мысли были под контролем. Сразу после завтрака в палате появился субъект, совсем не походивший на врача.

Никакой халат не скрыл бы его военной выправки и решительных манер. Он не представился, а сразу начал:

- Нейон Ти, мы знаем Вас по многолетней работе в БМБ и по вашей репутации астронавигатора, не признающего безвыходных положений. Мы не можем не прислушиваться к вашим словам, как бы нелепо они ни звучали. Работа комиссии по расследованию инцидента под названием «Ловушка» уже началась. Мы сделали запрос в Службу мониторинга галактики. Ведётся тщательный опрос свидетелей с космопорта планеты Литл. Должен сказать, что антикомета прошла ещё через две галактики и бесследно растворилась. Её траектория отслежена. Отправлены экспедиции на трёх звездолётах для сбора информации. Случай с Вами из ряда вон выходящий. Ему не может быть простого объяснения. Так я думаю. И никто не ждёт от Вас простого объяснения. Все простые объяснения превратят Вас в виновника инцидента. Будем разбираться, - закончил он, вставая. - Надеюсь, Вы нам в этом поможете.

Я лежал в тишине, и мне казалось, что случилось невозможное. Я могу предьявить своего Антика без опасений выводов насчёт моей адекватности, повреждённой силовым полем ловушки. У меня появился шанс.

Этот шанс обошёлся мне очень дорогой ценой в виде часов, дней, месяцев жизни, затраченных в разговорах, опросах и допросах учёными. Не сосчитать заседаний, собраний и бесед по поводу моих утверждений о пребывании в заложниках у моего анти-я. Даже военные было заинтересовались такой идеей анти-воина. А что? Было бы неплохо забросить во вражескую казарму таких античастиц, чтобы к утру у каждой кровати стоял анти-солдат и не давал своему двойнику хвататься за оружие. Какая тут может быть война, когда им из казармы даже не выбраться. Уж они бы меня тогда поняли, эти солдаты. Но всё это были теории и предположения, прожекты. Для превращения в проекты им не хватало знаний.

Время шло, никто не собирался отпускать меня обратно на Землю. Вернулись три звездолёта из экспедиции по следам антикометы. Их данные немного подогрели интерес учё-

ных к моему случаю, и они с новой силой возобновили попытки извлечения зерна знаний из моей информации. Но для знаний нужна научная теория, а не информация. Чем я мог им помочь? Одна из экспедиций сообщала интересный факт.

В галактике ST-9/2 имел место странный случай с меликантой. Как я потом понял, это подобие земной коровы, только у меликанты два вымени. Одно снизу, а другое сверху, на спине.

Хозяев упоминаемой меликанты два дня разыскивали по лесам после того, как они выскочили из разрушенного антикометой местного коровника. С их слов было записано что, когда буря утихла, они зашли в сарай. Меликанта стояла целёхонькой среди разрушений. Рядом находилась ёмкость с кайлом, как называют они молоко. Из этой ёмкости наружу, как мыльный пузырь, выдувалась наверх меликанта, ни дать ни взять, копия ихней красавицы. После этого они не помнили, как и где оказались. Вернувшись домой, хозяева не обнаружили ни своей кормилицы, ни ёмкости с кайлом, ни новой телеги.

Не знаю, что общего в этом нашли учёные с моим случаем. Я всего лишь астронавигатор и привык иметь дело с конкретными фактами, а не с догадками. Хотите - верьте. Хотите - нет. Учёным очень хотелось поверить. Они бы и рады, но как всё объяснить? Уже не припомню, как возникла эта версия насчёт укола в спину. Несколько месяцев понадобилось, чтобы прийти к такому выводу.

Я был поражён частицей антикометы и явился прародителем своего анти-я. Учёные так и называли его, Анतिकом. Были предложения поместить меня в камеру и подвергнуть обстрелу частицами, но я их вовремя отговорил от этой затеи, напомнив, что у меня нет времени ждать возникновения новой антикометы, а на обстрел меня другими частицами я наотрез отказался.

Я облегчённо вздохнул после оглашения такого вывода, признававшего факт существования Антика, а значит, и правдивость слов о моём положении заложника, снимавшем с меня все возможные обвинения. Фактически, меня признавали невиновным.

Дальше начались дебаты по поводу исчезновения Антика. Но дальнейшее меня уже не интересовало. Оправдательный вердикт комиссии давал мне право покинуть планету. БМБ также ожидало моего возвращения. Новые агенты давно приступили к своей работе по присланным мной документам. Задание успешно выполнено. Ничего нового я не мог сообщить учёным об исчезновении частицы, поразившей меня. Меня самого после работы ловушки собирали по частицам.

Звездолёт мой давно стоял на стартовой площадке. Я нанёс прощальный визит к резиденту и отбыл в обратный путь. Проблем с этим не оказалось. Учёные обещали прислать отчёт с версией о причине исчезновения Антика, но мне кажется, что я и сам догадываюсь.

07. 2021

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС (рассказ)

Из звёздных мемуаров Нейона Ти, астронавигатора.

Мои мемуары - это не плод творчества писателя, а попытка астронавигатора рассказать о своих былых приключениях. Наверное, поэтому многие из них не похожи на настоящие мемуары. Прежде всего это относится к тем рассказам, где речь идёт не от моего имени, а от третьего лица, рассказывающего историю про меня, Нейона Ти. То же самое произойдёт и на этот раз. Мне кажется, что в таком виде всё нижеизложенное покажется более правдоподобным. Каждый раз я на это надеюсь. Опять же, когда автор ведёт повествование от своего имени, он расслабляет читателя и убивает интригу, поскольку читатель заранее спокоен за главного героя, выбравшегося из всех космических передряг целым и невредимым настолько, что может рассказать о них. Благополучный финал известен изначально. Этот факт сводит на «нет» эмоциональную окраску смертельных опасностей и ситуаций, в которые попадает главный герой. По этим причинам я буду рассказывать не от себя, а про Нейона Ти.

Очередное задание БМБ не могло не вызвать у Нейона Ти положительные эмоции. Он уже седьмой месяц был в полёте, но продолжал радоваться непривычным условиям комфорта и удобной обстановке своего нового космического корабля. Он совершал на нём всего второй рейс. Ему казалось, что отсеки корабля до сих пор пахнут краской, как новый лимузин из салона автокаров. На смену космическим аппаратам крейсерского класса пришли звёздные фрегаты. В его курсантские годы лишь мельком рассказывали о них, как о фантастической перспективе.

Нейона Ти особенно порадовала в первом полёте работа гравитатора, который в отличие от гравитрона обеспечивал на борту постоянный уровень гравитации независимо от режима работы двигателей. Поначалу было непривычно

отсутствие перегрузок при старте, на форсаже или в переходных режимах. Но к хорошему быстро привыкаешь. Что и говорить, теперь в космос могли летать любые научные сотрудники, для которых Вселенная была недостижима по причине их неспособности переносить перегрузки.

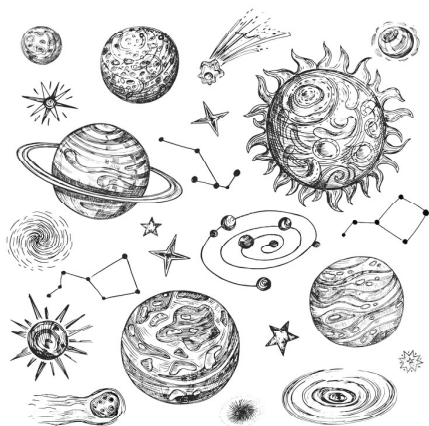
У Нейона Ти перед вторым полётом были все основания для радости от мысли о работе на новой космической технике. Неизменными оставались только опознавательные знаки БМБ на борту и его позывной в эфире, который он считал своим счастливым талисманом.

Его звёздный фрегат класса «Флиппер» вышел за пределы родной галактики и следовал по заданному курсу в галактику 6R-8. Это была одна из десяти галактик, входивших в Пояс Сантурии. Он длительное время доставлял много хлопот Бюро Межзвёздной Безопасности своими постоянными призывами о помощи то с одной, то с другой галактики. Обитатели тех галактик постоянно жаловались друг на друга, просили разобраться и обвиняли своих соседей в посягательствах на их вселенскую неприкосновенность. Факты, приводимые в жалобах, вызывали тревогу в Межзвёздной Лиге Цивилизаций, которая в связи с этим выдавала БМБ всё новые и новые задания. Каких только жалоб не поступало! Нейон Ти не мог знать обо всём перечне, но ему с лихвой хватало известной информации, чтобы относиться к этому сектору Вселенной, как к коммунальной квартире с враждующими соседями.

Он знал, что когда-то 6R-3 жаловалась на обитателей галактики 6R-4 за то, что те собирали свою звёздную пыль, очищая пространство, и тайком выбрасывали эту пыль в межзвёздное пространство соседей. От этого страдал космический транспорт и экология планет. Требовали немедленно разобраться.

В ответ на эту жалобу галактика 6R-4 присылала свою жалобу на галактику 6R-3 о том, что соседи сваливают к ним в межпланетное пространство всевозможный космический мусор, причиняющий вред звездолётам и спутникам связи.

6R-1 жаловалась на галактику 6R-5 за воровство у них солнечной энергии, что приводило к пагубным последствиям для

всего живого на планетах, к ухудшению фотосинтеза, к снижению урожайности и рождаемости. Это был самый настоящий крик о помощи.

В ответ 6R-5 обвиняла соседей в том, что они сами виноваты в своих проблемах, а потеря солнечной энергии у них связана с секретными разработками нового оружия, на которые

и уходит вся энергия.

И тут же следовала жалоба на галактику 6R-6 за то, что они увеличили таможенный налог на границе и получают незаконные прибыли со своих соседей.

6R-10 жаловалась на соседей из галактики 6R-9 за то, что они не штопают у себя чёрные дырки, а перебрасывают за границу своего пространства, и те начинают вести себя неадекватно, причиняя беспокойство и внося сумятицу в размеренную жизнь обитателей галактики.

Это был тоже крик о помощи. На все эти сигналы требовалось реагировать.

Первое время звездолёты БМБ немедленно отправлялись на задание по команде встревоженной Лиги Цивилизаций. Однако отчёты агентов БМБ поставили всё на свои места, и отношение к сигналам о помощи с Пояса Сантурии изменилось. Нет, им не отказывали в помощи. Агенты БМБ по месту прибытия устанавливали контакты с официальными лицами. В дальнейшем помощь оказывалась в виде консультаций БМБ с этими лицами по урегулированию очередного скандала между соседями. Бесконечные полёты агентов наконец прекратились в отличие от новых конфликтов.

Нейон Ти был удивлён, что его опять отправляют в этот скандальный сектор Вселенной. После ознакомления с инструк-

циями на смену первоначальному удивлению пришло удивление неожиданным фактам. Оказалось, что на этот раз ситуация была несколько иная. Как ему объяснили на инструктаже, поначалу Межзвёздная Лига Цивилизаций сдержанно реагировала на последние жалобы из Пояса Сантурии. Но вскоре Служба Анализа Информации обратила внимание на особенность поступавших сигналов, и отношение к ним резко изменилось.

В этот раз галактики Пояса не жаловались друг на друга. Все они поочерёдно жаловались на одну беду и не могли найти виновных в этой беде, прекрасно зная о наличии подобной проблемы у своих соседей по космосу. Не было взаимных обвинений, и это само по себе выглядело неожиданно и непривычно.

Анализ информации мало что объяснял. Из хронологии событий, по поступавшим сигналам, трудно было что-то установить. Первая жалоба пришла из галактики 6R-2. Потом поступил сигнал от 6R-7, с другого района Пояса. После этого с интервалом примерно в месяц хаотично посыпались жалобы от 6R-4, 6R-9, 6R-1. Почти одновременно пришли сообщения от 6R-5 и 6R-8.

Глядя на карту Пояса Сантурии с датами поступивших сигналов о помощи, у Нейона Ти возникло ощущение, что кто-то невидимый произвольно тыкал пальцем в карту прежде, чем выбрать район для своих враждебных действий. Иначе нельзя было назвать те явления, о которых шла речь в жалобах. Все галактики жаловались на странные случаи исчезновения планет в своих межзвёздных пространствах.

При всей взаимной подозрительности и недоверии друг к другу соседи-галактики не предъявляли взаимных претензий, резонно полагая, что невозможно красть планеты у соседей, оставаясь незамеченным. Необъяснимое всегда пугает. Над пострадавшими галактиками нависла угроза паники. Лига Цивилизаций немедленно отреагировала. В этом необходимо было разобраться. Поэтому звездолёт Нейона Ти держал курс туда, откуда поступил последний сигнал о пропаже планеты.

Сообщения приходили такие невразумительные, что не-

возможно было делать какие-нибудь предположения. Нейон Ти не являлся планетологом и не имел познаний в области формирования и исчезновения планет. Тем не менее выбор пал на него. Руководство БМБ полагалось на его опыт, а не на знания, набор которых редко выручает при отсутствии опыта.

Напрасными оказались его попытки за время полёта изучить научные труды по планетоведению и астрогеологии. Чем больше он читал, тем сильнее росла в нём уверенность, что он не там ищет и добросовестно тратит время впустую. Все ответы надо было искать там, куда он летел. Тем более, что за время полёта пришли тревожные вести с галактик 6R-3 и 6R-10. Сообщения были тревожнее всех предыдущих и говорили об исчезновении сразу нескольких планет. Несмотря на новую информацию, планы Нейона Ти оставались прежними. Его курс лежал в галактику 6R-8.

Если условия полёта не могли не радовать Нейона Ти, то обстоятельства, связанные с неожиданной командировкой, вызвали чувства совсем иного рода. Да и как иначе могло быть, если предполётный инструктаж оказался простой формальностью, за которой руководство БМБ спешило скрыть свою растерянность от неспособности чётко сформулировать для агента условия выполнения задания. Сказывалось отсутствие конкретной информации, и Нейон Ти чувствовал это. Инструктаж не мог оказать ему помощь в предстоящем полёте.

С заданием на командировку оказалось ещё хуже.

Согласно Уставу БМБ задание на командировку агенту вручалось после инструктажа. Это был массивный пакет, опечатанный пятью старинными, остывшими печатями. Вскрывался пакет только после старта, на борту звездолёта. Каждый раз Нейон Ти испытывал приятное волнение. Волнение не от мысли о содержании пакета, а от того, что взламывал эти хрустящие печати. Они крошились на мелкие кусочки и рассыпались по столу, как крошки шоколада когда-то в детстве.

Устав БМБ требовал выполнения задания по каждому его пункту. Ещё строже наказывался выход за рамки задания. Об этом надо было помнить при составлении отчёта, кото-

рый сдавался агентом в Бюро вместе с заданием. На этот раз впервые не было никакого пакета. На словах огласили приказ:

- достичь галактики 6R-8;
- совершить посадку на альфа-планету галактики;
- вступить в контакт с источником информации об исчезновении планеты или планет.

Дальше действовать по обстоятельствам.

Если бы его ещё похлопали по плечу при этом, то он мог бы подумать, что его отправляют на прогулку, а не на задание. Но хлопнуть по плечу никто не собирался. От него ждали результата.

Но какого!? Ему не ставили задачу предотвратить исчезновение планет и наказать виновных. Его задачей было подтвердить или опровергнуть поступившую информацию, к которой относились весьма скептически после многолетнего опыта работы со скандальными галактиками. Это он понял в отличие от всего остального, выглядевшего для него большим вопросом.

Например, ни слова не было сказано о том, что ему делать, если он ничего не узнает на альфа-планете? Искать ответы на вопрос среди планет этой галактики или последовать в соседние? Отсутствие официального задания развязывало ему руки и предоставляло полную свободу действий по обстановке.

Если звездолёт за время полёта приближал Нейона Ти к Поясу Сантурии, то сам Нейон Ти ни на один шаг не приблизился к возможной разгадке исчезновения планет в своих попытках найти эту разгадку в научных трудах. Оставшееся время полёта он решил посвятить изучению жизни в галактике 6R-8. Это была его работа - устанавливать контакты с иными цивилизациями. Предстоящий контакт его не смущал. Он имел представление в общих чертах о цивилизациях десяти галактик Пояса Сантурии, хотя ему не приходилось заниматься решением спорных вопросов между соседями. Он знал, что все неурядицы между галактиками никогда не перерастали в вооружённые конфликты и всегда разрешались мирным путём.

Нейону Ти было известно, что галактики мало чем отличаются друг от друга. Обитатели земноидного типа легко шли на контакт с землянами и проявляли дружелюбие, готовность к общению. Видимо, эта схожесть галактик между собой и была причиной постоянных неурядиц. Соседи одинаково реагировали на любую ситуацию и быстро превращали её в спорную.

Но не это сейчас интересовало Нейона Ти. Он включил компьютер и набрал вопрос: «Пояс Сантурии. Галактика 6R-8. Альфа-планета?». Ему нужна была хоть какая-то информация перед предстоящим контактом. Он её получил. Она оказалась гораздо обширней, чем его конкретный вопрос. Там было описание характеристик галактики, куда входили данные о количестве планет, звёзд, астероидов, их размеры и спектрограммы. Бесконечный поток информации.

Нейон Ти нетерпеливо прогонял по экрану длинные перечни с названиями планет, пока не нашёл то, что ему было нужно прежде всего:

«Галактика 6R-8 является одной из десяти галактик Пояса Сантурии, занимающего пространство Вселенной в периферийной области звёздного скопления Понтиак. Альфа-планетой галактики является Делькор. Планета класса W, шестой величины по справочнику Гофмана. У планеты три спутника, одно красное солнце и одно искусственное. Имеет водную поверхность с тремя материками. Космопорты для приёма звездолётов смонтированы на искусственных площадках северного и южного полюса. Население планеты обитает на материках, в плавучих городах и в подводных анклавах. Цивилизация среднего уровня с экономикой денежного обращения. Численность населения...».

Нейон Ти выключил компьютер. Он теперь знал конечную цель маршрута, её координаты высвечивались на экране Навигатора. Всё остальное будет после посадки, а пока Автопилот принял команду от Бортового Компьютера. Звездолёт Нейона Ти с этого момента направлялся не просто в галактику 6R-8, а на её альфа-планету Делькор. Там знали о его предстоящем визите. Нейон Ти ещё не выходил на связь со Службой Навигации галактики и понятия не имел о том,

какой из двух космопортов будет его принимать. Он знал, что ему ещё предстояло пересечь галактику 6R-6. Разве мог он знать, что никогда не достигнет своей цели?

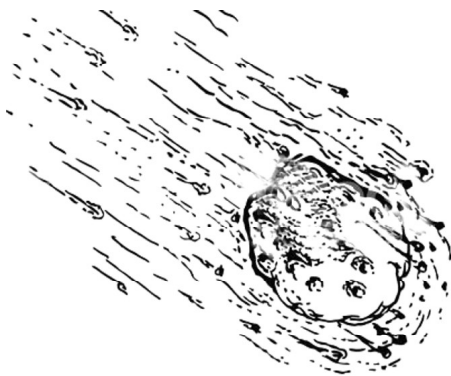
Это случилось, когда звездолёт проходил галактику 6R-6. Нейон Ти успел вступить в контакт со Службой Навигации галактики и получил от неё «добро» на полёт и пожелание успеха его миссии. Там тоже знали о цели визита звездолёта БМБ с позывным «Седьмой». Ему оставалось пятьдесят шесть суток полёта до выхода в сектор связи галактики 6R-8. Достаточно время для изучения конкретной информации по местной цивилизации для установления с ней рабочих контактов. Но всё пошло не по плану.

Однажды, в ночное время по бортовому расписанию, тишину и сон Нейона Ти нарушил пронзительный вой аварийного сигнала, слышимый во всех отсеках. Скрыться от него на борту было невозможно. Это был крик звездолёта о помощи, предусмотренный на тот редчайший случай, когда искусственный разум звездолёта был не в силах исправить ситуацию, предотвратить опасность. Такой сигнал далеко не каждый астронавигатор мог услышать за всю свою полётную практику.

Пронзительный вой сбросил Нейона Ти с кровати. В пижаме, полусонный, наткнувшись на углы и переборки, он бросился в штурманский отсек на Пост Управления. Оказавшись в кресле, он первым делом отключил сигнал, невыносимый для всего организма. В тишине можно было перевести дух и оглядеться.

Этим сигналом помощи просил автопилот. Звездолёт был ему неподвластен в своём неудержимом полёте. Нейон Ти немедленно перешёл на ручное управление, не сводя глаз с экрана штурманского обзора. От увиденной картины им овладело одно желание - вскочить, забиться под кресло, броситься прочь, в спасательную капсулу, вырваться наружу, куда угодно, лишь бы не видеть надвигавшейся на звездолёт громадины.

Там, впереди по курсу, приближалась серая глыба. Она увеличивалась на глазах и уже невозможно было разглядеть истинной протяжённости этой сигарообразной формы.

Внешний вид её был обезображен выпуклостями, буграми, впадинами и неровностями со всех сторон, подобно астероидам в любой галактике. Серая глыба никак не могла напоминать космический объект, которого когда-либо касалась рука цивилизации.

Нейон Ти взял себя в руки, но звездолёт не реагировал на его команды. Все попытки с пульта управления оказались напрасны. Звездолёт мчался прямо, не способный ни на какие манёвры.

Пульт ручного управления был исправен. Диагностика упорно молчала, подтверждая исправность всех систем. Но звездолёт оставался неуправляемым. Объяснить такое Нейон Ти не мог. Главный компьютер тоже молчал, словно самоустранился от ситуации и не реагировал на вопросы Нейона Ти. Но это оказалось ещё не полной чашей ужаса, в которой тонуло его сознание. Последней каплей для этого оказался взгляд на экран астросканера. Экран был чист и не показывал никаких помех по курсу! Это походило на кошмарный сон.

Никогда Нейон Ти не чувствовал себя жертвой предательства так, как сейчас, в эту минуту. Возникло ощущение, что он брошен на произвол судьбы, предан умной и надёжной техникой, созданной разумом человека для того, чтобы она служила человеку. Теперь он оказался один в звездолёте, с которым за годы полётов привык чувствовать себя единым целым. Один на один с надвигающейся серой громадиной. Спасения от неё не было. Новейший «Флиппер» превратился для него в железный гроб, а могилой станет вся Вселенная, по просторам которой будут скитаться лишь обломки звездолёта вперемешку с его останками.

Глыба стремительно приближалась, увеличиваясь в раз-

мерах. Нейон Ти убрал руки с пульта на подлокотники кресла, откинулся на спинку и закрыл глаза. Никуда он не побежит. Ему казалось, что он закрыл глаза.

Но вдруг он увидел невероятное, в тот момент, когда глыба заполнила собой весь экран, от края до края, чтобы завершить всё одним страшным ударом. Вместо удара серая бугристая поверхность глыбы мгновенно почернела. Чернота стала разбегаться во все стороны так, словно впереди открылась огромная пасть, перед которой его звездолёт был рыбёшкой на фоне древнего земного кита.

Вместо удара экран поглотила чёрная, непроглядная мгла. Нейон Ти не владел ситуацией, он стал её жертвой так же, как до этого стал жертвой предательства своей техники.

Нейон Ти отказывался что-либо понимать. Даже гравитатор, работе которого он так радовался, теперь не служил ему. По неизменной гравитации на борту Нейон Ти не мог чувствовать режим тяги, как он привык раньше за долгие годы полётов. Что происходило?! Полёт? Или уже бесконечность и безвремяе? Нейон Ти помнил, что режим полёта он не менял, чтобы сбросить скорость или перейти на реверс, ведь звездолёт был неуправляем.

Наконец он пришёл в себя настолько, что бросил взгляд на приборы. Нейон Ти не мог верить своим ощущениям, а показаниям приборов верить не хотелось. Они показывали нулевую тягу, словно звездолёт находился на стартовой площадке.

Нейон Ти потёр виски. В голове шумело. На этот раз не от перегрузок. От вопросов. Казалось, что они разорвут его мозг и разнесут голову, неспособную воспринимать происходящее. А вокруг была тишина, словно ничего и не происходило. Нейон Ти вспомнил, что сидит в пижаме и тут же почувствовал её, прилипшую к телу, покрытому холодным потом. Он встал и прошёл в душевую, где скинул мокрую одежду и долго приходил в себя под тёплым душем, приводя мысли в порядок:

- Что произошло? Пока ничего страшного. Всё непонятно. Но не страшно. Предстоит найти объяснение всему этому. Только и всего!

Тёплые потоки воды смывали с него недавнее смятение, наполняя вместе с теплом спокойствием и уверенностью. Из душа он вышел сухим и голодным. Плотный завтрак вернул ему желание действовать.

В штурманском отсеке ничего не изменилось. Экран мерцал чернотой. Силовая установка была погашена и ему оставалось верить, что его звездолёт прекратил полёт и находится в состоянии покоя. Помощи ждать не приходилось. Все системы связи молчали. Компьютер молчал. Штурманские приборы не давали никаких координат звездолёта. Нейон Ти хорошо знал из своего опыта, что в таких случаях бездействие подобно гибели. Он отправился в шлюзовую камеру. Делом нескольких минут было надеть скафандр, защёлкнуть шлем, включить регенерацию. Настроен Нейон Ти был решительно. Все его сомнения окончательно развеялись, когда входной люк по его команде послушно стронулся с места и открыл выход наружу. Во время полёта это было бы невозможно.

Нейон Ти выглянул из люка, не решаясь покидать звездолёт. Он и не смог бы этого сделать по причине крошечной темноты вокруг, которая сбивала его с толку отсутствием привычной картины Вселенной с её хаотичными гирляндами звёздных скоплений. Ему пришлось вернуться за фонарём, скорей машинально, чем в надежде на то, что это прольёт свет на его ситуацию. Мощный луч фонаря ушёл во мрак, но не растворился в его бесконечности, а наткнулся на преграду ярким пятном. Нейон Ти подрегулировал фонарь, пятно выросло в размерах и удалось разглядеть сплошное переплетение многочисленных то ли труб, то ли кабелей, среди которых выделялись толстые гофрированные рукава. Все они были разных диаметров и тянулись, плотно уложенные в обе стороны от светлого пятна, теряясь из виду в темноте. В узких промежутках между ними проглядывала серая поверхность.

Нейон Ти провёл фонарём вверх и в противоположную сторону. Там было та же самая картина. Оказалось, что стены с обеих сторон смыкались высоко вверху, образуя свод и создавая ощущение пещерного пространства. Мес-

тами луч выхватывал из темноты ящики или коробки на стенах, видимо, соединители или муфты.

От неловкого движения фонарь выпал из рук и полетел вниз, где раздался громкий стук и луч фонаря замер в одном направлении. Нейон Ти не мог не обрадоваться своему неожиданному открытию. В полётах он часто работал в открытом космосе, устраняя неполадки снаружи и знал, что такое терять инструменты при этом. Они никогда не падали вниз, а висели рядом, привязанные к поясу. На смену радости пришло удивление. Вокруг не было невесомости?! Вместо ответов он получал новые вопросы.

Нейон Ти взял другой фонарь, сбросил вниз аварийный трап и спустился вниз. Невесомости не было. Он твёрдо стоял на ногах, а звук шагов создавал гулкое эхо, затихающее в темноте. Подняв упавший фонарь, он двумя фонарями попытался осмотреть окружающее пространство вверху. Верхний свод находился очень высоко. Дальномер на руке показал расстояние в сто метров. Трубы, кабели, шланги, рукава тянулись по обеим стенам и уходили в темноту. Расстояние между стенами было почти шестьдесят метров. Всё говорило о том, что его звездолёт оказался в пещере, где видны следы технического вмешательства. Напрасно он пытался светить вперёд. Лучи растворялись в темноте, словно впереди была пустота. Он понимал уже, что это была пустота не Вселенной, а пустота пещеры, которая отделяла его от Вселенной. О таком ему не приходилось слышать.

Нейон Ти логично рассудил, что если хочет во всём разобраться, то ему надо идти вперёд, до конца, каким бы ни был этот конец. На всякий случай он вернулся в шлюзовую камеру, чтобы взять с собой запас воды. Перед выходом наружу он снова был неожиданно обрадован. Датчик забортного анализа атмосферы показывал состав воздуха, пригодный для дыхания. Вокруг оказалась не просто пещера, а пространство с комфортными условиями. Он быстро снял шлем и освободился от громоздкого скафандра. Спустившись вниз, Нейон Ти обнаружил, что уровень гравитации был слабее, чем на борту. Он ощущал приятную лёгкость во всём теле и бодро шагал вперёд.

Картина по бокам не менялась. Все эти трубы, шланги, кабели тянулись бесконечно. Шагомер показал триста метров, когда перед ним выросла серая шероховатая стена. Такой финиш не отвечал ни на один вопрос. Нейон Ти в нерешительности приблизился к стене и прикоснулся к ней, чтобы убедиться в её реальности и своей беспомощности. Стена словно ожидала этого прикосновения. В ней открылся проём. Нейону Ти ничего не оставалось, как пройти за стену, в такую же крошечную тьму. Стена сомкнулась за спиной.

Обстановка уже не напоминала дикую пещеру. Это было пространство, которое контролировалось техникой и само по себе напоминало техническое устройство неизвестной цивилизации.

Если есть техника, значит, есть те, кто ею управляет?!

Эта мысль подбодрила Нейона Ти, он пошагал дальше во мрак. Вскоре по бокам кроме труб потянулись стеллажи, верхние полки которых виднелись вверху, под сводом пещеры. В лучах фонарей было видно, что полки завалены всяким хламом, за который невозможно было не принять беспорядочные кучи всевозможных, самых неожиданных предметов, попадавших на глаза. Валялись различные ящики, пульты, коробки, куски труб, матовые шары разных размеров, широкие колёса со спицами, стеклянные колбы, рулоны какого-то материала. Он наткнулся на массивную тумбу, похожую на древний домкрат. Под стеллажами в одном месте валялось кресло с оторванными от пола креплениями. Его штурманское кресло было менее шикарным.

Чем дальше он шёл, тем больше чувствовал себя посетителем музея с экспонатами незнакомой жизни. Внезапно он остановился, и луч фонаря замер в одной точке. Фонарь осветил справа, на нижней полке, диковинные рыцарские доспехи. Так ему показалось. Он подошёл поближе. Нет, это больше напоминало обломки робота примитивной конструкции. Металл корпуса поблескивал в свете фонаря. Корпус был помят, одна нога сломана, свисает вниз, другой совсем нет. Руки, верхние конечности, торчат не сверху, с уровня плеч, а по бокам из средней части, сразу над ногами. Вме-

сто головы изнутри выходит пучок проводов с разъёмами. Не было сомнений, что перед ним обломки робота, внешний вид которого очень далёк от андроида. Как оказалось, это был не единственный экземпляр, только там, на следующих полках, ему попадались на глаза самые неожиданные фрагменты. Он видел оторванные ноги, руки, искорёженные корпуса с рваными ранами, обугленные, оплавившиеся, с обрывками проводов. Не хватало только могильных плит на этом кладбище роботов. Ни одной головы на полках не было.

Разглядывая полки, он не заметил, как наткнулся на новую стену. Возникшую преграду опять устранило лёгкое прикосновение. Нейон Ти вошёл в проём и вздрогнул от неожиданности. В свете фонаря он разглядел перед собой три неподвижных силуэта. Конечно, он надеялся, что рано или поздно найдёт хозяев всего этого и был готов к контакту, но всё равно получилось неожиданно.

У него не было с собой никакого оружия. Он был абсолютно не готов к обороне, застигнутый врасплох, и не собирался защищаться, охваченный одним желанием - положить конец окружавшей его неизвестности.

- Ты кто? - услышал он в своей голове.

Если бы вопрос прозвучал снаружи, из воздуха, то эхо неизбежно разнесло бы звук голоса во все стороны. Но вокруг было тихо. Голос он слышал в голове.

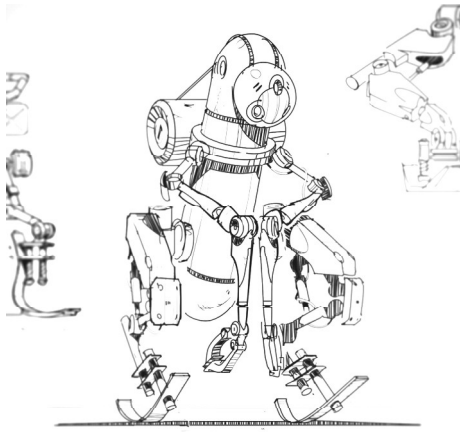
- Я Нейон Ти, - ответил он машинально.

Нет, он молчал при этом. В голове были мысли, была речь, но голоса своего он не слышал. В контактах с чужими цивилизациями он давно привык к такой форме общения. Она не требовала переводчика ни на одной планете.

- Ты кто? - снова услышал он уже другой голос, более низкий и скрипучий.

Нейон Ти наконец оценил обстановку как агент БМБ и собрался с мыслями, готовый вступить в контакт. Это его работа:

- Я агент Бюро Межзвёздной Безопасности из Солнечной системы. Планета Земля. Направляюсь в звёздное скопление Пояс Сантурии по заданию. Контакт с вами не предусмотрен моим заданием.

Пока он говорил, то успел осторожно осветить стоявших перед ним. Их явно не смущала крошечная тьма вокруг. Пока разглядывал, пришли на память обломки роботов на полках. Перед ним были не живые существа, а три представителя искусственного разума, причём в очень плачевном виде.

Ростом они были выше его на голову. На его голову, потому что своей головы они не имели. Вместо неё их туловища заканчивались сверху полукруглым колпаком с двумя окулярами. Верхние конечности, руки, торчали с боков туловища, сразу над ногами. На Земле бы, точно, сказали, что руки растут не из того места. Они могли вытягиваться, свободно изгибаясь, на конце имели по четыре длинных пальца-щупальца. Ноги не имели коленных суставов и были гибкими по всей длине, напоминая гофрированные трубы. Колпаки с окулярами поворачивались, но это всё равно не придавало им сходства с головой.

Нейону Ти бросилось в глаза то, что все трое напоминали своим видом старинную детскую игру «Конструктор».казалось, они собраны из разных деталей. У одного из них был колпак светлее, чем его тёмное туловище. У другого нижняя часть с руками и ногами явно отличалась от туловища с колпаком. У третьего один из окуляров не отражал свет фонаря, на одной руке было два пальца, на второй - три. Ноги явно отличались по цвету между собой. Под колпаком на туловище виден шов, как от лазерной сварки. Среди роботов их можно было назвать дряхлыми стариками.

- И к этим старикам я попал в плен, - мелькнуло в голове. - Зачем я им?

Фигуры стояли неподвижно. Вокруг была тьма и ничто не

напоминало обстановку звездолёта. Не было ни кресел, ни панелей управления, ни пультов, ни мониторов, не говоря уже про комфортное освещение. Одна тёмная пещера и три неподвижных силуэта.

Нейону Ти стало не по себе от мысли, о том, сколько тысяч лет они странствуют вот так, стоя во мраке, управляя кораблём, недоступным для человеческого разума. Тьма и тишина были средой их обитания. Искусственный разум неприхотлив. Но и свет фонаря не вызывал у них признаков недовольства или беспокойства. Их индифферентность к внешним факторам оставалась на высоте успешней, чем их внешний вид.

- А вы кто? - не выдержал Нейон Ти наступившей тишины, подозревая, что безуспешно представился.

- Мы? - в голове сразу три голоса. - Мы - команда, - снова три голоса.

По инструкции БМБ выходило, что контакт с искусственным разумом рассматривался, как более примитивный по сравнению с представителями разумных цивилизаций. Напрасно Нейон Ти поспешил с выводами насчёт убогого вида. Он не мог знать их возможностей.

- Где я нахожусь? - не выдержал он.

- Ты на борту межвселенского корабля класса «Астероид».

- Где ваша галактика?

- Нашей галактикой может быть любая галактика в любой Вселенной. Нам не нужна галактика. Нам нужен наш корабль, - говорил робот с новым колпаком.

Нейон Ти понял это по миганию огонька под его окулярами.

- Как я оказался здесь?

- Так же, как и все прочие.

- Как?! - восторженно воскликнул Нейон Ти. - Я здесь не один?! Здесь ещё кто-то?

- Пока здесь есть ты, никого не будет, - в словах не послышалось признаков угрозы.

- Но как? Зачем я вам нужен?

- Ты нужен не нам, а нашему кораблю.

- Не понял!
- Твой несовершенный разум лишь подтверждает никчемность твоего существования, - снова замигало на светлом колпаке.

- При чём тут моё существование?! - вскричал он, размахивая фонарём.

- Твоё существование принесёт пользу нашему кораблю. Твой звездолёт в атомной камере. Ваше разложение на атомы даст заряд энергии кораблю для выхода в другую Вселенную. Только и всего. Ты принесёшь пользу

Неожиданно гибкая рука легла на плечо и дружески хлопала по нему:

- До тебя никто не покидал звездных кораблей в атомной камере и не задавал нам вопросы. Все они превратились в энергию корабля.

- Я не для этого сюда летел! - вырвалось у него. - У меня задание. Я должен выяснить причины исчезновения планет в Поясе Сантурии. Это немыслимо! Меня будут искать!

Снова замигал светлый колпак:

- Никто тебе не расскажет о пропаже планет лучше нас. Но ты уже никому не сможешь рассказать об этом. Чтобы ты знал, оболочка нашего корабля невидима для любых планет. Оболочка гасит любые сигналы в пространстве. Корабль можно видеть только визуально, невооружённым глазом, что не представляет для нас опасности. Свидетелей мы не оставляем, если встречаем их на пути. Мы не возим с собой запасы энергии. Корабль получает её из окружающего пространства. Вселенная полна энергии, надо только уметь получать её. Ваши звездолёты с запасами энергии подобны жалким букашкам, прыгающим с одной планеты до другой, от заправки до заправки. Мы получаем энергию из Вселенной. Самая мощная энергия выделяется при разложении планет на атомы. Ты всё равно ничего не поймёшь, управляя примитивным звездолётом. Оболочка нашего корабля получает энергию постоянно. Не только из атомной камеры, но и снаружи. Всего один импульс превращает планету в атомное облако, которое впитывается оболочкой корабля. Никто не объяснит тебе исчезновение планет.

Слова звучали в голове Нейона Ти бесстрастно, как лекция в курсантские годы. Никаких эмоций, всё просто и понятно. Но смириться с этим было невозможно:

- Да кто вы такие, чтобы использовать планеты на корм ва-шему кораблю?! Никогда Межзвёздная Лига Цивилизаций не допустит такого! Вы будете наказаны!

Его слова остались без ответа. Может, они сами не знали, кто они такие, скитальцы по Вселенным?

Древние моряки на Земле слагали легенды о Летучем Голландце, наводившем ужас на тех, кто его встречал в морях. Астронавты всегда любили легенды про Странников, приходящих ниоткуда и уходящих в никуда на своих кораблях-невидимках. Все верили, но никто не мог доказать. Кто были эти, стоявшие перед ним? Знали они сами, откуда они и кто такие? Не хотел бы он увидеть такое даже во сне. Но это был не сон.

Три силуэта стояли перед ним во тьме, внутри гигантского корабля-астероида, невидимкой сновавшего по Вселенной из галактики в галактику. Стояли, безучастные к его судьбе, к судьбам планет. Похоже, они были безучастны и к собственной судьбе в своём бесконечном полёте. Скорей всего, они были рабами заложенной в них программы. Кем? Где? Когда?

Нейон Ти не был настроен на мысли о бесконечности. Он понимал, что ему уже нет необходимости лететь на Делькор. Задание он выполнил, но об этом никто не узнает, как и про его бесследное исчезновение.

- Интересно, на сколько им хватит энергии с моих атомов? - мысленной шутки не получилось. - Но зачем вам столько энергии? По нашим данным вы уничтожили около десяти планет за последнее время. Зачем это?

- Ты зря удивляешься, землянин. Лишней энергии не бывает. Это во-первых, а во-вторых, есть планеты, которые заслуживают только того, чтобы быть уничтоженными с пользой для их Вселенной. Мы руководствуемся этим в своих действиях. Такова наша миссия - чистить Вселенные. Мы не в силах это изменить. Любое зло должно быть наказано. А что может быть лучше уничтожения самого зла?

Такого поворота Нейон Ти никак не ожидал. Перед ним стояли не дряхлые роботы, а палачи, вершившие свой суд. Кто их послал? Может, они не первый раз забрели в нашу Вселенную. Ведь история знает много примеров того, что в древности называли на Земле божьим судом, не имея способности объяснить происходившие жуткие трагедии. Нейон Ти мог только теряться в догадках, стоя перед ними и чувствуя, что никак не мешает им своим присутствием. Вдруг он услышал:

- Тебе что-нибудь известно хотя бы об одной из пропавших планет?

Вопрос застал его врасплох. В своих размышлениях он ни разу не поинтересовался теми планетами и ничего о них не знал.

- Так смотри.

Нейон Ти вздрогнул. В пустоте чёрного пространства перед ним вспыхнул экран, яркими красками разгоняя тьму.

- Мы можем подключаться к информационному полю любой планеты, где хранится её история. Ничто не исчезает в мире. Ты увидишь планету Картран. Её уже нет, только в нашей бортовой памяти.

Нейон Ти невольно отпрянул назад от кровавой сцены перед самым его носом. Огромный динозавр отбивался от стаи наседавших зубастых тварей. Видны были даже чешуйки на его коже. Хищники жадно вырывали из его боков куски мяса, чтобы тут же наброситься вновь. Динозавр верещал на всю пещеру, кровь хлестала во все стороны, а по динозавру вверх карабкались новые полчища хищников, превращая его в копошащуюся кровавую гору. Потоки крови стекали вниз, заливая всё вокруг. От запаха крови подступило удушье, закружилась голова, и он невольно махнул рукой. Картина погасла.

- Ну, как? Нужна такая планета?

Нейон Ти молчал. Молчал не потому, что был согласен с участью планеты. Он не мог говорить, пока не сделал глоток воды. Ему казалось чудом, что его самого не сожрали.

- На других планетах ещё хуже. Как ты думаешь, стало чище во Вселенной? Мы не можем проходить мимо таких планет.

Мы их уничтожаем.

- Я понял вас. Вы совсем из другой жизни. Из другого времени.

- Что значит «время»? Мы не знаем времени. Наше существование рассчитано на преодоление пространства. Мы существуем, пока движемся. Покой и время нам недоступны. А энергия покоя для нас губительна. Наше существование измеряется пройденным путём. Это бесконечность. Мы созданы для неё.

- Скажите, а там, на полках, я видел, - Нейон Ти замялся, - отдельные части. Руки. Ноги. Что это? Откуда? А как же бесконечность? Она не для всех?

- Это была наша команда. Нас было десять. Это из-за того, что раньше мы пытались садиться на планеты. Всё плохо закончилось для многих из нас. В результате оказалось уничтоженных планет гораздо больше, чем тех из нас, кто остался на полках. Их части ещё долго будут служить нам, как мой блок управления, - гибкая рука робота показала на его светлый колпак. - Раньше он принадлежал пилоту корабля. В нём находится командный чип. Корабль подчиняется моим приказам. Управление простое, но без этого командного модуля оно невозможно.

- Значит, ты главный, командир?

- Что значит «главный»? Я команда, как и все. Главным для нас является здравый смысл. Мы все служим ему. Он должен главенствовать во всех Вселенных. Зло будет уничтожено.

Нейон Ти вспомнил, что нарушает инструкцию по установлению контакта и решил исправить ошибку, чтобы закончить начатое:

- Я понял. Я представился вам. А как вы общаетесь между собой, чтобы я тоже мог общаться с вами? Это необходимо при установлении контакта.

- Какие имена? Мы команда. Нам этого достаточно. А что нужно тебе - не имеет никакого значения.

Контакт явно не получался. Инструкция БМБ не предусматривала случай подобной тупиковой ситуации. Этим троим контакт с ним не представлял никакого интереса, видимо,

по той причине, что не был заложен в их программу. С этим можно было только смириться.

- Подождите! - спохватился Нейон Ти. - А что с моим звездолётом?!

- Твой аппарат в прежнем состоянии. Реакция не запущена. Наш корабль сам регулирует энергетическую подзарядку. По моим данным у него двойной запас энергии после прохождения последних галактик. Ты оказался здесь, потому что твой звездолёт оказался на нашем курсе. Он будет утилизирован на энергию, когда это потребуется. Ты можешь разделить его участь, как все прочие. Можешь остаться с нами, если так получилось на этот раз, что ты своими действиями обнаружил нас. Твой выбор ничего не изменит, а нашу команду устроит любой вариант.

Нейон Ти облегчённо вздохнул:

- Тогда я сейчас покину вас и вернусь в звездолёт. Мне тоже надо пополнить запас своих сил. Для меня это сложнее, чем для вас.

- Мы понимаем тебя, землянин! Наша энергия неистощима. Она подпитывается энергией корабля.

Было ясно, что они ничего не имеют против его намерения вернуться в звездолёт, как и то, что для него это пока не представляло никакой угрозы.

Нейон Ти повернулся и покинул отсек с тремя роботами. Не поворачиваясь язык назвать это Центральным Постом. Его сознание, пусть примитивное по мнению роботов, отказывалось признавать за творение высшего разума такую мрачную пещеру. Но если так и было, то оставалось согласиться с тем фактом, что их разум шёл на поводу человеческой природы, избалованной комфортом и излишествами удобной жизни, без которых казалось невозможным освоение Вселенной. Поэтому его сейчас так тянуло в звездолёт, в уютную обстановку.

Нейон Ти не собирался оспаривать неожиданную мысль. Он хотел как можно скорей вернуться в уютную обстановку после мрака пещеры. Он был всего лишь человек, поэтому всю дорогу обратно проделал бегом, не оглядываясь по сторонам.

В звездолёте он первым делом задраил входной люк, чтобы хотя бы так не иметь ничего общего с его тюрьмой. Принял душ, приготовил обед и только после этого позволил себе отдых. Уснуть не удалось. Тело приятно расслабилось, но голова не избавилась от мыслей: «Вокруг нет пауков, нет паутины. Эта ловушка крепче любой паутины. Летающая гробница для планет и звездолётов. Выхода отсюда нет. Его звездолёт, ни единой царапины, в рабочем состоянии, совершенно беспомощен». Чтобы проверить свои опасения, он прошёл в Центральный Пост.

Бортовое электроснабжение было в норме не в пример остальным системам. Блоки памяти и программные диски компьютера совершенно пусты. Все настройки смарт-блоков оказались стёртыми до нуля. В штурманском отсеке было то же самое. Звёздные карты, навигация, лоции, записи маршрута - всё исчезло. Не хотел бы он сейчас оказаться в открытом космосе на борту звездолёта слепого, глухого, на ручном управлении. Слабым окажется утешение, что последние часы жизни пройдут в тепле и комфорте.

- Сколько их, звездолётов, побывало здесь до меня? Никто не скажет, - с такими мыслями он возвращался в жилой отсек, где наконец уснул. Проснувшись, сразу вспомнил о роботах:

- Они называют себя командой. Так не пойдёт. Я буду называть их по-своему. Их трое. Назову их Первый, Второй и Третий. А если короче, то Пер, Втор и Трет. Пусть так. Пер - тот, что говорил больше других, со светлым колпаком. Втор - у него нижняя часть отличается от верхней. Трет имеет шрам спереди, с одним окуляром, с разными ногами. Им это не надо, а мне так удобней для установления контакта согласно инструкции.

Встать с дивана не хотелось. Он так и спал на нём, не добравшись до спальни:

- Что они там говорили? Собираются покинуть нашу Вселенную? Приготовили мой звездолёт на закуску для своего корабля. Хорошо хоть, что я могу им пользоваться как убежищем. Осталось только решить, что делать: остаться с ними или погибнуть вместе с «Флиппером». В одном случае им

польза, в другом - никакого вреда. Радушные хозяева. Могли и похуже обойтись со мной.

Нейон Ти испытывал странные чувства. Никто ему не угрожал. Никто не спрашивал его мнения. Его судьба не могла интересовать никого из тех, кто решал судьбы планет, мимоходом превращая в атомы своей энергии встречные звездолёты. Привыкнуть к этому факту было легче, чем смириться с ним. Однажды ему пришлось убедиться, что в некоторых ситуациях спасти может только собственное бездействие, пассивное ожидание. А что сейчас?

Пока он не знал, что делать. Сколько у него осталось времени, он не знал. Вряд ли эти трое знали об этом. Пока возникла одна мысль: «Выяснить как можно больше, получить от них информацию» - с этой мыслью он пошёл готовить завтрак.

Душ и завтрак взбудрили настолько, что вскоре он опять был в отсеке роботов. Похоже, они даже не трогались со своих мест. Для них это не было состоянием покоя. Для них полёт корабля был вечным движением, в котором они находились, будучи единым организмом с кораблём.

- Где сейчас находится ваш корабль? - сразу начал он.

- Смотри, - Пер сделал слабый жест рукой.

В пространстве возник экран. Его чёрный фон сливался с мраком пещеры. На нём, радуя глаз, переливались скопления звёзд. Да, во Вселенной было светлей, чем в пещере.

- Мы проходим Солнечную систему на пути в другую Вселенную. Твоя планета Земля? Нам уже доступно её информационное поле. Хочешь увидеть?

- Зачем? - почему-то испугался Нейон Ти. - Я знаю историю Земли. Кратко, - добавил он.

- Тогда для тебя ничего нового не будет, а нам нужна информация, - Пер сделал жест другой рукой.

Новая картина осветила пространство отсека. Просторы дикой природы. Вдалеке видны вершины дымящихся вулканов. Стадо древних ящеров пасется на просторном лугу посреди высоких зелёных зарослей. Сверху на них с противным скрипом кидаются крылатые твари, мелькают острые длинные клювы, ящеры испуганно кричат. Из травы слышно

громкое рычание, скрежет зубов. С разных сторон на стадо набрасывается стая большеголовых хищников, - но Нейон Ти не хотел это смотреть:

- Стойте! - закричал он. - Это древняя история Земли. Она ни о чём не говорит. На планете совсем другая жизнь! - картина исчезла.

- Не спеши. Это начальная информация. Мы должны изучить весь объём, - Пер сделал жест рукой.

В воздухе возникли очертания города, окружённого высокой каменной стеной. На стены волна за волной набегают сплошной поток копошащихся тел. Мелькают, сверкая на солнце, мечи, топоры, пики. Облака пыли, дикий вой, лязг оружия. На стены громоздятся лестницы, по ним карабкаются снизу фигурки. Сверху летят камни, огненные шары, чёрная жижа. Фигурки валяются вниз, а оттуда лезут всё новые и новые. Лестницы отпихивают прочь, они падают и давят всех внизу. Вверху солнце видно сквозь тучи стрел, летящих во все стороны. Снизу поднимается дым от горящего города. Вокруг горы окровавленных тел, стоны.

- Нет, стойте! Это всё не то! - не вытерпел Нейон Ти.

Картина исчезла.

- Почему? Мы не ошибаемся. Блок контроля подключён к полю твоей планеты.

- Это давно забытая история, - не сдавался Нейон Ти. - Она не представляет интереса, чтобы судить о судьбе планеты!

- Землянин, мы должны просмотреть весь блок информации. Это наша миссия.

Возникла новая картина. Она была яркой, но изображение терялось в дыму и облаках пыли. Грохот, страшные взрывы, скрежет металла били по ушам, эхом отдаваясь во все стороны. Друг на друга лезли железные монстры, гремя гусеницами. Их длинные стволы метали яркие молнии с оглушительным грохотом и дымом. Пожары, гарь, копоть. Казалось, пещера пропиталась удушливым запахом горелого мяса, - Нейон Ти не мог больше терпеть и протестующе махнул рукой:

- Нет! Это всё не та информация! - теперь он был рад мра-

ку в пещере. Темнота скрывала его лицо. Он чувствовал, что лицо пылает от прилива крови и щёки горят как в детстве, когда он не выучил урок.

- Почему? Мы изучаем историю твоей Земли. Это всё правда.

- Нет! Это всё равно далёкая история, по которой нельзя судить о планете! Так нельзя! Человечество не для того сохранило планету и жизнь на ней, чтобы только за свою историю Земля была уничтожена!

- Мы тебя не понимаем. Любая цивилизация - это плод своей истории. Какой плод может вырасти из такой истории, как у твоей планеты? Что тебя не устраивает? В истории Земли пока не прослеживается никакого здравого смысла. А значит, нет смысла и в вашей цивилизации. Ты напрасно нарушаешь просмотр информации. Она будет изучена до самого конца.

В воздухе возникла новая картина. Предрассветный час пробуждения природы. Вдруг на фоне восходящего солнца, вдали, возникает гигантский гриб. Он растёт на глазах, принимая зловещие очертания. Пещера сотрясается от ужасного грохота, и Нейон Ти невольно затыкает руками уши. Всё, что находилось в пределах видимости, превратилось в серый ураган и исчезло в непроглядной пелене.

На этот раз слов у Нейона Ти не нашлось, словно рот был забит радиоактивной пылью. Он молча повернулся и пошёл прочь, не чувствуя слабой гравитации. Груз истории душил и давил на плечи тяжестью океанских глубин. У него не было больше аргументов ни для себя, ни для роботов в защиту своей планеты.

Два дня он не решался на новый визит. Только на третий день это случилось.

- Где находится сейчас ваш корабль?

- Мы в Солнечной системе.

- Что с планетой Земля?

- Анализ информации исторической составляющей планеты Земля зафиксировал отсутствие у цивилизации вектора направленности к здравому смыслу. Поэтому уничтожение земной цивилизации принесёт Вселенной и нашему ко-

раблю больше пользы, чем существование данной цивилизации. Вопрос решён. Корабль получил команду. При достижении Зоны Воздействия Земля будет распылена в облако.

- Это - будет - неправильно, - Нейон Ти произнёс вслух.

Только эхо согласилось с ним, затихая под сводом пещеры. Он слабо пытался возражать металлическому голосу в голове:

- Человечество заслуживает право жить. Давно ушло в прошлое время границ и государств, разжигавших войны на Земле. Единая общность людей планеты давно шагнула в космос, навстречу иным мирам. Земля вошла в эру новой цивилизации, возникшей из крови и грязи своей истории. Для планеты это шанс очиститься от своего прошлого, забыть его и никогда не повторять. Неужели вы ничего этого не увидели?!

Нейон Ти не надеялся, что сможет одолеть железную логику хозяев корабля. Он словно прощался со всем тем миром, где родился, вырос, откуда началась его дорога в космос. Каждое слово, как горсть земли на могилу. Но не будет могилы. Не останется Земли, на которой мечтал о космосе. Мечтал не для того, чтобы космос волей дряхлых роботов вынес ей смертный приговор. Осталось только привести его в исполнение, где сам он будет зрителем. Он не может быть зрителем. Он часть всего того, что подлежит уничтожению. Кто он и что он без своей Земли?!

Роботы хранили молчание на его слова. В голове стояла тишина, как в пещере. Искусственному интеллекту чужды сомнения и колебания. У него не возникало мысли наброситься на этих троих, повалить, топтать ногами, оторвать колпаки и свалить их всех на стеллажи. Даже если бы у него в руках был лом, проверенное древнее средство для наказания

любой техники. Что он мог? Искусственный интеллект можно победить только разумом, его породившим. Ему оставалось повернуться и уйти прочь.

Несколько дней он пролежал, не вставая с дивана, уставшись в потолок. «Когда это случится? Атомы родной планеты проглотит корабль. Проглотит всё то, что было ему родным, дорогим и близким. Их энергия понесёт корабль вместе с ним в другую Вселенную. Какой смысл? Зачем?». Ему уже не хотелось покидать звездолёт. Так будет лучше. Слиться с атомами родной планеты и остаться с ней до конца единым целым - это его устраивало. Не было никакого желания видеть палачей планеты.

Неожиданно для себя он встал и снова оказался в командном отсеке пещеры. В свете фонаря он увидел две неподвижные фигуры. Это были Втор и Трет. Пер отсутствовал.

- Где находится ваш корабль? - Нейон Ти упорно не хотел считать себя одной командой со странниками бесконечности. Ответил ему Втор:

- Мы в Солнечной системе.

- Где Земля?

- В Зоне Воздействия корабля.

- Когда атака?

- Приказ отменён. Мы пройдем мимо.

- Атаки не будет?!

- После твоего ухода скачивание информации не прекращалось. Её было много. После просмотра последнего файла приказ был отменён. Корабль пройдёт без дозаправки.

- Как?! Что?! Почему?! - Нейон Ти не понимал и кричал в темноту, разбудив эхо. - Что вы увидели? - привычным способом спросил он, успокоившись.

Втор махнул рукой, и Нейон Ти увидел до боли знакомую картину так близко, что вздрогнул.

С высоты всё ближе и ближе виднелось пересечение улиц города. Можно было даже разглядеть в толпе лица спешащих людей. Транспорт, оживлённое движение. На перекрёстке поток транспорта замер. Через улицу хлынул поток пешеходов. Спешат, суетятся, торопятся. В картине общей суеты прослеживались признаки здравого смысла, как объе-

диняющего начала всей этой беготни. В общем потоке резко выделялись своим поведением две фигурки. Они не могли не притягивать глаз. Нейон Ти видел старушку с тросточкой. Её медленно переводил через дорогу, держа под руку, молоденький парнишка с папкой подмышкой. Эти двое своими движениями явно выпадали из общей скорости потока пешеходов, которые поспешно обходили их стороной и бежали дальше. На другой стороне улицы парнишка кивнул старушке и скрылся в толпе. Он тоже спешил по своим делам. Картина после этого исчезла, уступив место тьме. Это был последний просмотренный файл информации с Земли.

- И что? Почему отменили приказ?

Потрясение от ожидания страшного конца не покидало его, он это чувствовал, когда повернулся и медленно пошагал назад, не ожидая ответа. Путь его освещал дрожавший в руках фонарь.

Несколько дней он приходил в себя. Приходилось возвращаться мыслями в новую реальность, с которой он до этого начал прощаться. Он не был самоубийцей, но теперь понимал тех из них, кто стоял на пороге своего решения, но так и не шагнул через него. Этот шаг назад давался гораздо трудней, чем шаг навстречу своему решению. Ведь жить всегда трудней, чем просто умереть. Надо принимать новые решения и идти дальше. Он настраивал себя на то, чтобы жить дальше.

Несколько дней, проведённых на диване, помогли в этом. Нейон Ти лежал в любимой позе. Руки под голову, одна нога в колене согнута, другая закинута на неё сверху, взгляд в потолок. Всегда, чем меньше он двигался, тем больше погружался в свои мысли.

Теперь, когда судьба его планеты не обернулась для неё гибелью, мысли о собственной гибели казались ему неуместными. Там, на Земле, будут ждать его возвращения. Но что это меняло? Это меняло его мысли, но не планы. Никаких планов не было. Мысль об этом окончательно разозлила его настолько, что он вскочил с дивана и снова оказался в командном отсеке корабля. В этот раз все трое были на месте.

- Где находится ваш корабль?
- В Солнечной системе. Скоро твоя Земля останется позади, - снова отвечал Пер.
- Вы не уничтожили её? А ваша миссия? Что с ней? Или вы дали Земле шанс?
- Судьба её была решена, да. Это доказывала вся информация из прошлого. Я отменил приказ. Последняя информация с планеты стала тому причиной. И не вопреки нашей миссии, а в соответствии с ней. Согласно нашей Программе, планета не подлежит уничтожению даже с отрицательной историей, если в данный момент её цивилизация имеет признаки здравого смысла и доброй воли. Примером тому тысячи и тысячи планет. Если молодая особь в потоке жизни цивилизации выбивается из общего разумного течения только для того, чтобы оказать помощь престарелой особи, если у цивилизации есть такие особи, то данная цивилизация имеет право на существование. Её планета не подлежит уничтожению. Есть шанс, что здравый смысл на планете поможет разуму одержать верх над грязной и безумной историей. У твоей планеты есть шанс, землянин. Мы летим дальше.
В голове Нейона Ти наступила тишина. Он тут же ответил вопросом:

- Как далеко от Земли будет проходить ваш корабль? - при этом само слово «Земля» звучало для него музыкой.

- Она будет в стороне от нашего курса на две тысячи миль. Сердце Нейона Ти радостно дрогнуло. Фактически, это родные места его галактики! Зона первых курсантских полётов с инструктором, на учебных звездолётах.

Он шёл назад, а сердце громко стучало, как призыв к действию. Но что он мог? Его звездолёт из могущественного покорителя Вселенной превратился в комфортное место обитания, в убежище среди мрака пещеры. Он опять бросился на диван и замер в неподвижности. Не оставляло смутное беспокойство от мысли, что скоро всё это родное и близкое окажется позади, в бесконечной недосыгаемости для роботов и в безвозвратном прошлом для него. Нежелание смириться с этим мешало думать. Он вскочил с дивана и бесцельно пошёл бродить по отсекам, из одного в другой,

включая везде освещение. Его угнетал мрак пещеры. Так, незаметно, он добрался до транспортного отсека. Вошёл в ангар и замер! Перед ним стоял новенький гравилёт. Рядом находился миниатюрный гравикоптер. Его использовали только в атмосфере планет, для обзорных полётов. Но гравилёт - это совсем другое дело! Как он мог забыть про него?! На гравилётах опускались на планеты со стационарной орбиты звездолёта, чтобы вернуться обратно на борт. Реактивный космический планер с примитивным ручным управлением. Кабина с хорошим визуальным обзором, никакой электроники. Для космического пространства у него была слабая метеоритная защита. Любое попадание космического мусора грозило гибелью.

Сейчас всё это не волновало Нейона Ти. В этой области галактики его обязательно обнаружат! Он забрался в кабину, повернул кодовый ключ. Рация была исправна, все системы работали, ожидая приказа. Нейон Ти немедленно ни минуты бросился в шлюзовую камеру, притащил скафандр и вернулся в жилой отсек.

Стоп! Главное, не спешить! Надо ничего не забыть. Обычно мелочи губят любое дело. Он сел и на листке набросал список всего необходимого. Список получился короткий. Не заняло много времени собрать всё в большой ранец и отнести его в гравилёт. Нейон Ти собрался приготовить прощальный обед, вдруг неожиданная мысль заставила его опуститься на диван:

- Куда я собрался? В полёт по пещере?!

Гравилёт не имел вооружения, чтобы можно было пробить выход наружу. Каким оружием можно пробить оболочку корабля, рассчитанного не на вечность, а на бесконечность пространства? Об этом можно было забыть. Вырваться из него невозможно. Нейон Ти замер, уставившись в одну точку. Опять не хотелось двигаться. Зачем? Чтобы скрасить свой плен?

- Но как же я попал сюда? - вопрос возник сам собой в поисках выхода. - Звездолёт неизбежно должен был столкнуться с астероидом. Я это видел и ждал этого. В последний момент всё изменилось. Я оказался здесь, внутри корабля

неведомой конструкции. Корабль, управляемый словами пилота. Я попал сюда через люк, как и все предыдущие жертвы. Да, через люк. Он открылся и закрылся. Это самая примитивная автоматика, не требующая управления. Мне не остаётся ничего другого, как на деле проверить эту мысль. До сих пор все подчинялись ей. Теперь она послужит мне, но в обратном порядке. Или для меня все закончится, - новые мысли только подхлестнули его аппетит.

Прощальный обед на борту звездолёта состоялся. Нейон Ти ничем не мог помочь своему звездолёту. Он покидал его.

Первым делом открыл входные шлюзы ангара, надел скафандр, уселся в кресло, закрыл кабину. Сердце лихорадочно билось, когда он увеличил газ и гравилёт стронулся с места. Аппарат завис между звездолётом и сводом пещеры. Подчиняясь команде, двинулся в сторону люка, набирая скорость и рассекая мрак пещеры лучом прожектора. Гравилёт мчался вперёд, и Нейон Ти увидел то, что ожидал. Впереди, в черноте пещеры, стали заметны сначала первые яркие точки, потом их становилось всё больше и больше. Он не мог видеть, как открывался люк по мере приближения к нему гравилёта. Он лишь видел, как вверх и вниз, вправо и влево рассыпались по черноте яркие россыпи звёзд, словно впереди поднимали занавес звёздного пространства. Ему так не хватало этой картины во мраке пещеры! Вот уже со всех сторон его окружают миллиарды звёзд. Он вернулся к ним оттуда, откуда никому не было выхода до сих пор. Нейона Ти не хотел оглядываться назад. Он знал, что никакой раскрытой пасти позади уже нет.

Гравилёт сделал крутой вираж в сторону от зловещего астероида. Его очертания навсегда остались в памяти Нейона Ти, как и надежда, что он больше никогда не увидит их на своём пути. Первым делом он включил рацию в режим аварийного сигнала. На радиомаяк должен откликнуться любой звездолёт независимо от его класса и маршрута. Так и случилось.

Не успел Нейон Ти выбрать направление маршрута до любого ближайшего небесного тела, чтобы спокойно ждать помощи, как услышал по рации: - «Альфа-17 на связи! Идём

в ваш сектор! Видим вас на экране! Готовьтесь к контакту!».

Он не мог не знать позывные звездофур, этих тяжеловозов Вселенной с бортовыми номерами от единицы до трёх тысяч. В стыковочный модуль таких гигантов легко могли войти сразу несколько его звездолётов. Не было никаких трудностей со стыковкой и посадкой в модуле.

Экипаж звездофур из четырёх человек. Они не могли понять появления Нейона Ти на гравилёте в открытом космосе и считали чудом его спасение. Нейон Ти понимал, что никто не поверит его рассказу и безропотно терпел все меры помощи, что оказывали ему, как жертве шокового состояния с помутившимся рассудком. Препараты сделали своё дело, незаметно для себя он уснул, а когда проснулся, то был совсем в других условиях.

Спасительная звездофура направлялась с Земли. Про его гравилёт с опознавательными знаками БМБ сообщили наземной службе. Нейона Ти, спящего, погрузили на борт курьерского звездолёта БМБ. Там он и очнулся по пути на Землю. Ещё не добравшись до планеты, он уже оказался среди знакомых лиц, коллег по службе. Он пытался отвечать на их вопросы, но его ответы отбивали у них всякое желание к новым вопросам. Его оставили в покое, а их взгляды ему не нравились. Он чувствовал себя диковинной обезьяной в клетке, на которую все глазают, но никто не принимает всерьёз. Он бы и сам никому не поверил, расскажи ему кто такое. Что ему оставалось? Наверное, надо было прихватить с собой со стемажей ногу или руку от валявшихся там роботов. Помогло бы это его рассказу? Вряд ли. Скорей бы поверили в его гибель, чем верят в его спасение и во всё то, о чём он рассказывал.

На Земле оказалось ещё хуже. После отчёта в службу БМБ о полёте и пропаже нового звездолёта, его два месяца держали в клинике, исследуя все участки мозга на предмет дистрофии сосудов и изменения восприятельных рефлексов. Каждый день тянулось изнурительное тестирование и сравнение с предыдущими результатами. Его хотели убедить, что он сошёл с ума, ведь для окружающих этот факт был очевидным, и только он один не соглашался с диагнозом. После обследования снова попросили написать отчёт.

Это не составило для него трудностей. Ведь он писал правду. После второго отчёта, убедившись, что он знает своё имя, день рождения и Устав БМБ, Нейона Ти оставили в покое и выпустили из клиники.

Втайне он радовался, что не всё рассказал в отчёте. Нейон Ти умолчал о том, что Земля находилась под прицелом тайного оружия невидимого астероида, и судьба её была решена. Здесь, на родной Земле, он не смог произнести или написать слова об этом. Вряд ли после таких слов он оказался бы за дверями клиники.

Говорить о случившемся с ним больше не хотелось. Больше хотелось верить в то, что Земля не зря получила свой шанс. Цивилизация людей позволит ей вступить в новую эру, чтобы не загрязнять больше Вселенную своей историей, а наполнять её светом и теплом добрых дел на пути к новым мирам. Сам Нейон Ти опять готов был к новым полётам после того, как избавился от груза памяти прошлых приключений, рассказав о них в очередных мемуарах. Он не знал о том, будут они последними или нет. Время покажет.

02. 2022

РАССЛЕДОВАНИЕ (рассказ)

До утра было далеко, когда прозвучал телефонный звонок.

- Алло! Слушаю! - машинально ответил он. Почувствовал, как рядом, всем телом, вздрогнула жена.

Её голос опередил его дальнейшие слова:

- Марк, ты не исправим! Как я понимаю твоего шефа!

- Извини, дорогая, - сонный, он вскочил с кровати и в темноте поспешно покинул спальню, прикрыв за собой дверь.

Он опять разбудил жену, но что он мог поделать?! Над ним все посмеивались, а он за столько лет никак не мог привыкнуть говорить по хедфону (*чип-телефон, встроенный под кожу головы - авт.*) согласно инструкции, которая не требовала ничего сложного. Надо всего лишь закрыть глаза и закрыть рот после звонка в голове, после чего вести мысленную беседу. У него не получалось. Никто не верил, что он не нарочно срывает постоянно совещания у начальника своими неожиданными криками «Алло! Слушаю!». Шеф был зол на него.

Молодёжь в отделе, которые учились у него работе, перенимали его опыт, каждый месяц получали премии и надбавки. Каждый год росли по службе. Ему всё это не «светило», пока он не научится жить как все, в ногу со временем и с хедфоном, даже если бы все тюрьмы города были забиты преступниками, которых он обезвредил.

Шеф был неумолим в своём стремлении сделать из него современного человека. Марк и сам был не против, но что он мог поделать, если при каждом звонке он не успевал закрыть глаза, а рот мгновенно кричал «Алло! Слушаю!». Наверное, это было на уровне инстинкта, привитого многолетней привычкой реагировать на выстрел в тебя. Видимо, так же точно он реагировал и на звонки в голове - мгновенно, помимо своей воли. Жаль, что молодой шеф не понимал этого. Одно время Марк подозревал, что ему неверно вшили чип и тот своей работой вызывает такую реакцию его организма на звонки. Но чип был вшит правильно. Он бугорком

торчал во лбу в том же месте, что и у всех. Стандартная операция. Дома тоже были проблемы от его такой «неуклюжести». Жена пыталась спать отдельно, но каждый раз оказывалась рядом во время очередного звонка.

Не успел он прикрыть дверь, как услышал голос, от которого бросало в дрожь всех офицеров Министерства милиции при всех их наградах и при парадной форме одежды. Он, стоя в трусах и майке, просто вытянулся в струнку. Он не мог не узнать этот голос, потому что со своими сослуживцами и начальниками слышал его чаще, чем видел хозяина голоса. Министр раз в месяц проводил из своего кабинета в столице селекторные совещания с городскими управлениями. От железных ноток министерского голоса как струны лопались нервы виновных в его гневе за допущенные ошибки.

- Марк Гулин? - вопрос прозвучал резко, не в воздух, а сразу в мозг, оттуда разбегаясь по телу, заставляя руки вытягиваться по швам, а ноги выпрямляться по стойке «смирно». Марк не считал себя рьяным службистом, всё получилось произвольно.

- Вы что, спите?! - последовал новый вопрос таким тоном, что не могло быть и речи о напоминании времени суток.

Кто бы захотел объяснять роботу вкус пива? Марк был не из таких.

- Нет. Никак нет! - для пущей убедительности добавил он громко.

- Это очень кстати, что Вы не спите. Ваш шеф назвал Ваше имя. Поэтому я звоню Вам. Он ждёт Вас в машине. Внизу, у вашего дома. Спускайтесь вниз. Не буду Вас отвлекать. В курс дела Вас введут. Успех дела зависит от Вас. Утечка информации - это моя забота. Меры приняты. Надеюсь, что с наступлением дня в этом смысле ничего не изменится и журналисты будут получать только нужную для безопасности государства информацию. Ни одного контакта с прессой. Это не Ваша забота! Всё! Конец связи!

Голос в голове исчез так же внезапно, как и появился. Его эхо ещё разносилось по телу лёгкими покалываниями в руках и ногах от схлынувшего напряжения.

- И почему я не пошёл в кулинары?! - наконец позволил себе Марк этот вопрос, как обычно по ночам, в минуты таких принудительных пробуждений.

Он, действительно, мог стать потомственным кулинаром после того, как двадцать лет назад закрыли их Архитектурное Бюро. Тогда в последний раз собрали всех триста человек в зале заседаний и объявили, что отныне все строительные проекты за них будет выполнять Единый Компьютерный Комплекс. Вывесили список профессий. Переобучайтесь. Его родители были кулинарами. Ну почему он не послушался их?! Спал бы сейчас спокойно под тёплым одеялом и не слышал рявканья в голове.

Нет, не потому что список мест в милицию был самым большим, а на другие профессии заявок было гораздо меньше. В тот раз он вдруг вспомнил, как отыскал в своё время пропавшую собаку директора Бюро. Уж очень сильно тот переживал свою пропажу. Надо было лучше воспитывать своего сына и интересоваться его малолетними доходами. В общем, случайно его забросило в милицию. Другое дело, что его успехи за годы службы были совсем не случайны. На них держался его авторитет, не подрываемый даже хедфонным конфузом.

Сейчас Марк понял сразу три «вещи»: спать ему больше не придётся. Завтрак ему не «светит». Внизу его ждёт шеф. Пока одевался и выходил на улицу, обнадеживала мысль о том, что шеф тоже не успел позавтракать и сумеет об этом позаботиться. Ещё больше его радовала и обнадеживала последнее время мысль о приближающейся геронтизации. Ещё два года и ему введут самый главный чип. Он уже сдал тест в базу данных геронтологов. За два года ему смоделируют чип с программой блокировки. Он, как его родители, больше не будет стареть.

Выйдя на улицу, он поднял голову вверх. Была ночь полной фазы и яркий диск в ночном небе освещал улицу за решётчатым забором ярче, чем фары стоявшего за калиткой лимузина. Когда-то этот диск называли Луной. Уже лет десять Марк каждый год бывает там и навещает родителей. Сколько он помнит, уже двадцать лет они не меняются после ге-

ронтизации. Там, на Эдеме, что раньше назывался Луной, ему нравилось бывать. Родители уже присмотрели ему и его жене уютный блок в своём жилом модуле, напоминающем небольшой городок, накрытый прозрачным куполом. Ко всем тамошним «странностям» они с женой успели привыкнуть. Переезд на Эдем после геронтизации не будет для них тягостным.

- Неужели не могли никого помоложе найти? - с досадой вернулся Марк к земным проблемам, которые поджидали его там, за калиткой. Лимузин с тонированными стёклами выглядел необитаемым островом, украшенным блеском хромированных деталей, переливами молчаливых «мигалок». Даже ночью шеф был верен своим привычкам. Он предпочитал наземный транспорт и терпеть не мог воздушные трассы городских горизонтов.

- Похоже, с «мигалками» шеф перестарался, - недовольно подумал Марк, вспомнив слова молицейского босса о полной тайне происходящего. Он открыл заднюю дверь и плюхнулся на мягкое сиденье, чувствуя, как плавно утопает в нём:

- Всем доброй ночи. До утра ещё далеко, но хотелось бы, чтобы утро было приятней! - попытался пошутить он.

Шеф на переднем сидении был почему-то в плаще. Когда тот обернулся назад, стало понятно почему. Под плащом у него торчал ворот пижамы. Похоже, он сидел там в домашних тапочках. Но вид у него был такой, словно он ещё не ложился.

- До утра ещё надо дожить, - каким-то незнакомым голосом пробубнил шеф.

Не одну бессонную ночь провели они на экстренных вызовах. Блеск в глазах всегда был при нём, как и белая рубашка, галстук, мундир и начищенные ботинки.

- Надеюсь, кроме тебя никто не увидит меня в таком виде. Мне приказано доставить тебя, - он запнулся на полуслове, - ты должен правильно повести дело. Так, как требует ситуация, - было видно, что он с трудом подбирает слова:

- А я должен описать тебе ситуацию. Здесь нужен взгляд издалека, шире, чем ты всегда смотришь на место преступления.

Марк не удержался и перебил шефа, чего не позволял при посторонних:

- Я не привык отвлекаться, мне нужны чёткие границы места преступления. Все следы там.

Но шеф туманно заговорил совсем о другом, словно не слышал его:

- Ты ведь, наверное, слышал теорию о шести рукопожатиях. Любой простой человек на Земле через шесть рукопожатий может найти или друзей, или родственные связи. Надо только хорошенько постараться, чтобы установить цепочку. А сильных мира сего гораздо меньше. Тех, кто командует нами, и тех, кто правит нашими командирами, кто решает вопросы государства. Там гораздо более тесные связи. У нас с тобой одни связи. У министра нашего совсем другие. Министр позвонил мне, потому что позвонили ему. Кто позвонил ему - ты скоро узнаешь. Я отвезу тебя.

- Почему мы не едем? - окончательно проснулся Марк. - Где место преступления?

- Может, так и лучше, - нерешительно пробормотал шеф. - Хорошо, сначала заедем на место преступления. Это по пути туда, куда я должен тебя доставить. Там тебе лучше объяснят. Не моё это дело. Только не спеши с выводами. При всей их очевидности не всё так просто.

Шеф сделал водителю знак трогаться со словами: «К больнице». Он долгим взглядом из-под бровей посмотрел на Марка и отвернулся, зябко кутаясь в плащ от ночной прохлады:

- Там, в больнице, уже работает инспектор районного отдела. Он всё зафиксировал и ждёт тебя, - шеф говорил не спеша, глядя вперёд. - После этого тебе предстоит встреча с теми, кто позвонил министру. Больше я ничего не знаю, - глухо закончил он. - В больницу меня не пустили. Только доложили ситуацию. Но лучше ты сам.

По дороге шеф хранил молчание. К больнице они проехали через живую цепь молицейских, окружавших здание плотным кольцом. У крыльца к машине подошёл человек в чёрном костюме и что-то сказал шефу через открывшееся окно. После этого окно закрылось, и машина тут же уехала прочь,

увозя вместе с шефом надежды Марка на гарантированный завтрак.

Крыльцо главного входа было усыпано мелкими осколками стекла, противно хрустевшими под ногами. Марк поднял голову вверх. На третьем этаже, над входным крыльцом, он увидел разбитое окно. Человек в чёрном проводил его до входных дверей и, учтиво склонившись, тихо сказал с еле заметным акцентом:

- Вам на третий этаж. Я буду ждать здесь. Мне приказано доставить Вас, - он сделал шаг в сторону, и Марк прошёл внутрь.

Как бы ему сейчас пригодился малюсенький чип, позволяющий хотя бы на час, на два увидеть своё будущее, прокрутить его в сознании, чтобы вовремя сделать шаг назад. Об этом он не думал, да и не было ещё таких «фиговин» в отличие от тех, которыми Марк не спешил себя «напичкивать», вызывая тем самым недовольство начальства и насмешки своих молодых коллег.

В здании молицейских было ещё больше, чем снаружи. Они безмолвно стояли у каждой двери, не реагируя на его появление. Всюду ярко горел свет, создавая ощущение рабочей обстановки в условиях полной тишины. Пока поднимался наверх, тишину нарушали только его шаги.

Длинный коридор третьего этажа был залит ярким светом. Кругом порядок, чистота. Ни одной фигуры в медицинском халате. Вдоль стен - молицейские мундиры у каждой двери. Лишь одна дверь слева по коридору открыта. Перед ней по коридору столик с настольной лампой. За ним вместо дежурной сестры сидит инспектор. Он так же неподвижен и безмолвен, как фигуры у дверей. Если бы не знакомая Марку лысина сидевшего за столом, он принял бы этого типа за ночного сторожа. Тот сидел, опираясь локтями на стол, спрятав лицо в ладонях. Словно спал. На звук шагов он обернулся, и Марк улыбнулся ему, присаживаясь за столик:

- Привет, дружище! Что? Сегодня ночь пожилых людей? Молодежь нас никого не нашли? - им не надо было знакомиться.

- Начальству видней. Почему так долго? Тут уже все разъехались. Чёрт бы их всех побрал. Я от них натерпелся страху

больше, чем от всех жуликов, что мы с тобой переловили, - старина Боб не говорил, а ворчал. - Я даже с тобой боюсь говорить теперь, хотя ты единственный, с кем я должен делиться информацией! Нужна мне эта информация на старости лет, - он покачал головой. - Теперь ходи и оглядывайся. А мне на Эдеме уже местечко присмотрели.

Марк похлопал его по плечу:

- Брось, старина, на Эдеме нас с тобой ждёт хорошая рыбалка! Там всё, как на Земле, только приятней после гонимости.

- Всё! Хватит! - Боб резко вскочил с места. - Идём! Идём туда, в операционную. Тебе ещё не доводилось такое видеть. Я уже всё осмотрел, - дальше двери он не пошёл, пропуская Марка вперёд.

За дверью находилась операционная. Вернее, раньше это была операционная. Теперь она не походила на место, где спасают жизни людей. В картине общего хаоса казалось, что ни один предмет в помещении, включая мебель, не остался на своём месте. Только операционный стол, смонтированный в пол, оказался не под силу разрушительному урагану, оставившему после себя пять трупов.

Старина Боб был прав. Такого видеть не приходилось.

Стеклянные шкафы вдоль стен были беспорядочно сдвинуты, с разбитыми дверками, стенками, без полок. Их содержимое валялось на полу - какие-то зажимы, ножи, инструменты, приборы разной формы, размеров, цвета покрывали пол, хаотическим блеском сверкая под ярким освещением. Невозможно было пройти, чтобы не наступить на них. Один из двух столов был опрокинут. Вокруг него растеклась вязкая зелёная лужа с осколками сосуда из тёмного стекла. На втором столе, сдвинутом в угол, между шкафами, запрокинувшись через спину, поперёк стола, лежало тело в медицинском халате. Это был мужчина крупного телосложения. Руки запрокинуты вниз.

Марк, не обращая внимание на хруст и бряканье под ногами, приблизился к столу и заглянул за него. Лицо трупа плотно прикрывала медицинская маска. Из-под маски, выпирая наружу, торчали глаза, застывшие в последний миг

жизни. Голова с выпиравшими наружу глазами тихонько покачивалась над полом, как будто она была не на шее, а на тоненькой верёвочке, соединявшей сейчас её с телом.

Да, такого способа убийства видеть не приходилось.

Марк изучал обстановку. Никаких мыслей не было. Молодёжь в отделе давно пользовалась в таких случаях услугами науки и при осмотре места быстро записывали в память всю обстановку, чтобы потом сбросить изображение из головы на компьютер и в отделе спокойно изучать записанное чипом видео. Марк привык полагаться на свой опыт, на свою память, на свою интуицию. Они не подводили его, только поэтому шеф до сих пор терпел его отказы от прививок новыми и новыми чипами, обязательных для всех сотрудников.

Второй труп лежал у самого стола, вытянувшись вдоль него, с разбросанными в стороны руками. Женщина средних лет. Голова запрокинута набок, словно бутон розы на сломанном стебельке. Сомнений не было в том, что человеку не под силу так изуродовать шею другого человека. Третий, женский, труп лежал под разбитым окном. Труп не был обезглавлен, как ему сначала показалось. Приблизившись, он увидел, что голова на изуродованной шее подвернулась под тело и оказалась под ним после падения. Можно было только разглядеть светлую прядку волос, которую слабо шевелил ветер, сквозняком гуляя от дверей до окна.

Марк продолжал делать свою работу. Ещё один труп женщины, четвёртый, лежал ближе к двери. Женщина была старше всех остальных. Она или входила или пыталась выйти, когда смерть настигла её, превратив шею в тонкую жилу между туловищем и головой, свёрнутой на сторону. Широко раскрытые глаза уже ничего не видели. Посиневший язык торчал изо рта, самым кончиком касаясь пола.

Да, такого Марку не доводилось видеть. Он запоминал и фиксировал в памяти каждую деталь. Никаких эмоций не было. Какие эмоции после двадцати лет работы в отделе по раскрытию убийств?

Наука шагнула далеко в своих попытках улучшить человека, возможности его тела. К услугам людей сотни чипов, создающих удобства, обеспечивающих комфортную жизнь и

облегчающие труд. За годы службы Марку пришлось убедиться, что все эти рекламируемые подкожные гаджеты и всякие смарт девайсы не способствовали улучшению природы человека. Увы. Работы у его отдела не стало меньше. Учёные улучшали свойства тела, расширяли его возможности, прекратили его старение. Тайны души им до сих пор не подвластны.

Марк ловил преступников. Спустя годы, они снова попадались ему, чтобы понести наказание. Не было чипов для прививки в их души, которые вызвали бы у этих преступников желание вышивать крестиком, рисовать картины или садить цветы. Работа его будет нужна, пока наука не научится улучшать природу человека, уничтожая в нём корни криминала, толкающие на преступление против других людей. Но подвластны ли науке эти корни? Марк не знал. Ему было не до этого.

За всё время осмотра он не проронил ни слова. Боб терпеливо стоял, привалившись к косяку двери. Осмотр подходил к концу. Там был ещё один труп. На операционном столе. Молодой, спортивного телосложения, мужчина. Нижняя часть тела прикрыта простынёй, видимо, перед операцией. Лица не видно из-под кислородной маски. Она выглядела нелепо на голове, неестественно свисавшей вниз, напоминающая большой бильярдный шар в пластиковой лузе. Но это было ещё не всё. У тела на столе не было правой руки. Напрочь. Она была ампутирована по самое плечо. Видимо, для этого тело и лежало на столе.

Марк огляделся вокруг. Руки он не обнаружил. Ни старой, ни новой. Ведро возле стола было пустым. Новую руку не успели вырастить, судя по валявшемуся на полу нанопринтеру с открытой дверцей и треснувшим корпусом.

- Где же рука? - возник первый вопрос за всё время осмотра, когда он выходил в коридор. Когда сели за столик, Боб первым нарушил молчание своим ворчанием:

- Я не знаю, зачем меня вызвали. Всё равно тебе вести расследование. Наверное, только за тем, чтобы охранять эту дверь от всех. Из остальных дверей никого не выпускают. - Свидетели есть?

- Всё началось с того, что дежурному позвонил таксист. Он проезжал мимо больницы и увидел, как из окна на третьем этаже что-то вылетело и исчезло. Так мне сказали после того, как привезли сюда, где всё уже было оцеплено. Кого тут только не было! Всё какие-то штатские, чиновники.

- Мне босс звонил, из столицы, - перебил его Марк. - Говорят, что государственное дело, - он пожал плечами. - А тут чертовщина какая-то.

- Вот, вот, - согласно закивал Боб. - Меня совсем запугали государственной тайной. Не иначе, большие деньги замешаны, раз такая возня вокруг.

Марк снова перебил его:

- А что в больнице?

- Есть одна девчонка. Дежурная медсестра. Это её столик. Она была под ним без сознания. Ей сделали укол. Она рядом, в палате. В операционной находились хирург, анестезиолог и операционная сестра. Дежурная смена. Ты иди к ней, а мне это не надо.

Марк услышал в голове знакомую трель звонка шефа. Он мгновенно махнул ладонью левой руки вдоль лба, словно отгонял муху. Звонки прекратились. Его мысли мешали привычно реагировать на звонки. Он думал о другом. Войдя в темноту палаты, Марк оставил дверь открытой, чтобы не включать свет. В двухместной палате одна кровать была аккуратно заправлена. Он взял стул и подсел к другой кровати, у окна. Медсестра была совсем молоденькой. Она уже пришла в себя, но её трясло мелкой дрожью.

- Ну, успокойся. Всё хорошо, - он налил из графина воды в стакан и подал ей. Подождал, пока та выпила и вернула стакан.

- Спасибо, - услышал он её тихий голос и обрадовался:

- Вот и славно. Мне нужна твоя помощь. Я инспектор. Меня вызвали разобраться в том, что тут произошло. Ты мне поможешь?

Она молча кивнула. Марк хорошо видел её бледное лицо, освещённое с двух сторон - светом из коридора и со стороны окна, за которым всю продолжал светить Эдем.

- Кого оперировали сегодня ночью? Ты знаешь? Можешь

мне сказать? - медленно спросил он, проговаривая каждое слово, словно боялся спугнуть её.

Он увидел, как после его слов она облегчённо вздохнула. Маска напряжённого ожидания растаяла на её лице. Видимо, она боялась, что её сейчас спросят о чём-то страшном.

- Да, конечно, я знаю, - голос звучал тихо, но спокойно. - Вечером привезли с электроподстанции электрика, молодого парня. Ему нужна была срочная ампутация руки. Я слышала, что он попал под напряжение десять киловольт. Приехавшие с ним говорили, что он остался жив только потому, что ток прошёл через его руку от ладони до плеча, минуя сердце. Он находится без сознания, но дышал и сердце билось. Его сразу провезли в операционную и вызвали принтер-оператора для выращивания новой руки.

- Молодец! - подбодрил её Марк, - он знал теперь, что за женщина лежала у двери. - А где в это время была ты? Кстати, как тебя зовут?

- Меня зовут Ия. Тогда я только приняла смену и всё видела.

- Что всё? - напрягся Марк, опасаясь истерик памяти.

- Видела, как его привезли в операционную. Я сидела за своим столом и заполняла формуляры. Я помню всё, - перешла она на шёпот. Марк не торопился.

- Всё резко изменилось. За дверью я услышала громкий крик. Кричал наш хирург. Потом грохот, словно там всё переворачивали вверх дном. Один крик, тут же другой страшный крик. Один за другим. Я вскочила с места и бросилась к двери, услышав звон разбитого стекла. Очнулась я здесь. В палате. Не знаю, чем я Вам могу помочь. Мне самой нужна помощь. Мне нужно стереть из памяти то, что я увидела.

- Ты мне очень помогла, как никто, - успокаивал Марк. - Всё будет хорошо. Тебя избавят от страшной информации. Отдыхай.

Выходя из палаты, он успел удивиться:

- Странно, что ей до сих пор не стёрли память. Впрочем, информации там ноль и для меня, и для государственной безопасности. Ясно одно, что преступник, кто бы он ни был,

покинул место преступления через окно. Хоть что-то удалось выяснить, - большего он не успел.

От прикосновения левой рукой ко лбу голова сразу наполнилась знакомой трелью. Звонил шеф.

- Алло! Слушаю!

- Ты зря выключил хедфон! А я зря повёз тебя в больницу! Скоро у тебя будет новый шеф. Ты где пропал?! Забыл, что тебя там ждут? В этот раз ты не с того места начал расследование. Я за это уже поплатился. Чья очередь следующая? Твоя или босса? Посмотрим, - голос пропал.

Вместо того, чтобы присесть рядом с Бобом за столик, Марк быстро прошагал мимо него к лестнице, на первый этаж. Внизу его ожидал не только человек в чёрном костюме. У крыльца стоял гравикоптер городского класса. Внешне он отличался от старинных вертолётов только отсутствием громоздких винтов. Летал он по другим законам, без всяких винтов. Марк терпеть не мог гравикоптеры и, как мог, старался избегать. Хорошо, что у них на службе был транспорт подешевле - аэрокары. Скорость передвижения на них обеспечивалась не достоинствами аппарата, а многочисленными «мигалками» и сиренами, расчищавшими для них путь на любых горизонтах воздушных трасс города.

Сейчас его утешала мысль о том, что он не позавтракал. Обычно полёт на гравикоптере заканчивался для него плачевно. Содержимое желудка после посадки оказывалось частью на брюках, частью в салоне, из которого он мешком вываливался после приземления под недовольные крики пилота. Видимо, голос босса продолжал звучать в голове, судя по тому, как безропотно он сел в пассажирское кресло и пристегнулся ремнями. Его организм не выносил чувства невесомости.

Гравикоптер поднимался выше и выше над ночным городом, а ему казалось, что они падают и чувствовал, как его внутренности поднимаются вверх, вверх, под самое горло, вызывая чувство тошноты. Да, хорошо, что он не позавтракал.

Они продолжали подниматься, двигаясь к центру города. Вскоре, буквально перед собой, Марк увидел махину са-

мого высокого небоскрёба, по всей длине крыши которого сияла надпись: IDEAL MAN CORPORATION. Небесный свет Эдема не мог соперничать с ярко-красным сиянием, льющим с крыши. Гравикоптер пролетел между громадными буквами и опустился за ними на площадке.

Вместо того, чтобы заниматься расследованием, Марк шагнул за «чёрным костюмом» и ломал голову над тем, какое отношение он имеет к этому небоскрёбу, что накрыл своими буквами весь их городок и пометил такими небоскрёбами весь мир. Он ожидал встречи с какой-нибудь секретной государственной службой, отдающей приказы министрам. Ему оставалось теряться в догадках, пока стоял рядом с «чёрным костюмом» в лифте, пока шёл за ним по длинному коридору с мягким покрытием. Когда-то это должно закончиться.

Но всё только началось, когда он остался один на один в кабинете с тем, кто его ждал.

Кабинет имел неожиданно простецкий вид. Вокруг не было золота, картин, дорогих украшений или иных «прибамбасов» дорогой жизни. Не ожидая приглашения, Марк удобно расположился в глубоком кресле с высокими подлокотниками, закинув ногу на ногу, всем видом показывая, что не считает себя пленником чужой воли, по которой оказался здесь.

За столом, напротив, сидел чиновник в невзрачном костюме, неброской наружности, какая бывает у миллионеров, сколотивших состояние за долгие годы каторжных усилий, да так и оставшихся в чёрном теле стяжателя. Его лысая голова во многих местах бугрилась от вшитых в неё чипов. Видимо, он напичкан был ими сверху донизу. Пухлые щеки сбивали с толку, придавая чиновнику детский вид. Марк опередил его своим вопросом:

- Хотел бы я знать, зачем меня сюда привезли. Я никакого отношения не имею ни к совершенному человеку, ни к его делам, которыми вы тут занимаетесь. Те, с кем мне приходится работать, далеки от совершенства, более того, оно им не грозит в принципе. Сейчас я должен быть в другом месте.

- Я знаю, - пропищал чиновник тоненьким голоском, от звука которого Марк чуть не рассмеялся.

Заметив его реакцию, чиновник потёр левое ухо и заговорил приятным баритоном:

- Я знаю. Вы будете там, где Вам положено. Мне бы хотелось, чтобы Вы, как и Ваш министр, осознали серьёзность ситуации и сделали правильные выводы в интересах государства. Не стоит забывать, что интересы государства напрямую связаны с интересами нашей всемирной корпорации. Вы согласитесь с этим, если узнаете какой вклад вносит наша фирма в бюджет вашего государства. Короче. Времени у нас нет. Вы зря потратили его в больнице. Ваш шеф это уже понял. Его должность освободилась. От Ваших дальнейших действий будет зависеть Ваше будущее. Теперь о главном. Могу Вас обрадовать и уверить в том, что преступление в больнице Вы успешно раскрыли и нашли преступника. Да-да, не удивляйтесь. Не стоило терять время. Все убийства совершил тот парень с операционного стола.

Нога Марка соскользнула с колена и со стуком опустилась на пол, но чиновник не обратил внимания:

- Вас не удивить подобным. Дело было так: парень очнулся от болевого шока и сознание его вышло из-под контроля. В стрессовом состоянии он убил четырёх медицинских работников и был обезврежен Вами при задержании. Все знают Ваше мужество. Это не будет ни для кого новостью. Я думаю, все будут восхищены, когда на пресс-конференции узнают от Вас об этом. Да, пресс-конференция состоится завтра, - чиновник бросил взгляд на настольные часы. - Нет, уже сегодня, во второй половине дня. Пресс-зал мэрии готовят для этого, а Вас доставят туда в нужное время.

Чиновник скривил тонкие губы. Видимо, он улыбался. Баритон из-за стола приятно ласкал слух и больше подходил бы какому-нибудь герою-любовнику из сериала, чем этому сморчку невзрачной наружности.

«Что-то он опять напутал с голосом», - невольно подумал Марк, пока слушал его речь, не имея возможности прервать монолог, где всё было «разложено по полочкам», включая его личную роль во всём этом деле. Марк знал, что без ответа на свой вопрос он не уйдёт и терпеливо ждал. Чиновник словно угадал его мысли:

- Вот, собственно, и всё. Поздравляю с успешным расследованием страшного преступления, новый шеф криминального отдела! - он откинулся на спинку кресла, скрестив руки на груди. - Сейчас Вас доставят, куда пожелаете. Думаю, что на месте преступления Вы ничего нового не узнаете, - усмехнулся он. - Должен добавить, что о судьбе погибших никто ничего не знает. Так будет вплоть до самой встречи с журналистами. Никакой утечки информации. Надеюсь, что министр справится со своей задачей лучше, чем Ваш шеф. Ну так? - его руки сделали жест в сторону двери. - Вы свободны. И успехов на новой должности.

Марк не торопился покидать кресло:

- Спасибо за пожелания, хоть я понятия не имею о том, кто мне это пожелал. Я Вас внимательно выслушал. Мне кажется, что я имею право на один-единственный вопрос по этому делу, почему-то связавшему меня с вашей фирмой.

Чиновник подался всем телом вперёд, словно весь обратился в слух и неожиданно пискнул тоненьким голоском:

- Да, я Вас слушаю.

На этот раз его голос не вызвал улыбку:

- У меня один вопрос: какой Ваш интерес во всём этом и зачем это надо Вам и Вашим хозяевам?

Чиновник снова откинулся на спинку кресла:

- Это надо нашей корпорации. Она занимается чипизацией населения по всему миру много лет. Её продукцией пользуются миллионы и миллионы по всему миру и уже не мыслят жизни без электронных помощников. Человечество развивается благодаря техническому прогрессу, а наша корпорация стоит во главе прогресса. Нельзя допустить, чтобы возникла угроза успеху нашей деятельности из-за нелепицы, случайного события, никем не предусмотренного, - голос его опять зазвучал приятным баритоном.

Марк покачал головой:

- Мне это ни о чём не говорит. При чём тут преступление?

Чиновник забарабанил пальцами по столу, бросая взгляды по сторонам, словно искал поддержки. Заметив это, Марк понял, что вся их беседа проходит под прицелом видеокамер.

- Всеми виной Ваша репутация, - снова запищал чиновник.
- Было опасение, что Вы всё равно бы докопались до истины в поисках виновного. Здесь другой случай. Не должно быть никаких сомнений в выводах расследования, - его писк мешал всерьёз воспринимать смысл слов.

Марк не выдержал:

- Что у Вас с голосом?

Вместо ответа чиновник коснулся левого уха:

- Не обращайтесь внимания. Новая модификация. Не успел подобрать нужный режим, - голос стал низким, с хрипотцой.
- Всё, что я скажу Вам, не может быть озвучено за дверями этого кабинета, каким бы голосом Вы ни говорили! Это в Ваших интересах. Да и никто Вам не поверит. В лучшем случае Вы окажетесь в сумасшедшем доме. Об этом позаботятся. Вам это надо? - его хриплый голос теперь придавал важное звучание каждому слову.

- Мне это не надо. Я слушаю, - Марк снова закинул ногу на ногу.

Ну, хорошо, - вздохнул чиновник. - Вы сами этого хотели. Всё дело в руке того бедолаги, что привезли на ампутацию. От несчастного случая пострадала не только его рука. Пострадали чипы, вшитые в руку. Пострадали от сильного электромагнитного поля и от тока, что прошёл по ним. Вся проблема в них. При испытаниях приборы никогда не подвергались таким воздействиям. Такой режим не был предусмотрен. Никто бы не мог сказать о их реакции на воздействие таких факторов. У того парня в руке вшиты три чипа разного функционального назначения.

Я работник системы безопасности интересов корпорации, а не учёный и владею знаниями в пределах той информации, которой меня обеспечивает наш технический отдел. Этого достаточно, чтобы описать проблему в общих чертах. Наш Центр ведёт непрерывный мониторинг состояния чипов по всему миру. Это касается всех клиентов, включая и Ваши чипы. Что насчёт того парня, то его чипы просто оказались не в то время не в том месте. Репутация фирмы не должна пострадать из-за такой нелепицы, из-за случайности.

Сигнал об аварийном режиме пришел в Центр сразу, в

момент несчастного случая, с указанием адреса происшествия и фамилией владельца чипа с искажёнными параметрами. Наши службы уже тогда опасались последствий и отследили маршрут движения повреждённого чипа. Меры были приняты, практически, мгновенно. Гораздо раньше, чем Вы оказались в больнице. Одновременно с этим были задействованы лучшие мозги - и человеческие, и электронные. Смоделировали ситуацию, в которой оказались повреждённые чипы и изучали изменение их характеристик, варианты возможных последствий под воздействием экстремальных факторов, на которые те не были рассчитаны. Не учли того, что медики сработают быстрее. Это их и погубило. Только после трагедии сообразили, как можно было её избежать. Величина импульса, накопленного одним из чипов, оказалась гораздо мощней, чем показали данные мониторинга. Ни у кого в голове тогда не могла возникнуть мысль о заземлении пластикового операционного стола. Увы, - развёл руками чиновник, - всё случилось во время операции, в момент отделения руки от тела, когда в Центре зафиксировали многократно увеличенный скачок импульса энергии, накопленного чипами. Импульс был такой, что в Центре выгорел блок информации, содержавший данные о параметрах повреждённого чипа. Никаких данных не осталось, чтобы установить из трёх чипов виновника трагедии, в котором произошёл сбой программы. Чип не принимал команды, а отдавал их, управляя рукой. Он направлял её, как на маяки, на сигналы чипов, находящихся в операционной.

Судя по всему, импульс энергии в руке накопился огромный. Разряд произошёл за какие-то секунды. Когда вокруг не осталось «маячков», рука устремилась в никуда. Просто вперёд. Знаете, примерно, как надутый шарик, если его не завязывать, а выпустить из рук - никто не знает, куда забросит его воздух, с силой выходящий наружу. Это случайно, что рука вылетела через окно. Попадись на её пути стена, было бы то же самое. Только для Вас в этом случае всё выглядело бы ещё загадочней, - не сдержал усмешку чиновник:

- Как Вам такое преступление? Вы бы нашли преступника?

Кто тут преступник? Всего лишь технический фактор. Сбой параметров. Непредвиденный случай. В древние времена освоение космоса тоже стоило немалых жертв, - чиновник снова откинулся на спинку с видом человека, довольного своей работой.

После паузы Марк заговорил, словно расставлял слова по минному полю, осторожно:

- Преступника в этом деле найти несложно. Ваша корпорация. Преступление совершено вашей продукцией, на которую фирма даёт гарантию и за которую отвечает.

Дальше он не успел договорить, потому что «минное поле» сработало и разразилось взрывом громкого крика:

- Всё! Пошутили и хватит! - чиновник орал громким басом, стуча кулачком по столу. - Всё это Вы будете рассказывать в сумасшедшем доме мухам, ползающим по оконным решёткам! Прямо с пресс-конференции Вас туда и отправят!

Марк не собирался вставать с кресла:

- Конечно, там, в больнице, я был далёк от мысли подозревать руку. У меня вообще не было никаких версий и мыслей, - признался он.

- Вот это и плохо. Когда нет мыслей. Возникают сомнения, сомнения порождают слухи. Слухи порождают недоверие, потерю интереса. Всё это не должно касаться репутации фирмы, - чиновник сделал резкий жест, словно смахивал со стола невидимый хлам.

Марк признавался самому себе, что его знаний не хватило бы для того, чтобы обвинить в преступлении крошечные чипы, управлявшие рукой-убийцей. Вместо чувства радости и гордости за раскрытое преступление нарастало недовольство. На кого? На себя? На чиновника? На фирму? Марк не понимал этого. Что-то продолжало удерживать его в кресле. Он посмотрел на чиновника. Тот видел в нём муху, крепко попавшую в паутину могущественной корпорации. Вырваться из неё невозможно. В ней сидят миллионы, целые государства. Он и раньше находился в ней, но как клиент. Теперь он её жертва, как и тот парень на операционном столе. Паутина корпорации «Совершенный человек» уравнила их. Чему было радоваться?

Для чиновника он был не только мухой. Трупом, про который всё решено. За которого всё решили. Осталось только уйти и сыграть свою роль. Но он не вставал. Неожиданно он нарушил молчание:

- Это что же получается? Вы вшиваете по всему миру людям чипы, свойства которых до конца не изучены?

Чиновник снисходительно скривил рот:

- Всё предусмотреть невозможно. Вы в своей работе не раз убеждались, я думаю. Наша продукция проходит испытания в широких диапазонах. Согласитесь, что нет необходимости подвергать её воздействию солнечной плазмы или испепеляющими дозами радиации. Человек выдерживает воздействие среды в гораздо меньшем диапазоне. Как правило, чипы сохраняют работоспособность там, где от человека остаётся кучка золы. Надёжность нашей продукции намного превышает надёжность человека.

- Но что ещё можно ожидать от вашей продукции? Вы это знаете?

- Нет, - развёл руками чиновник. - Этого никто не знает.

Марку стало не по себе:

- Вы не лучше тех учёных прошлого, по вине которых Земля чуть не превратилась в горошину. Они тоже не знали, чем закончатся их эксперименты. Но им было интересно. Интересно посмотреть, что получится? Ими двигало любопытство гениальных безумцев, а не здравый смысл, когда они играли свои андронным коллаидером. Здравый смысл восторжествовал. Их остановили. Деятельностью вашей фирмы правит не любопытство. А жажда наживы. Желание управлять людьми, как роботами. Это ещё дальше от здравого смысла. Раньше учёные ставили под угрозу существование Земли. Теперь угроза неизвестности грозит человечеству. Где здравый смысл, который остановит вас?

Марк встал с кресла. Он не знал, зачем всё это говорил. Из паутины фирмы все слова звучали пустым звуком.

- Куда Вас доставить? - прозвучало в ответ.

Марк посмотрел на часы. Наступало утро. Тонированное окно кабинета скрадывало утренние краски:

- Мне в Управление. Надо всё обдумать. Голова идёт кру-

гом. Гравикоптер доставил его на место. Прежде, чем идти в Отдел, Марк зашёл в буфет и позавтракал, придя в себя после невесомости. Войдя в кабинет, запер дверь на ключ. Видеть никого не хотелось. В голове возникли не мысли, а желание покоя. Он не заметил, сколько времени просидел в забытии, когда раздался стук в дверь. За дверью оказалась молодая женщина с маленькой девочкой.

- Вы ко мне? - обычно к нему приходили по повестке.

- Да, мне сказали, где Вас найти.

Он пропустил её в кабинет и усадил на стул, заняв своё место. Девочка ходила по кабинету, разглядывая обстановку.

- Слушаю Вас.

Глаза женщины были опущены вниз, словно она разглядывала куклу в её руках.

- Я жена Алекса, - представилась она.

Марк ждал продолжения.

- Он сейчас в больнице, куда его ночью привезли. Меня не пустили. Туда никого не пускают. Говорят, карантин. Я только знаю, что ему должны оперировать руку.

Марк непроизвольно вздрогнул. Он хранил молчание.

Женщина не знала, как продолжить и теребила куклу на коленях:

- Мы прожили вместе десять лет. Недавно заказали себе ребёнка. Девочку Анну...

Девочка услышала своё имя и подошла к маме, уткнувшись ей в колени.

- Алекс, он добрый... Он не

мог. Вы разберитесь, прошу Вас, - губы её дрожали. - Дочка очень любит отца.

На колени капнула слеза, вторая. Голос становился всё тише. Голова опускалась всё ниже:

- Мы хотели клонировать его, если потеряем. У меня есть деньги, да, - она замолчала и с трудом продолжила. - Но преступников не клонируют. Вы знаете. Никто не разрешит. Он не мог. Вы разберитесь, - слёзы капали одна за другой, и дочка подставляла под них свои ладошки.

- Не надо, не балуйся, - пыталась выговаривать ей мама, приложив к лицу платок.

- Это моя работа - во всём разбираться, - как можно быстрее поспешил ответить Марк.

Слёзы он не выносил. Даже не предложив ей воды, он суетливо выпроводил их за дверь и снова запер её.

Голову лихорадило: «Как?! Откуда?! Что она знает?! Неужели дело шито белыми нитками, которые теперь торчат на глазах у всех?! А портным окажусь я!»

Марк метался по кабинету. Он не искал выхода. Голова искала выхода из его ситуации. От репутации такого «портного» не спасёт ни одна должность. Ничто его не спасёт, даже Эдем. От себя не убежишь и не улетишь. Вдруг его молнией пронзила мысль:

- Этот разноголосый сморчок ни словом не обмолвился о судьбе руки-убийцы. Что с ней? Где она? Это самый главный след, который не спрятать, если она будет и дальше убивать. Когда ещё учёные смоделируют её поведение? Что от неё ждать?! Зато я понял другое - почему она не задушила дежурную медсестру, пролетев мимо неё. Рука реагировала на сигналы чипов, вшитых в шею. Таких у неё не было. Всё очень просто. По возрасту ей ещё рано было вживлять чипы в шею. Что мне это даёт? Ничего, - Марк пытался успокоить себя:

- Значит, парня звали Алекс. Все убийства «повесят» на него. Это должен сделать я, - Марк снова вскочил с кресла и заметался по кабинету. Он заметил несколько слезинок у стола и отвернулся к окну:

- Да, преступников не клонируют. Почему она завела об

этом речь? Что она знает и откуда?! Единственная улика - исчезнувшая рука. Она не может говорить, она может только совершать действия. Больница блокирована. Официально о преступлении и его расследовании станет известно только на пресс-конференции. Только тогда парень будет объявлен убийцей. Неужели утечка? Неужели будет новый министр? Я должен объявить о расследовании убийства, назвать имя убийцы. Родные не смогут его клонировать. Настоящая версия означает для меня один путь - в сумасшедший дом. Сумасшедших не геронтизируют. Зачем? Эдем для них закрыт. Свою жизнь они заканчивают на Земле.

Его мысли прервал незнакомый звонок в голове:

- Алло! Слушаю!

- Вы не забыли о пресс-конференции? - пропищало в голове, словно он опять сидел в секретном кабинете.

Марк обрадовался:

- Нет! Только она не имеет смысла, пока не найдена главная улика, - у него не повернулся язык сказать «рука».

Но чиновник понял его:

- Об этом не беспокойтесь. Блок Центра мониторинга восстановили. В поле обзора нет аномальных отклонений. Объект не проявляет себя. Чип может управлять энергией, а если её нет, то он превращается в безобидную булавочную головку, неприметную глазом. Так что готовьтесь! Пресс-конференция будет недолгой, в отличие от Вашей карьеры! - голос исчез.

Марк обнаружил, что стоит посреди кабинета. Он в изнеможении опустился в кресло. Ничто не грозит его репутации: «Может, поискать руку вокруг больницы? Зачем? Обугленный кусок мяса не привлечет внимание даже собак. Я не спросил имя у жены Алекса. Впрочем, зачем? Осталась только одна версия. Железобетонная».

Это слово вдруг придавило его к столу, словно залило своей массой весь кабинет, от пола до потолка:

- Надо встряхнуться. Собраться. Уверенный взгляд. Громкая речь. Энергичные движения - имидж победителя. Без этого никуда. Десятки журналистов, прямая трансляция. Всё, как обычно.

- Да! Я буду готов! - громко прозвучало в пустом кабинете, как будто он опять говорил по хедфону. Но он говорил сам с собой. Это не помогло. Он не заметил, как уснул за столом.

Страшный грохот в дверь вернул его к действительности. Снаружи барабанили руками, пинали ногами, орали на весь коридор:

- Срочно! На вызов! Приказ министра!

Выскочив в коридор, он словно попал в плотный поток, подхвативший его по коридору к самому выходу, наружу. Он не сопротивлялся. Краем глаза уловил промелькнувшее сбоку лицо шефа. Битком набитый аэрокар взмыл вверх под завывание сирен и мерцание «мигалок». Они мчались к чёрному столбу дыма, поднимавшемуся над городом. Основание столба внизу украшали языки пламени. Наверное, этот столб видел весь город.

- Куда летим? - наконец произнёс он.

- Ну, инспектор, Вы даёте! Весь город сбежался! Больница горит! Так горит, что уже не спасти! Сам министр дал приказ разобраться. Да что толку? Такой огонь. Пожарные бесильны. Похоже, вся больница выгорит!

Марк видел, как молодёжь прильнула к окнам. Они торопились закачать в память чипов жуткое зрелище.

Когда подлетели к больнице, с трудом нашли место для посадки. Молицейские начали вытеснять толпу от больницы в проулки. Пожарные гравикоптеры заливали пожар сверху. Его размах был им уже не по силам. Пытались уберечь соседние здания.

Марк стоял возле аэрокара и не разделял всеобщего возбуждения. Его успокаивала одна мысль: «Пресс-конференция не состоится».

12. 2020

ЧЁРНОЕ МОРЕ СТРАХА (реалистическая фантастика)

Описываемые ниже события произошли в другой Галактике, на плохой планете, обитателям которой неведомо слово «стабильность».

Обитатели планеты живут в городах. Но каждый из них обитает в своём море. В море забот, в море наслаждений, в море работы, в море увлечений. Все эти моря лишь часть того моря, что поглотило планету.

1

Он резко сбросил скорость, убрав ногу с педали, и потянул рычаг на себя. Гравикоптер послушно спланировал вниз с нижнего горизонта, опустился на проезжую часть улицы, замерев у самого тротуара. До центральной площади оставался один квартал. Вадим знал, что воздушное пространство площади закрыто для частных полётов. Но он не мог знать, что в тот день площадь была недоступна и для наземного транспорта. Да это и не могло интересовать его, на днях вернувшегося после шестимесячной командировки из далёкой, но горячей точки планеты. Уже несколько дней душа его ликовала, а тело наслаждалось обладанием того, о чём он мечтал много лет. Что ни говори, а гравикоптер - это не убогий кар, ползающий по дорогам. Достойная техника для успешных мужчин.

- Лиза может гордиться мной! - эта мысль радостной пружиной вытолкнула его из салона. Тут же сработал хедфон, и Вадим услышал в голове:

- Алло! Вадим! Ты всё помнишь?! Сначала в фарматеку, а потом в Елисейский, за продуктами!

- Да, дорогая! Помню! - весело ответил он. - Иду по плану и согласно списку, - он машинально похлопал рукой по карману, таких, по-домашнему приятных, гражданских брюк.

Вадиму всё было приятно. Приятно было слышать этот голос, который полгода звучал через тысячи километров. Теперь он был совсем рядом и ждал от него помощи. Приятно было, что теперь надо будет помогать, а не убивать.

Вадим огляделся по сторонам. Вроде полгода не был в городе, а такое ощущение, что прошло полжизни. Глаза отвыкли от знакомых улиц, знакомых домов, от лиц земляков, на которых не было ни грязных цветастых халатов, ни тюрбанов, ни чёрных масок, скрывающих звериный оскал и горящие ненавистью глаза. Каждый раз, возвращаясь в родной город, Вадим испытывал одно и то же. Среди родных улиц он чувствовал себя рукой, попавшей в уютную тёплую варежку. Так ему становилось хорошо и спокойно.

Шагая в сторону площади, Вадим не сразу заметил непривычную пустоту и тишину вокруг. На улице он был один. Ни транспорта на проезжей части, ни пешеходов на тротуаре. Ну и что? Какое ему дело? Главное - он дома. После шестимесячного однообразного пейзажа хищно ощетинившихся скал, Вадиму казалось, что дома вокруг улыбаются ему своими окнами.

Только перед самой площадью Вадим обнаружил, что улица перекрыта по всей ширине плотной цепью неподвижных фигур в чёрном с ног до головы. Чёрные шлемы с тонированными экранами вместо лиц придавали фигурам сходство с военными киберами. До них оставалось несколько шагов. Вадим не успел ничего подумать, не успел сделать эти шаги из-за голоса, что отвлек его и заставил остановиться. Сработал хедфон и в голове прозвучал голос:

- Алё! Вадыка! Привет!

Вадим стоял в нескольких шагах от чёрных фигур:

- Жэка! Ты?!

- И не стыдно тебе?! А?! Ты сколько дней, как вернулся и ни слуху, ни духу! Это, батенька, свинство! Если бы не твоя Лиза, то по всем остальным причинам такого поведения никакие оправдания не заслуживают прощения! Я только сейчас узнал, что ты вернулся. Когда увидимся? Ты где?

Вадим терпеливо ждал, когда друг выговорится:

- Я сейчас не дома, в городе. Зайду в фарматеку, потом в Елисеевский - и домой. Ты опередил меня. Собирался позвонить, да эти дни всё дела. Зато сегодня вечером, точно, отметим встречу. И мою мечту! - добавил Вадим.

- Да ну?! Купил всё же?! Ну, поздравляю! Это же мешок

денег стоит!

- Лучше вернуться с мешком денег, чем в мешке! Я его уже обкатываю. Вечером покатаешься! - по-мальчишески радовался Вадим. - Всё, до вечера! - но разговор на этом не прекратился.

- Какого чёрта тебя понесло на площадь? Там сегодня не до лекарств. Власти будут митинг разгонять! Ты что? С неба свалился? Ах, да. Откуда тебе знать? Ты ведь живёшь не по газетам, а по приказам. Может, это и к лучшему.

- Что у вас тут творится? - не выдержал Вадим. - Кто с кем воюет? Я, вроде, не привёз за собой изурехедов с гор, чтобы всё тут оцеплять, - пожал он плечами.

- Ладно, - прозвучало в ответ. - После поговорим. Уходи ты отсюда при твоём характере! Не твоё это дело!

Хедфон отключился, голос умолк.

- А я что? Я ничего, - добродушно подумал Вадим и вплотную подошёл к молчаливым фигурам, разглядывая их в упор. Его весёлое настроение вызывало шуточные мысли: «Если бы на каски эти молодцам добавить рога, а сзади украсить их хвостом, то они больше бы походили на чертей, подавших за длинным долларом служить земной власти. Видно там, в пекле, не балуют жалованьем. А может, там у них безработица и их там развелось больше, чем клиентов? Не огорды же им копать», - продолжал веселиться Вадим и широкая улыбка расплывалась на лице от уха до уха. Вместо хвостов он разглядел у них в руках длинные чёрные палки.

Ближайшая фигура сделала шаг вперёд и в сторону, не совершив при этом ни одного лишнего движения ни руками, ни головой.

- Во муштра! - восхитился Вадим. - Что бы ты делал с ней в горах? Там тебе не тут. Там горы. Там не площадь.

Из-за цепи вышла другая чёрная фигура, не ниже остальных. Тёмный экран шлема был открыт вверх, придавая фигуре вид благородного рыцаря с открытым забралом из детских книжек. Но этот вид нарушала чёрная маска на лице и можно было только догадываться, что под ней молодое лицо, а не обезображенное шрамами и не покрытое морщинами житейской мудрости лицо боевого ветерана.

- Куда? - резко спросила фигура, и глаза её смотрели в упор на Вадима. Казалось, что только рот и глаза оставались живыми, а всё остальное в этой фигуре замерло в ожидании команды, нажатия кнопки рукой, управляющей всем этим чёрным безмолвием. Настроение Вадима совсем не собиралось портиться. Душа его продолжала отдыхать вдали от стреляющих гор, оскаленных зубов.

- Что у вас тут такое? - дружелюбно спросил он. - Мне в фарматеку надо, что на площади. У вас тут учения или охраняете кого? Вы охраняйте, я вам не помешаю. Мне только туда и обратно согласно списку, - похлопал он по карману. - Жена, сам понимаешь, - развёл он руками.

Спокойный голос, приятельская улыбка сделали своё дело. Вышедший из-за цепи не проявлял агрессии. Он неуверенно переступил с ноги на ногу, что так не шло его грозному виду и без недавней резкости, неуверенно, с какой-то мальчишеской интонацией, произнёс:

- В фарматеку? Ну что ж, это можно. Нам нет дела до фарматеки. Можешь пройти туда и обратно. Один совет тебе. Иди вдоль домов, по тротуару, а не через площадь. На площади идёт зачистка. Можешь попасть. Никто разбираться не будет.

Слово «зачистка» резануло слух, ударило по нервам мыслью:

- Сопляк! Видел ли он, что такое зачистка горного бишлака? После этого форму не стирают. Её сжигают и одевают новую. И долго потом будет стоять в носу запах пороха, гари, горелого мяса.

Вадим мило улыбнулся глазам под маской и прошел на площадь мимо говорившего. Цепь молчаливо сомкнулась за ним.

За цепью улица выходила на широкую площадь, пересекая её от края до края. Добраться до фарматеки не составляло труда. Надо было свернуть налево, по тротуару, и пройти вдоль длинного дома, затем свернуть направо, вдоль другого дома, первого из тянувшихся вдоль площади. В нём и находилась знакомая Вадиму с детских лет фарматека с её медицинскими запахами. В детстве он так боялся их.

Вадим шёл вдоль дома, но глазами он был там, на площади, не в силах отвернуться от увиденной картины, от непривычного зрелища. На площади чёрных фигур, чёрных касок, чёрных палок было гораздо больше, чем снаружи. Их невозможно было бы пересчитать. Вадим недоумевал и машинально скользил взглядом по всей этой копошащейся безмолвной черноте.

Мало того, что площадь по всему периметру была окружена цепью чёрных фигур, так ещё на самой площади не было свободного места. Повсюду колыхались чёрные каски, сверкая на солнце многочисленными бликами. В центре площади с давних лет, сколько помнил себя Вадим, стоял высокий памятник. В праздники его широкий постамент использовали, как трибуну для ораторов или как сцену для артистов. Он возвышался над толпой и был виден из любой точки площади.

Вадим шёл и видел, что те, кто сейчас стояли там, на глазах у толпы, совсем не походили на артистов. Эти несколько человек. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу, в напряжённых позах. Словно в горах. Словно в ожидании выстрела из-за каждой скалы. На концерт это не походило. Один из них что-то кричал в микрофон и голос его громким эхом разносили динамики по всей площади. Но здесь, в стороне, Вадим не мог разобрать ни одного слова. Многократно отражённая окружающими площадь домами, речь напоминала бессмысленный сумбур. Вадим и не пытался к ней прислушиваться. У него было своё дело.

Шагая вдоль дома, Вадим вдруг заметил, что чёрные фигуры не просто стоят. Вся их масса на площади незаметно, еле-еле, двигалась в одном направлении, словно единый организм. Они сбивались в кучу всё плотней, оставляя позади свободное пространство. Двигались они в направлении памятника. Со стороны это было хорошо заметно.

Перед памятником стояла горстка людей. Об этом можно было скорей догадаться, чем воочию увидеть столпившихся там. Высокая чёрная стена с колыхавшимися наверху касками не давала возможности разглядеть попавших в живое кольцо. На военные действия это не походило. Нигде он не

видел оружия. Те, зажатые у памятника, тоже не походили на военных. Никаких угроз, проклятий, приказов он не слышал. Лишь несколько плакатов торчало перед памятником, возвышаясь над чёрной стеной.

Вадим миновал длинный дом и свернул направо, к дому, на первом этаже которого размещалась аптека. Расстояние до неё было гораздо меньше, чем до памятника. Всего несколько метров. Миновав узкий проезд между домами, Вадим заметил, что из-за домов в проезде показались две странные фигуры, и двигались они в сторону площади. Если бы не плакат над головой одной из фигур, можно было бы подумать, что они тоже хотят попасть в аптеку, медленно передвигаясь по проезду. Но Вадим уже шагнул по тротуару, совсем не ожидая, что шум и крики за спиной заставят его обернуться. Он был не глухой. Он не мог не обернуться. Вадим любил свою старенькую маму и не думал об этом впоследствии, как о смягчающем обстоятельстве.

Позади, в проезде, где только что не было никакого оцепления, он увидел три чёрные фигуры, выглядевшие гигантами на фоне тех двоих, кого они обступили. Это были пожилые мужчина и женщина, фактически, сухонький старичок и старушка. Им было бы более уместно сидеть дома у экрана телевизора, а не стоять здесь с плакатом. У кого из них был плакат - этого Вадим не успел понять. Плакат валялся на мостовой с переломанным пополам тоненьким древком.

Вадим невольно остановился. Никто не обращал на него внимания. Одни были заняты своим делом, другие - своей работой, для которой их пригнали на площадь в таком количестве.

К одному из обломков древка была прибит картонка, вернее, кусок картонки. Второй кусок, оторванный, валялся неподалёку. Вадим не задумывался над тем, зачем он это делает. Он просто стоял и машинально замечал все детали. Когда ещё сознание отвыкнет от необходимости контролировать обстановку, ловить каждый шорох. На целой когда-то картонке было намалёвано чёрным цветом большими буквами два слова, одно под другим. На той картонке, что оста-

лась на древке, были видны буквы «ПРЕЗИ» и «УХО». Бросив взгляд на другой кусок, Вадим увидел остатки слов: «ДЕНТ» и «ДИ!». Он невольно присвистнул: «А старички-то боевые. На президента замахнулись. Вот тут какая каша варится, пока меня не было». Длилось это какие-то мгновенья и ничто не предвещало вспышку. Ту вспышку, что не раз спасала его за полгода. Служивцы, кто без такой вспышки, возвращались домой не сами. Их привозили. Вадим сам боялся своих вспышек ярости и каждый раз долго приходил в себя, виновато спрашивая в палатке после боя:

- Парни, вы как? Я не перестарался? - Парни только молча хлопали его по плечу. Они опять остались живы.

Вадим оставался спокойным и добродушным. Какие к чертям вспышки? Здесь родной дом вокруг. Здесь мир. Здесь свои. Но вдруг, миг всё перевернулось. Мир треснул, и трещина прошла здесь, через проход между домами, через его душу, расколов сознание и выпустив прочь такое уютное добродушие.

Дальше была вспышка, потому что старушка медленно наклонилась в попытке дотянуться до сломанного древка. Наверное, жалко было оставлять полезную для хозяйства вещь, по привычке. Стоявший сбоку, ближе всех к ней, лениво потянулся в её сторону всей чёрной фигурой и легонько пихнул сбоку. Наверное, ему было скучно. Старушка неловко

завалилась набок, ударившись головой о мостовую. Старичок поспешно наклонился к ней, обращаясь по имени, но толчок сзади сбил его с ног, и он упал прямо на старушку вместо того, чтобы ей помочь.

Там, в горах, перед зачисткой биш-

лаков на час оставляли коридор для выхода стариков и детей. Если через час не вышел - тогда другое дело. Тогда мы враги.

«Что-то здесь сильно всё изменилось» - мелькнула мысль, чтобы сразу сгореть так же, как во вспышке ярости сгорало его сознание, каждый раз отключая мозг и оставляя одни рефлексy. Дальше телом Вадима управляли инстинкты, чутьё, реакция на окружающее, а не сознание. Только так можно было выжить. Если среагируешь раньше, чем ответишь на вопрос «А зачем всё это?»

Фигуры в чёрном были внушительных размеров и в высоту, и по ширине. Он успел ещё подумать: «В горах вам не выжить. Удобные мишени. Похоже, держать строй у этих чёрных получается лучше, чем всё остальное». Дальше была вспышка. В один миг Вадим оказался перед ними. Первым отлетел здоровяк, толкнувший старушку. На мостовой, скрюченный в три погибели, он уже не выглядел огромным и зловещим, да и вой из-под шлема никак не подходил к героическому облику. Длинная палка отлетела ещё дальше, но её хозяин забыл про своё орудие труда.

Работа с тремя объектами одновременно была всегда разминочным упражнением, поэтому в то же время в разные стороны разлетелись две оставшиеся фигуры. Получилось это у них гораздо проворней, чем можно было бы ожидать при их массивных фигурах. Шуму на мостовой от них было больше, чем от первого. Их приучали к чужой боли. К своей они ещё не привыкли.

Да, это была знакомая ему вспышка, страшная даже для сослуживцев, для него самого. Но он знал её только по войне. Откуда она взялась там, где он мог ждать её меньше всего?! Там, куда он уезжал спасаться от них, отдыхать, забыть эти вспышки?! Кого ему благодарить за это? Неужели он должен осуждать себя за неё и винить себя? Ни о чём таком Вадим не думал. Он пришёл в себя. Вспышка была малюсенькой. Все живы. Кругом был город. Свои. Он был дома. Вадим помог старичкам подняться. Старушка опиралась на обломок дровка, как на трость.

- Как вы себя чувствуете? - только и успел произнести он,

и тут же поспешно добавил. - Ступайте домой, быстрее!

Боковым зрением он заметил, что на площади всё изменилось. Даже динамики молчали. Стояла тишина, полная бесшумного движения. Казалось, вся площадь двигалась в сторону стонов и воплей, разносившихся с мостовой. Теперь это движение было не к памятнику, а от него. Вся чёрная масса мундиров, касок шевелилась единым организмом.

- Как тебя зовут? - услышал он в тишине голос старушки, но ответить не успел.

- Идите прочь отсюда! - махнул он им рукой и повернулся к площади, как всегда, в сторону опасности. Движение было заметно по всей площади. В тишине слышно было только бряканье касок, шелест чёрной формы, топот многочисленных ног. Он окинул взглядом площадь:

- Это что же, все на меня? Кто тут враг? Я или они?

Вокруг колыхалось чёрное море. Каски с чёрными экранами волна за волной накатывали со всех сторон от памятника, от дома, вдоль которого он шел, от аптеки, до которой он не дошел. Это было завораживающее зрелище. Оно могло сковать холодом страха любого. Вадим понимал, что ему не справиться, но и тонуть в этом черном море он не собирался после того моря смерти, из которого недавно вернулся. Вадим был спокоен. В чёрных рядах, набегавших на него, он не видел ни армейских излучателей, ни спецназовских плазмшек, ни лазерных резаков. Одни длинные палки. На него набегало море страха, а не смерти, чего ему было бояться? Волны накатывали ближе и ближе. Он уже слышал шумное сопение из-под шлемов тех, что в первом ряду, с палками наперевес, с мстостью за своих. Вадим забыл и про тех троих, и про старичков.

Широко расставив ноги, сунув руки в карманы, он стоял и ждал. Удар сзади по голове прервал его ожидания, отключил сознание. В горах он бы никогда не забыл про тех, что сзади. Это со стороны казалось, что чёрные волны сомкнулись над ним. Для него это были не волны, а ноги, топтавшие всё подряд. Ему повезло. Он ничего не чувствовал.

Сознание вернулось к нему звуками. Глаза были закрыты, но он не спешил их открывать, обращать на себя внимание. Темнота оказалась наполнена звуками, выдававшими чужое присутствие. Возня, шорохи, бормотание, шёпот, негромкие голоса окружали его. Голова болела, но это не вызывало опасений. Резиновые дубинки не могут её раскроить пополам, не могут лишить жизни. Их назначение - лишить всех вокруг желания действовать вопреки желаний её хозяина. Всего лишь. В городе достаточно и такого оружия в море страха для тех, кто не видел море смерти. Головная боль и голоса по соседству, совсем рядом, мешали собраться с мыслями. Он прислушался к шёпоту:

- Ты что? В первый раз? Здесь всё глушат. Связь не работает. Не дозвонишься, не пытайся, - торопливый мужской шепот.

Ему в ответ почти детский плаксивый шепоток:

- Я маме не успела позвонить. Ей нельзя волноваться, а я здесь, - всхлипнули вместо слов.

- Ничего не поделаешь, - успокаивал первый голос. - Продержат до утра, страху напустят и отпустят.

- Страху они ещё на площади напустили. В глазах черно до сих пор. А чего нас пугать? Мы что, преступники перед ними? Мы их выбирали, а они нас дубинками. Дескать, сделали своё дело и помалкивайте, пока не позовут опять. Похоже, надо самим дубинками обзаводиться. Не хотят нас слушать, - ворчал, а не говорил голос с другой стороны.

Вадим слышал монотонный, навязчивый шум, но это был не шум в голове. Темнота была наполнена шепотом многочисленных голосов со всех сторон, среди которых его слух улавливал отдельные фразы:

- ... да, отпустят, а то, что назначат штраф родителям - плевать. У них нет таких денег. Пусть этот штраф президент платит. Я здесь из-за него. Из-за того, что он президент, который нам не нужен...

- ... нет. Не видел. Когда меня повели, Макса держали двое чёрных, но здесь я его не видел...

Негромкие голоса сливались в один монотонный шум в

голове. Вадим не выдержал и открыл глаза. Боль неожиданым ударом пронзила всё тело. Так бывало после газовой атаки изурхедов, когда резь в глазах и слёзы. Сейчас была только боль, почему-то во всём теле, от одного движения бровей. Зато он увидел, где находится. Он лежал на жёсткой лавке вдоль стены. Единственный, кто лежал. Вокруг, сколько он мог видеть, глядя снизу вверх, стояли, тесно прижавшись друг к другу. Свободного пространства между людьми не было. Они находились в помещении, набитом до отказа. Лежал он не на боку и не на спине, приваленный к стене. Тела своего Вадим не чувствовал, пока не попытался сменить позу и сесть. Тело откликнулось резкой болью одновременно сверху и снизу, справа и слева. Она шла изнутри и со всех сторон, будто в теле не осталось ни костей, ни мышц, ни крови, а одна только боль.

Вадим неожиданно застонал и ему стало стыдно от чувства собственной беспомощности. Он не мог сесть. Его попытки заметили и тут же возле него присели на корточки несколько человек. Они все были моложе Вадима, явно студенческого возраста. Один из них, в очках, белокурый, в белой рубашке с надорванным воротником, заговорил первым:

- Мы постоянно требовали, чтобы тебе прислали врача для осмотра. Ты был без сознания и стонал. Но к нам даже не подходят. Такая им команда дана. У нас и туалет до утра будет здесь, где мы стоим. Не в первый раз, не ново, - говорил паренёк спокойным голосом. - Хорошо, что ты пришёл в себя. Так чёрные ещё ни с кем не поступали. Нам удалось всё заснять. Как ты себя чувствуешь?

Вадим слушал его и думал об одном: «Только бы не застонать. Откуда этот стыд?». Попытавшись ответить, он с трудом услышал свой голос. Говорить тоже было больно. Говорил он ртом, а больно было всему телу. Это было непривычно. На войне если разворотило руку и кровью всё вроде бы залито, но там не так. Там болит только рука, да и то лишь до тех пор, пока не обезболят перед операцией. Вадим проходил это, знает. Сейчас не было ни рваных ран, ни крови, ни увечий, а боль была во всём теле. Такого он не проходил.

Голос его был еле слышен:

- Нормально. Почти как на войне.

- А ты был на войне? - все, кто сидел на корточках, и кто стоял вокруг - все смотрели на него. Даже шум голосов вокруг утих. Всё внимание было на него.

- Помогите мне сесть, - вместо голоса он услышал свой шёпот.

Сидевшие перед ним взяли за него, опустив ноги на пол, а туловище приподняли вверх, уперев спиной в стену. Движения их были неумелыми, неуклюжими, как и полагается при их положении в гражданской жизни.

От первых прикосновений Вадиму казалось, что он задохнётся в диком вопле. Боль с новой силой разбушевалась по всему телу. Но он только тихо простонал, усаживаясь на скамье. Сквозь боль проступала мысль: «Непривычно. Странно. Ни капли крови. Всё целое. Но вместо тела сплошная боль. Скажу парням - не поверят». Рядом с ним сразу присели несколько человек на свободное место. Вадим видел, что все стоявшие вокруг смотрят на него. В воздухе не слышно было гула отдельных разговоров. Для всех них он теперь был вместо памятника, только не в центре площади, а здесь, на этой лавке неизвестно где. Ничего он им говорить не собирался, но заговорил, превозмогая боль и морщась:

- На войне я был, но вот здесь оказаться никак не собирался. Где я и сколько времени нахожусь здесь? - это был не голос, а тихий шёпот. Паренёк в белой рубашке сидел рядом:

- Мы находимся в камере полицейской. Задержаны за про-

ведение митинга на площади. Сейчас десять часов вечера. Утром составят протоколы, штрафы оформят и отпустят. Я тоже хочу так, как ты, - добавил он.

- Чего? - прошептал Вадим. - Так же стонать? - он попытался усмехнуться и поплатился за это новым приступом боли.

- Нет, я хочу один против троих чёрных! Не только я. Мы все должны этому научиться. Мы не будем подставлять спину, тогда нас не возьмут, - парень ещё что-то говорил, но боль снова захлестнула все чувства Вадима, лишив способности слушать. Он сидел в забытьи. В ухо бубнил голос, а он вдруг вспомнил своё последнее ранение.

Полевой госпиталь. Соседняя койка. Он вспомнил. Может, это тело взмолилось о помощи, заставило его сжалиться и унять нестерпимую боль, изгнать её прочь. Он вспомнил. Рядом с ним лежал боец с соседней заставы из нового призыва. Они никого с той заставы не знали. Звали его Шукри, и он больше походил на изурхеда, чем на бойца.

В первые дни Вадим по привычке бросал в его сторону напряжённые взгляды. Видимо, Шукри заметил их и рассказал о себе. Он, действительно, был изурхед, выросший на нашей территории. Даже язык забыл своего народа. Вадим ни разу не видел улыбки на его лице. Шукри был старше его раза в два, не похож на призывника. Смуглолицый, черно-волосый, жилистый, с худощавым лицом, он выглядел изношенным жизнью стариком. Но молодые уступали ему в выносливости. Изурхеды убили его жену. Так он оказался на войне и не собирался её оставлять.

После операции Вадима мучили жуткие боли, рана плохо заживала, и он стонал по ночам. Однажды вечером Шукри подсел к нему на кровать:

- Твои стоны не дают никому спать. Я тебя сейчас вылечу от боли, не от болезни. Ещё бабушка моя научила. Дай мне твою ногу, - пальцами он начал ощупывать стопу, а потом надавил в одном месте и замер на несколько минут.

Вадим равнодушно наблюдал, ещё не зная, что больше не будет никому мешать своими стонами. Боли утихли и больше не появлялись. Вадим не придавал этому никакого значения и забыл по привычке забывать о прошлых болячках. А

теперь вот вспомнил.

Он открыл глаза и на полуслове перебил паренька:

- Тебя как звать?

Видимо, тому показался лестным вопрос. Оглянувшись на всех, он ответил:

- Саша. Все зовут меня Алексом.

- Значит, Саша. Слушай, сделай доброе дело. Видишь мою ногу, - показал он на свою правую ногу, тот кивнул. - Закинь мне её сюда, на колено, чтоб я мог до пятки дотянуться, только потихоньку, - боль мешала говорить. Говорил он медленно, чуть слышно.

Саша встал перед ним на колени и приподнял правую ногу. Согнув её в колене, он положил её на левую ногу. Вадим выдохнул. На прикушенной губе выступила кровь. Лоб покрыли капельки пота:

- Ну вот, Саша, у тебя уже получается лучше, чем у меня. - А теперь - сними обувь с ноги, и будешь совсем молодец, - прошептал он ещё тише.

Немного посидев, Вадим дотянулся правой рукой до правой ноги и ухватился за пятку. Он думал, что у него не получится. Рука подчинялась боли, а не его желаниям. Не с первого раза, но у него получилось. Левая рука висела бесчувственной плетью. Он отлежал её на лавке и в ней не было даже боли. Пальцы нащупывали точку на стопе. Не такая уж она и большая, чтобы не вспомнить куда Шукри нажимал. Где-то тут, под пальцами. Он надавил большим пальцем и замер. Голосов вокруг почти не было слышно.

Когда Вадим открыл глаза, то не сразу обратил внимание на то, что это не причинило ему никакой боли. Он сидел в нормальной позе, обе ноги обуты, руки на коленях. Вадим попытался пошевелить пальцами и те охотно и с лёгкостью подчинились: «Никогда не думал, что придётся испытывать удовольствие от того, что пошевелил пальцами. Это здорово, когда шевелишь, и ничего не болит. Ну, Шукри, поставлю ему самый большой кувшин вина. Спас, иначе не скажешь».

Вадим медленно поднял руки и похлопал по коленям, по груди. Чуть побаливали мышцы, как после марш-броска. Кости, суставы были целы. Сидевший рядом Саша-Алекс

нарушил молчание:

- Чёрные умеют работать. После их дубинок ни крови, ни травм. Только делать ничего не можешь, тело не слушается.

- Да, я уже понял, - откликнулся Вадим неожиданно для себя громким голосом и сбавил тон, - их работа не убивать, а запугать. За что они вас пугают? - вокруг себя он видел одни молодые лица. Своих ровесников он не замечал среди людей, столпившихся вокруг него в тесноте. Было не только тесно, но и невероятно душно, тяжело было дышать, как он теперь это понимал, начиная приходить в себя. Стоял полумрак. Свет попадал только снаружи, из коридора, судя по низкому потолку, квадратным светлым пятном маячившим сверху. Видимо, в коридоре включили освещение. Потолок посветлел и можно было лучше разглядеть лица окружающих. Рядом по-прежнему сидел Саша, а слева на лавке он увидел молоденькую девчушку. Уже не ребёнок, но ещё и не налившаяся красотой девушка. Он тут же вспомнил голоса и снова спросил:

- А что, связь здесь не работает?

Саша с готовностью ответил:

- Да, связь в здании глушат, поэтому и телефоны не отбирают.

- Что, и хедфоны не работают?

- Без разницы. Мы будем заявлять протест и поднимем не только в городе, но и на планете большой шум. Даже преступникам оставляют право на телефонный звонок. Это нарушение элементарных норм права.

- Слушай! - перебил его Вадим, он уже чувствовал в себе способность не только говорить, но и действовать. - Я не знаю, за что вы тут сидите. Но я оказался здесь за то, что защитил старушку. В чём меня будут обвинять и что мне будут предъявлять? Я должен был пройти мимо? Я не собираюсь сидеть до утра и ждать. Где тут двери? Мне нужен их главный.

В своей попытке встать он не почувствовал никаких помех со стороны тела. Саша попытался было объяснить, что до утра к ним вообще никто не подойдет, хоть потолок обвалился. И с завалами, и с ними разбираться будут утром, но

не успел он договорить, как со стороны коридора послышались громкие голоса, ругань, команды, загремели ключи, засовы, заскрипела дверь и все вокруг разом зашевелились под напором ворвавшихся в камеру:

- Осторожней! Эй, полегче! Ой, больно! - под крики народ в камере распихивался энергичными действиями в разные стороны.

Вадим только успел встать с лавки. До двери он всё равно бы не успел добраться. Волны людей, распихиваемых в разные стороны, достигли скамейки и перед Вадимом вплотную выросла фигура под потолок, возвышаясь над толпившимися в камере. За его спиной следовала другая такая же. Почти столкнувшись носом с Вадимом, фигура склонила голову вниз, разглядывая скамью:

- Ну, и где вы его бросили? - заорала фигура над ухом Вадима.

- Как где? - заорал второй из-за спины. - На лавке! Где ж ещё! Валялся, как мешок. Вряд ли он сам пойдёт. Тащить опять придётся. Чёрт бы его побрал. На второй этаж.

- Вот ещё! - снова заорали у Вадима над ухом. - Сейчас растолкаю его, пусть сам идёт. Он ведь у нас шустрый. Только никого тут нет на лавке!

Толпа вокруг зашумела, отхлынула в разные стороны и к лавке из-за спины первого вылез второй детина:

- Да вот тут мы его бросили, куда смотришь? Э, погоди! Куда он делся? Под лавку сполз, что ли? Нет там никого, - Вадиму надоели их вопли и возня:

- Бойцы. Вы кого потеряли? Орден обронили боевой?

- Слушай! - опять завопил над ухом первый. - Так вот же он!

Второй обернулся на Вадима и словно подавился глотком душного воздуха камеры. Он открыл рот и, не закрывая его, тарачил в полумраке глаза на Вадима.

- А ты говорил «мешок с костями» - передразнил первый детина.

- Так он и был мешок мешком - ни рукой, ни ногой, ни головой, - выпалил второй, обдав Вадима букетом запахов водки, табака, чеснока.

- Ну да ладно, - оправился от удивления второй. - Пусть

своими ножками топает. Мы это поправим. Пока обратно со второго этажа дойдёт, в камеру мешком вернётся. Зато в следующий раз будет гвардейцев за два квартала обходить! - они оба громко заржали.

- Эй, следуй за нами! - крикнул он Вадиму. - Ночь на дворе. А мы ходи тут за тобой, шпана! - они двинулись обратно, и Вадим пошёл следом. Вокруг молчали. Что они могли сказать, эти ребятишки? Ему было жалко их, а не себя.

Камеру от коридора отделяли вертикальные железные прутья. В коридоре, пока Вадим жмурился от яркого света, ему нацепили наручники и тут же он получил по спине удар дубинкой.

- Эй! Вы мне на ноги наручники наденьте, если захочешь ещё раз ударить!

- Наденем, не беспокойся! И мешок на голову! Всё наденем!

Его повели на второй этаж, но бить больше не стали. Один шёл впереди, второй сзади, громко постукивая палкой по перилам, словно проверяя её на прочность перед работой.

Вадим без усилий поднялся на второй этаж, в полутёмный коридор с дежурным освещением. По обе стороны коридора тянулись двери. В конце коридора чёрным квадратом маячило окно, подсказывая, что за окном глубокая ночь. Только сейчас Вадим вспомнил, что завтракал давным-давно, утром, но тут его втокнули в кабинет, и дверь за ним закрылась. Видимо, в кабинете его ждали, если конвоиры не стали тратить время на доклад.

Полумрак кабинета скрадывал его размеры. Там горела одна настольная лампа, скупо освещая поверхность стола. Освещение кабинета не входило в её обязанности. Стол находился напротив двери. За ним окно с массивной решеткой. От двери до стола вдоль стен тянулись обшарпанные шкафы, упираясь в потолок и больше напоминая музейные экспонаты, чем офисную мебель. Все дверцы шкафов имели замочные скважины. Кабинет явно не предназначался ни для совещаний, ни для заседаний. Там была всего два стула по обеим сторонам стола.

Один стул был свободен. А второй был занят хозяином ка-

бинета. Вид сидевшего за столом никак не соответствовал окружающей обстановке. Это бросилось в глаза Вадиму, хоть он не имел представления о подобных заведениях. Хозяин кабинета был не просто толстый. Его было много и всего в нём было много. Над столом возвышалась массивная фигура в белой рубашке с закатанными рукавами, ворот расстёгнут. Толстые волосатые ручки с толстыми пальцами. Одутловатое лицо с круглыми щеками, большие уши, широкий мясистый нос, толстые губы. На голове чёрная взъерошенная шевелюра. Сама природа постаралась придать этой фигуре неопрятный, отталкивающий вид и трудно было бы сразу придумать обстановку, подходящую для такой фигуры, да Вадиму и не до этого было.

Если настольная лампа проливала свет в силу своих слабых возможностей, то хозяин кабинета излучал в пространство недовольство и крайнее раздражение. При виде Вадима он удивлённо выпучил глаза и фыркнул в кружку:

- Как? Своими ногами дошёл?! А меня заставляли тебя в сознание приводить! А ещё смеют ругать нашу гостгвардию за жестокое обращение с людьми! Болтуны! - он громко брякнул кружкой о стол:

- Ну? Так и будешь стоять? Садись - рявкнул толстяк.

Его раздражению не было предела. Вместо того, чтобы до самого утра наслаждаться мгновениями в «Розовых номерах» сладкотелой Зизи, его притащили среди ночи возиться с каким-то подонком с площади. Какого чёрта? Так нет же! Надо срочно упрятать! Закон не терпит! Чего он не терпит?! Репутация лучшего следователя сыграла с ним сегодня плохую шутку. Вадим не мог знать, что толстяк был зол и на него, и на закон, и на свою репутацию. Он знал лишь то, что оказался здесь за защиту старушки и не собирался молчать.

- Слушайте, - начал он, усевшись на стул. - Что такое творится? Я вступился за пожилых людей, не дал их в обиду, а оказался арестован, да ещё жестоко избит.

Толстяк не дал ему договорить. Он грохнул кулаком по столу и гаркнул:

- Молчать! Говорить буду я, а ты будешь отвечать коротко и ясно. Понял? Чем быстрее мы закончим, тем лучше будет

для тебя. И для меня, - добавил он.

Его подгоняла мысль о том, что Зизи не отработала и половины суммы. До утра оставалось время.

- Ввиду чрезвычайных обстоятельств начну с самого главного, опуская мелочи на потом, - деловито начал толстяк. - Начну с обвинения, чтобы ознакомить тебя с ним. А всё остальное - несущественно, - язвительно пропел толстяк и взял со стола лист бумаги. - Итак! - начал он читать, бросая взгляды в его сторону. - Вам предъявлено обвинение за вмешательство в работу госгвардии, за неповиновение госгвардии, за оказание сопротивления госгвардии и, наконец, за причинение телесных повреждений членам госгвардии в количестве трёх человек. Все эти нарушения в совокупности потянут на двадцать лет лишения свободы согласно закону, что в результате закон и установил. Вам назначено лишение свободы сроком на двадцать лет с отбыванием в тюрьме на околопланетной орбите для особо опасных, - выдохнул толстяк с облегчением и с радостью положил бумагу на стол. - С этим я должен был тебя ознакомить. Всё остальное, твою анкету, оформит канцелярия утром. Днём ты уже должен будешь отбыть в место заключения, - толстяк даже добродушно улыбнулся толстыми губами. - Насколько я знаю, оттуда открывается красивый вид на нашу планету. Ты можешь любоваться им, а жители планеты будут радоваться тому, что такие, как ты, больше не нарушают порядок и эту, как её, стабильность на планете. Ну вот, сейчас мы сделали своё дело и можем отбыть каждый в своём направлении. Нас ждут в разных местах, - казалось, его речи не будет конца, в отличие от терпения Вадима, которому толстяк протягивал бумагу:

- Ты можешь даже не подписывать её. Я расписался за то, что ознакомил тебя. Закон превыше желания преступника. Тебя сейчас уведут, - толстяк потянулся волосатой рукой к кнопке на столе. Он торопился покончить с этим пустяковым делом.

Вокруг не свистели пули. Не бушевала смерть, собирая свой урожай. Вадим не сидел в окопе. На него не полз танк. Но слова толстяка давили на него своей неотвратимостью.

Их невозможно было остановить, от них невозможно было спастись. Они не предусматривали этого. Их, как танк, можно было только взорвать. Он чувствовал себя не на стуле. В окопе. Слово «закон» наполнило на него. Это слово уже выстрелило и попало в цель. Осталось только ждать результата.

Не было вспышки и не могло быть. Не было ярости. В него не стреляли. Не было угрозы смерти. Не было даже моря страха, но волосатая рука, тянувшаяся к кнопке, словно нажала в нём самом другую кнопку и бросила Вадима вперёд. В один миг он пружинисто вскочил на стол и со всего маху пнул толстяка ногой в грудь. Не было хруста костей. Нога словно увязла в мягком, рыхлом тесте. Толстяк даже не ойкнул. Он раскинул руки в стороны и вместе со стулом опрокинулся назад. Стул на задних ножках заскользил под стол. Толстяк стукнулся головой о стену и грохнулся спиной на пол. Грохот был жуткий. В дверь ворвались его конвоиры, но Вадим спрыгнул со стола и наступил на горло толстяку с криком:

- Выйдите вон! Я раздавлю ему шею! Вас осудят вместе со мной! За двери!

От неожиданности оба верзилы метнулись обратно. Вадим моментально подскочил к двери и запер её на ключ. Вернувшись к столу, он открыл верхний ящик и среди всякого хлама нашел то, что хотел. Наручники он надел на толстяка. На столе зазвенел телефон внутренней связи. Старинный, с дисковым номеронабирателем.

- Алло! - услышал он в трубку. - Теперь ты не просто нарушитель! Теперь ты преступник, обречённый на пожизненное заключение! А смерть следователя будет означать твою смерть!

- Думаю, что моя смерть не оставит тебя в должности, - крикнул он в ответ. - Давай, ломай двери! Он живёт, пока дверь цела!

- Ну, и что ты хочешь?

- С кем я говорю?

- Дежурный по Управлению.

- Мне нужен глава вашей госгвардии, с ним буду говорить!

Трубка замолчала.

Жутко хотелось есть. Возле стола лужа, разбитая кружка. В одном из ящичков стола Вадим нашёл пачку печенья. Хоть что-то. Запил водой из графина. Полегчало. В голове сработал хедфон, и он услышал голос Лизы, торопливый, словно опять за тысячи километров:

-Алло. Вадим! Меня попросили позвонить тебе, хотя я столько пыталась и не могла. Связи не было. Ты где? Арестован? За что тебя? Просят, чтобы ты сдался. Я им не верю, - Вадим наслаждался звуками родного голоса:

- Лиза, тут ерунда какая-то, хуже войны. Ничего не пойму. Ты ведь разговаривала однажды по хедфону с моим Командором? Значит у тебя есть его номер. Для нас, гвардейцев, это и звание, и имя. Позвони ему. Я тут говорил с дежурным по Управлению, а где я сижу, не знаю. Вряд ли связь ещё будет, - судя по молчанию в голове, связь уже заглушили.

Толстяк сопел на полу. Снова зазвонил телефон:

- Говорит начальник госгвардии. Ты готов сдатьсь?

- Я тоже должен представиться. Никто даже не спросил моё имя. Это не интересует служителей закона. Никто не хочет меня слышать. Я Вадим Кравец. Гвардеец из горячей точки, с Восточной Заставы. Здесь нет врагов. Кому я должен сдаваться за то, что защитил старушку?

- Ты должен сдатьсь госгвардии и понести наказание. Тебе сообщили за что.

- Какая к чертям госгвардия? Я знаю, что гвардия проливает кровь за нашу страну, охраняет рубежи от разграбления иноземными набегами. Несколько дней назад я прибыл оттуда. Какая тут, в мирной жизни, может быть гвардия? Не похоже, чтобы ваша госгвардия проливали свою кровь ради народа. Мне пришлось вступить за пожилых людей и защищать их от тех, кого ты называешь гвардией. Как язык поворачивается присвоить такое звание эти чёрным детинам в масках? Они, как бандиты, прячут свои лица под масками, наверное, боятся, что соседи узнают их в лицо.

Ты, начальник, тоже считаешь себя гвардией? Почему ты тогда не в горячей точке, на защите рубежей, а здесь, в мирной жизни командуешь избиением стариков и ребятни?

В каких тюрьмах вы набираете этих чёрных молодцов для расправы над стариками? Молчишь? Ни один гвардеец, прошедший войну, не назовёт вас гвардией. Это выдумка тех, кого вы защищаете, тех, кто дал вам дубинки для защиты от стариков. Не думал, что, вернувшись с войны, мне в мирной жизни будет стыдно за то, что я гвардеец. Я слышал, как вас называют люди. Для них вы не гвардия. Для них вы - чёрные.

Я вернулся с войны. Здесь мирная жизнь, к которой я не привык. Но почему твои чёрные относятся к людям, как к врагам? Ведь это граждане страны и они безоружные. Что тут у вас творится? Камеры набиваете битком зелёной молодёжью - это ваша работа? С такой работой стыдно людям лицо показывать. Я не для того кровь проливал за нашу страну, чтобы в мирной жизни меня записали в преступники. Не моя вина, что ваши мирные порядки хуже законов военного времени.

- Ты зря тратишь время на болтовню. Это тебя не спасёт. Мы служим патриотам страны, а не старикам. Патриоты служат власти. Власть устанавливает законы. Ты нарушил закон и будешь наказан.

- Власть приходит и уходит, а народ остаётся. Патриот любит свою страну, а не власть. Я не собираюсь с тобой спорить, но и сдаваться не собираюсь. Нужен я вам - ломайте дверь. Ваше море страха не для меня.

Вадим бросил трубку. Он сказал всё, что хотел. За дверью усиливались шум, голоса, топот ног. Вадим отломал ножку стула и сел, прислонившись к столу. За столом у стены сопел толстяк. За окном заметно посветлело. Вдруг за дверью громко прозвучал голос, от которого Вадим по привычке напрягся, сжимая в руках обломок:

- Третий! Это я! Я войду один!

В боевой обстановке у них не было имен. Каждый имел свой номер. Эти номера менялись у каждого по мере боевых потерь и обновления отряда. Два года назад у него был номер сорок восьмой. Номер третий он получил перед отпуском и ещё не был на задании с новым позывным.

- Почему - третий? Ведь не война. Не задание.

Вадим встал и открыл дверь. Непривычно было видеть Ко-

мандора в гражданской одежде. За дверью затихли.

- Хорошо выглядишь. Слышал, тебя всей площадью били.

Глаза Командора пытались скрыть волнение здесь, за дверью. Волнение не за себя. За своего бойца. Вадиму знакомо было это волнение за каждого из них, живых. За тех, что погибли, оставалась седина. Её скрыть было невозможно и ей не хватало места на висках.

- Не знаю. Не видел, а здесь не успел спросить сколько человек меня били. Зачем вы здесь, Командор? Лиза попросила, чтобы я сдался? Ей звонили, я знаю.

- Да, она звонила мне. Я говорил и с ней, и с начальником госгвардии. Теперь я хочу поговорить с тобой. Здесь мирная жизнь. Мы здесь гости с тобой, - за столом слышалась шумная возня, стоны. - Кто там?

- Это следователь. Так получилось. Иначе меня бы уже готовили к отправке в тюрьму на орбиту после его суда и следствия.

Вадим подошёл к столу, схватился за толстяка, как за мешок, и выволок того из-за стола. Командор тоже подошёл и вдвоём они кое-как помогли толстяку подняться на ноги.

- Идти можешь? - спросил его Командор.

Толстяк кивнул, тогда Командор потянул его за локоть к двери и вытолкнул в коридор, заперев дверь на ключ:

- Ну вот, одной проблемой меньше. А теперь рассказывай, - он уселся на краешек стола.

Когда Вадим замолчал, Командор встал, поднял стул и уселся за стол на место толстяка. За его спиной, на улице, становилось светлей, чем в комнате. Вадим устроился на краешке стола. Командор придвинул к себе телефон:

- Мы не будем сдаваться и не будем воевать. Здесь мирная жизнь. Свои законы, с ними не повоюешь. Их надо обходить.

- Да как их обойдёшь, Командор, как я мог их обойти, если этими законами меня обложили хуже танков и подписали мне тюрьму?! - Вадим соскочил со стола, - На войне я мог защищаться, бросить гранату, бахнуть из плазмушки, выкрутиться, в общем! Здесь же без вариантов! А ты знаешь, сколько их там сидит в камере, безоружных перед таким

вот законом? - Вадим постучал по столу. - А я видел. И они живут среди таких законов! Это не пули, не гранаты, не бомбы. Они не убивают. Но как среди них жить, Командор?! Я мог бы жить и не знать такой мирной жизни, но я теперь знаю..

Командор поднял руку вверх, и Вадим замолчал, снова усевшись на краешек стола.

- Речь сейчас не об этом, Вадим, - тот вздрогнул, впервые услышав от Командора своё имя. - Ты не о том думаешь, - он взял трубку телефона:

- Дежурный! Мне начальника гостгардии!

Несколько минут длился разговор по телефону, после чего Командор громко сказал «Спасибо!» и положил трубку. Оба молчали. За дверью слышались громкие голоса. Потом топот ног и всё стихло, словно в коридоре никого не осталось. За дверью была тишина.

- Я не знаю, сколько их там сидит в камере. Я их не знаю. Я знаю тебя. В этот раз тебя это спасёт. Другого раза может и не быть, если не научишься жить по законам мирной жизни. Мы с тобой для другой жизни, для той жизни, где ты «третий», а я - Командор. Учти это, а теперь пошли.

Командор встал и пошёл к двери.

- Куда? - опешил Вадим.

- Домой. Я спать хочу, а мне ещё в порт надо, да ещё час на гравилёте добираться. Это ты у нас местный, - совсем по-граждански ответил Командор.

- А я куда? - не унимался Вадим.

- Ты? Я думаю, к себе домой.

Командор уже выходил в коридор. Вадим вышел за ним. Коридор был пуст. Они спустились на первый этаж. Вышли на крыльцо, спусти-

лись по ступенькам.

Вадима не покидало ощущение, что всё вокруг - это здание, его высокое крыльцо, площадь, окружавшие её дома, даже деревья - всё это делало упорный вид, что не замечает его присутствия, присутствия Командора. Настолько было пустынно вокруг в этот рассветный час.

- Ну, мне пора. Меня ждёт таксокар, - Командор обернулся и протянул ему руку. - Отдыхай! Мирная жизнь - это тебе не война.

- Но как? - недоумевал Вадим. Протягивая в ответ руку. - Я не понял. Почему всё это? - Он махнул перед собой рукой.

- Считай, что тебе повезло. Когда-нибудь расскажу. На привале. Когда вернёмся на войну. Всё проще, чем ты мог бы подумать. По закону ничего бы не вышло. И мы бы отсюда не вышли. Береги себя! - он махнул рукой и пошёл на стоянку таксокаров.

Командор шёл, не оглядываясь назад. Вадим видел его спину, но не мог читать его мысли: «Мои верные, бесстрашные рэкссы. Мои славные парни. Они такие наивные и беспомощные в мирной жизни. Здесь не война. Вряд ли я смогу их спасти на каждом шагу. Вряд ли ты узнаешь, что начальник госгвардии когда-то в памперсах прыгал у меня на коленях. Считай, сегодня повезло и тебе, и мне».

Командор не оглянулся. Вадиму неприятно было оставаться одному у высокого крыльца. Он повернулся и быстро, почти бегом, направился прочь, туда, где его ждал новенький гравикоптер.

03. 2021

ФАНГУС (рассказ)

Из мемуаров астронавигатора Нейона Ти

Выход из анабиоза Нейон Ти обычно переносил легко. Он быстро восстанавливал рабочий режим своего организма. Так же было и в тот раз, при воспоминании о котором впоследствии Нейон Ти каждый раз испытывал чувство огорчения.

В тот раз его пробуждение произошло в ненужное время в ненужном месте. Иначе ему не пришлось бы столкнуться с тем, о чём он долгое время не хотел вспоминать. Тем более, ни с кем не хотелось делиться воспоминаниями, кроме официального отчёта в службу БМБ. Отчёт тогда наделал много шума и заставил Межгалактическую Службу Навигации немедленно внести изменения в Правила полётов и изменить режим полётов в том секторе Вселенной, что упоминался в отчёте. Итак:

По бортовому хронометру седьмой год полёта подходил к концу. Нейон Ти этого не чувствовал. Его организм после пробуждения был полон сил и энергии, а разум был готов к выполнению предстоящих задач. Агент БМБ даже в анабиозе находится на службе.

Полёт длился семь лет только для звездлёта, а его тело не успело состариться и на несколько месяцев. Нейон Ти знал это и чувствовал, усиленно занимаясь на тренажёрах. Ему предстояло подготовиться к скорой встрече с представителями цивилизации плазморонов, как они себя называли, из галактики 6Y-12. До недавних времён она считалась необитаемой. Не только Нейон Ти, но и учёные мужи, заинтересованные в предстоящей встрече, понятия не имели об этой цивилизации и её обитателях. Видеоматериалов не было никаких, а несколько фотоснимков, полученных по космической связи с планеты Плазмон, не давали представления даже о внешнем виде тамошних обитателей.

Нейон Ти с недоумением разглядывал на экране компью-

тера фото, где на сером фоне маячили несколько бесформенных белых пятен, как будто небольшие белые облака собрались в тесную компанию. Не хватало только сплетённых в рукопожатиях рук. Но рук никаких не было и не надо себя в этом обманывать. Трудно было принять фотоснимок за привет от далёкой цивилизации. Нейон Ти понятия не имел о том, что и кто ждут его там, куда он летел, но это была его работа.

От занятий с документами его отвлек бортовой компьютер. Раздался сигнал бедствия, знакомый всем астронавигаторам. Этот сигнал нельзя оставлять без внимания, нельзя продолжать прежний курс независимо от типа корабля по Каталогу МСН. Необходимо принять меры по обстановке. Нейон Ти знал это. Он дал команду изменить маршрут и держать курс на источник сигнала. Раздумывать не приходилось. Видимо, сигнал шёл в автоматическом режиме. Никаких криков о помощи не было.

Выйди он из анабиоза месяцем позже - ничего бы не произошло. Его звездолёт прошёл бы мимо, своим курсом, сохранив в памяти сигнал бедствия. Но звездолёт подчинился команде.

- Внимание! Звездолёт БМБ космической службы Земли принял сигнал бедствия! Изменил курс! Следую в вашем направлении!

Ответом на его слова было молчание. Бортовой компьютер сообщил, что через двадцать часов цель будет достигнута. Нейон Ти понимал, что придётся переходить на ручное управление для маневрирования и пристыковки к борту неизвестной конструкции.

- Мало надежды, что стыковочные модули согласуются.

Скорей всего придётся действовать как обычно, через шлюзовую камеру, - его мысли вслух привычно складывались в предстоящую схему действий.

Но тут он включил монитор астролокации и от неожиданности вздрогнул. Впереди, по курсу, за двадцать часов полёта, находился не аварийный звездолёт, а планета?! Сигнал бедствия подавала планета. Он не был готов к такому и не понимал - радоваться ему или огорчаться. Удивление вытеснило все остальные чувства. Он сидел перед монитором и ошибки быть не могло. Невозможно звездолёт спутать с планетой, тем более, что она растёт буквально на глазах.

Звездолёт мчался на сигнал бедствия, а Нейон Ти не знал, что делать. Инструкция и Правила полётов не предусматривали такого. Сигнал бедствия обязывал любой борт независимо от классификации держать курс к месту аварийного сигнала. Но это справедливо для аварийных звездолётов. А планета?! Аварийный сигнал с планеты не предусматривает ни одна инструкция.

Нейон Ти привык к безответным вопросам за время своих полётов. Сейчас был опять такой случай. Ответ надо было искать не в инструкциях, а в своём опыте, в своей голове. И можно ей поплатиться, если потом, после разбора полёта, твои действия признают неверными.

- Но для этого ещё надо вернуться, - мелькнула мысль. Она подталкивала его вперёд, к принятию решения без всяких инструкций и правил.

Что он мог сделать? Он реагировал на сигнал бедствия на уровне инстинкта, выработанного за многие годы. Этот сигнал, как приказ чужой жизни, гнал его вперёд, подавляя все сомнения. Нейон Ти включил карту Вселенной и ввёл свои координаты. Ему нужны были данные об этой планете.

- Что за чёрт?! - тут же воскликнул он. На звёздной карте никакой планеты в этом квадранте не было. Карта указывала, что там, впереди по курсу, была пустота. Нейон Ти со злостью ударил кулаками по подлокотникам кресла:

- Не могла ведь эта планета появиться за семь лет моего полёта! Карты не могут врать! - до сих пор они не подводили его ни разу. Вдруг у него возникла новая мысль:

- А может это не планета? С чего я взял? Огромный звездолёт, и он терпит бедствие? По размерам он не меньше Земли. Если там что-то серьёзное, то его крушение не сулит ничего хорошего этому сектору Вселенной и всему тому, что в нём находится.

Мысли его путались, а он сам путался в своих мыслях, не надеясь найти ответ.

У него было уже восемнадцать часов до объекта. Ещё не поздно было отказаться от своих планов и вернуться на прежний курс. Но он продолжал сидеть. Нейон Ти чувствовал, что у него нет сил принять такое решение. Он был заинтригован всем происходящим и понимал, что его опять впереди ждёт неизвестность. По своему опыту Нейон Ти знал, что неизвестность во Вселенной редко бывает дружественной. Если бы его сейчас спросили о том, почему он до сих пор выходил победителем после каждой встречи с неизвестностью, он не смог бы ответить на этот вопрос. Он никогда не задумывался над этим. А ответ был прост и находился в нём самом. Нейон Ти никогда не испытывал враждебности к неизвестности в космосе, поэтому был сильнее её. Его анализ ситуации брал верх над эмоциями и всегда побеждал. Вот и сейчас Нейон Ти сидел в штурманском кресле и ждал встречи с неизвестностью. Он знал, что не свернёт с курса.

Неожиданно для себя он уснул прямо в кресле. До встречи с объектом он успел отдохнуть и позавтракать. Компьютер упорно молчал про планету. У него не было никаких данных. Вскоре Нейон Ти и сам смог разглядеть её. Вернее, её атмосферу. Она была окутана облаками, как опознавательными знаками. Это был не корабль. Нейон Ти перешёл на ручное управление, погасил тягу двигателей. Звездолёт прошёл сквозь толщу облаков и начал торможение в атмосфере. Посадка была мягкой. Звездолёт замер, выполнив свою часть работы. Остальное было делом Нейона Ти. Его порадовал анализ атмосферы и возможность не использовать громоздкий скафандр. Другое дело - оружие защиты. Без него никак не обойтись, но его фьючерс был со спичечный коробок и позволял не опасаться любой ситуации.

До разблокирования посадочной программы Нейон Ти ус-

пел плотно пообедать и сыграть с компьютером партию в шахматы. А мысли были о том, что он впервые ступит на безымянную планету, о которой ничего неизвестно. Наверное, поэтому он быстро проиграл и пошёл к шахте лифта. Программа разблокировалась, выход на планету был открыт.

Дверь лифта распахнулась, и нога Нейона Ти ступила на безымянную планету. Но он не чувствовал себя первопроходцем. Ему было не до этого. Открывшаяся взору картина приковывала к себе всё внимание, завораживала, не давая возможности о чём-либо думать. Приземление его звездолёта сильно нарушило окружающий пейзаж местности. Вокруг звездолёта чернела обширная поляна выжженной земли. А далеко, за пределами этого круга, тянулись нетронутыми причудливые заросли коричневого цвета различных оттенков от почти чёрного до почти серого. Кругом царило безмолвие, запах перегретой земли. В воздухе чёрными бабочками неправильной формы медленно опускались вниз лохмотья пепла. Они накрывали собой всё вокруг, плечи и голову Нейона Ти. Они были ещё тёплые.

Не сразу Нейон Ти разглядел окружающую обстановку. Коричневые заросли вокруг представляли собой бесконечные плантации грибов. На ножках разной длины и толщины они густо переплетались между собой, образуя непроходимые заросли. Трудно было понять, как их огромные шляпки с острой выпуклостью посередине удерживаются на таких хилых ножках.

Нейон Ти прикинул, что их высота чуть ниже его роста и усомнился в возможности продраться через их заросли. Сделать это можно было

только расчистив себе дорогу с помощью фьючерса, но он не спешил этого делать, приходя в себя от увиденного.

- Что это? Плоды цивилизации или её представители? Если бы знать, куда я попал.

Он вспомнил, что может воспользоваться гравикоптером и облететь сверху все плантации, чтобы увидеть их реакцию. Но ему не пришлось ничего делать. Из-за ближайшего холма появились в небе три точки, и вскоре они превратились в три больших серебристых шара. Сделав круг над выжженной поляной, они опустились прямо перед ним. Шары вблизи оказались диаметром в два его роста.

Фьючерс так и остался зажатым в его ладони. Он не успел ничего сообразить, как во всех шарах распахнулись чёрные квадратные отверстия. Он даже не успел заметить, из какого шара вылетел пучок, на лету разворачиваясь в тонкую сеть. Сеть липкой паутиной прилепилась ко всему телу с ног до головы, не давая возможности пошевелить ни рукой, ни ногой. Ощущение было мерзкое. Нет, фьючерс он чувствовал в руке, но это было единственное, что он мог. Даже выбросить его прочь не получилось бы. В таком положении устоять на ногах было невозможно. Паутина в своём броске сбила его с ног. Он валялся возле звездолёта скомканным мотком паутины, измазанный в чёрных хлопьях пепла до неузнаваемости.

Никто и не собирался его узнавать. Из всех трёх шаров к нему бежали люди в серебристых комбинезонах с ног до головы, что придавало им сходство с роботами. Но это были не роботы, а живые существа. Люди. В то же время не совсем люди. Их головы уродливо заканчивались тем, что он тогда, в первый момент, принял за широкополые шляпы. Они тоже были обтянуты серебристым комбинезоном, что усиливало их сходство со шляпами. Сколько их там было? Нейон Ти не успел сообразить. Никто не собирался относиться к нему, как к агенту БМБ со статусом неприкосновенности во всех галактиках. Похоже, в нём видели злого врага, а не спасителя, прилетевшего спасти планету по сигналу бедствия. Голоса их были резкие, неприятные, но их язык он прекрасно понимал, словно опустился на родной Земле.

- Хватай его! В сушильню! Покарать его! Ещё один прилетел! Ого! Ловушка работает!

Крики неслись со всех сторон обступившей его толпы. Валяясь на земле, он мог видеть только их ноги, и хорошо, что эти ноги его не пинали. В противном случае у него хватило бы сил нажать фьючерс и сжечь себя вместе с ними. Вместо этого его небрежно подняли и поставили на ноги. Из толпы вышел один, с чёрной полосой на груди и резким жестом прекратил все крики. Его лицо, как и всех остальных, скрывало тёмное стекло шлема. Он ткнул пальцем в Нейона Ти и заорал громче прежних криков:

- За совершённое злодеяние на нашей планете тебе грозит суд и суровое наказание!

С трудом разжимая губы под паутиной, Нейон Ти пробубнил:

- Что я совершил?

- Откуда тебе знать! - ещё громче заорал старший, что с чёрной полосой. - Ты своим кораблём уничтожил священное поселение наших жителей!

- Где тут жители? Кругом пустырь с зарослями, - слова давались с трудом.

Их заглушили крики толпы. В воздухе замелькали кулаки в направлении его головы. Тот, что старший, опять всех утихомирил:

- Ты прибыл на нашу планету, не зная её законов, и с первой минуты нарушил их. Ты будешь наказан!

Нейону Ти было мучительно и неприятно, он задыхался в липкой паутине. Говорить совсем расхотелось.

- Молчишь?! Значит, ты готов понести наказание! Снимите с него канитель!

Его освободили от сети. Он стоял, свободный, но грязный, чёрный с ног до головы.

- Что у вас тут творится? - медленно спросил он, растирая руки и аккуратно пряча фьючерс в ладони. Обыскивать его не собирались.

- Что происходит? Сейчас увидишь! Всё увидишь! - старший подтолкнул его в сторону шара, где он плюхнулся на какое-то сиденье.

Все забились в шары и те поднялись вверх. Внутри оказалось светло. Нейон Ти изнутри шара видел всё вокруг - и другие шары, и всё внизу, под шаром. Сколько видел глаз, там всё было затянато коричневыми зарослями. Вдалеке он увидел высокие деревья и не сразу понял, не сразу разглядел, что все они покрыты коричневыми грибами. Грибы свисали вниз безобразными лохмотьями. Грибы были повсюду. Всё служило для их роста и размножения.

- Сейчас всё увидишь! - гаркнул ему в ухо старший. - Ты почему опустился здесь, а не там, где тебя ждали?! Все сидели там, откуда шёл сигнал в космос. Ты что? Заблудился? Или неопытный?! - Все вокруг разом заржали, показывая на него пальцами. - Ты вон где должен был сесть, смотри!

В это время шар обогнул ближние холмы, и его звездолёт позади скрылся из виду. Зато впереди Нейон Ти увидел зловещую картину. Между ближними и дальними холмами тянулась долина. Вся её поверхность была утыкана безобразного вида колоннами. Они торчали повсюду, сколько видел глаз.

- Вот где ты должен был сесть, как все грамотные пилоты! А тебя куда занесло?! - в ухо ему летел пронзительный крик, вокруг дикий хохот.

- Что это? - тихо спросил он.

- Как что?! Ты ещё не понял?! Посмотрите на него! Откуда он взялся?! - опять жуткий смех вокруг.

Шар приближался к долине и тут Нейон Ти понял. Понял и перестал слышать всё окружавшее его. Он видел только их, там, внизу. Звездолёты. Космические корабли. Вернее, то, что от них осталось. Уже невозможно было определить по их очертаниям тип и класс звездолёта. Густые наросты из грибов и свисающие грибные лохмотья не позволяли это сделать. Все они превратились в плантации грибов, словно только для этого и были созданы разумом многих галактик. Грибы превратили их в жуткое зрелище бессилия былой мощи перед тихим всесилием молчаливых колоний неизвестной цивилизации.

- Зачем? Почему?

Нейон Ти не понимал. Только астронавигатор смог бы раз-

глядеть в этих безобразных колоннах признаки космических кораблей. Ничего не осталось от их могучих форм и красивых корпусов.

- Сколько их тут? - прошептал Нейон Ти.

- Теперь станет на один больше! - вокруг загоготали.

- За что их так? - ещё тише прошептал он.

- Законы у нас такие. Мы им служим. И ты будешь им служить. Всё пойдёт на корм грибам. Мы должны следить за этим. Мы сами грибы. А тебе ещё предстоит это.

- Что предстоит? - не понял Нейон Ти. Он не хотел ничего понимать.

- Как что? - нетерпеливо заорал старший. - Или стать грибом, или пойти на корм грибам! В любом случае от тебя будет польза! Но это уже не наше дело. Мы своё дело сделали! - все радостно загоготали.

- Это не страшно, что ты совершил посадку не в том месте. Теперь будут садиться рядом с твоим звездолётом. Только и всего! С этих пор твой звездолёт будет посылать в космос сигнал бедствия. Пока следующий не прилетит к нам, чтобы стать аварийным маяком, а твой звездолёт превратится в плантацию священных грибов. Эта цепочка непрерывна. Из неё не вырваться! Ещё ни один не пожалел, что попал к нам! Забот у тебя не будет! Главное - живи и служи нашему общему делу! Грибы любят покой, стабильность и тишину! Что может быть лучше этого?

Нейон Ти непроизвольно дёрнулся, но несколько рук сразу усадили его на место.

- Ну чего ты?! Теперь уже поздно! - старший даже похлопал Нейона Ти легонько по плечу и на оставшееся время полёта потерял к нему интерес.

Вокруг стоял невообразимый гомон голосов, но Нейон Ти ничего не слышал. Занятый своими мыслями, он не заметил изменений ландшафта внизу, под шаром. Там уже не было однообразной пустыни, покрытой грибами. Внизу отчётливо видны были улицы, перекрёстки, ровные кварталы домов. Внизу был город. Город своим видом напоминал, что он на планете грибов, где всё подчинено их процветанию. Стены домов, крыши, столбы, заборы, башни были облеплены хао-

тичными переплетениями грибов. Могло возникнуть только одно желание - схватить первый попавшийся под руку предмет и сдирать, срывать, сбивать отовсюду буйную плесень, превратившуюся в безобразные грибы, что захватили всю жизнь в свои цепи тишины, покоя и стабильного загнивания. Но судя по повсеместному буйству грибных зарослей, это желание Нейона Ти было незнакомо местным обитателям. Вокруг царили тишина и стабильный покой, заметные с высоты полёта шара.

Удивительными выглядели сами улицы, свободные от грибных плантаций. По ним можно было даже ходить. Это казалось странным. Но по ним ездил разнообразный транспорт, напоминавший коробки разных размеров и формы, покрытые до самой земли густыми грибными зарослями.

Больше Нейон Ти не успел ничего разглядеть. Шары резко пошли на снижение и опустились на площади, окружённой с трёх сторон высоким забором. Самого забора не было видно. По нему снизу доверху тянулся лохмотьями ковер из грибных ножек и шляпок. С четвёртой стороны вместо забора высилось здание. Об этом можно было догадаться по сверкавшим в лучах местного солнца оконным стёклам. Они проглядывали сквозь толщу грибов то там, то тут, напоминая о том, что перед вами здание, а не грибная клумба.

Разглядывать обстановку Нейону Ти было некогда. Его выволокли из шара и буквально потащили бегом через всю площадь к правому углу здания. Он не упирался, а едва успевал за конвоирами. Наконец его толкнули за узкую дверь и вслед за ним протиснулся старший.

- Следуй за мной! - рявкнул он и пошагал вперёд.

Они шли по длинному полутёмному коридору с приятной прохладой после духоты шара и уличной жары. Самым приятным оказалось то, что внутри не видно было грибов. Он с облегчением вздохнул. Шагавший впереди толкнул какую-то дверь справа и буркнул, пропуская его вперёд:

- Тебе сюда!

Нейон Ти вошёл в кабинет. Дверь за его спиной закрылась и в первое мгновение ему стало не по себе. Он попытался назад, но спина его наткнулась сзади на что-то мягкое и

прохладное. Он отскочил вперёд и пока оглядывался назад, услышал гневный крик:

- Э! Ты что делаешь?! Зачем тебя развязали, такого грязного?! Как посмели это сделать без адаптации?! - визжал на весь кабинет пронзительный голос.

За спиной Нейон Ти увидел вместо привычной двери, показавшиеся ему мерзкими, сплошные переплетения коричневых грибов по всей высоте, от пола до потолка кабинета. От его прикосновения осталась вмятина на грибном ковре. К ней -то и метнулся тенью хозяин кабинета, сорвавшись из-за своего стола и отпихнув Нейона Ти в сторону. Странная фигура остановилась перед дверью и начала бережно расправлять помятые грибы, бормоча при этом дрожащим голосом:

- Нет, ничего. Всё в порядке. Только примяты, - и уже громче, возвращаясь на своё место. - Повезло тебе! Все грибы целы! Пойдёшь по обычной процедуре. Хе-хе-хе! Не хватало мне ещё из-за вас всех попасть на грибную ферму! Это за мои-то заслуги! Повезло тебе, повезло, - хозяин кабинета уже сидел за столом. Стол стоял вдоль правой стены. Напротив двери было окно.

Густые заросли грибов снаружи слабо пропускали свет.

Нейон Ти пришёл в себя и теперь видел, что фигуру хозяина скорей надо было назвать омерзительной, чем странной. Дело было не в том, что фигура имела сгорбленный вид. Спереди, сзади, сверху и снизу её покрывали коричневые грибы. Они были всюду - на плечах, на руках, на голове, на лице. Смотреть на это было невозможно без отвращения. Перед ним сидело ходячее говорящее скопление грибов.

- Что смотришь? Не нравится? Поначалу все вы так. Ничего. Привыкнешь. Зеркала у нас давно запретили. Тебе не придётся любоваться собой, когда сам станешь таким. Э-хе-хе, - вздохнула фигура и начала возиться с папками, лежащими на столе. Получалось у неё это довольно ловко. Ни один гриб на теле не шелохнулся, как будто все они составляли единое целое с телом, на котором росли.

Нейон Ти потрянул головой, но видение не исчезло. Он видел всё в реальности и избавиться от неё не было возмож-

ности. Неожиданно он услышал:

- Присаживайся! Только осторожно! - ему указали на стул.

На сиденье грибов не было. Они покрывали только ножки и заднюю часть спинки. Нейон Ти осторожно присел на самый краешек и осторожно огляделся. Было от чего попятиться к двери. Стены, потолок, мебель в кабинете покрывали заросли грибов. Ему казалось, что он слышит тихое шуршание, слышит, как растут грибы во всех углах кабинета. Теперь у него уже не было ощущения, что его впахнули в этот кабинет как в пасть, на корм грибам. Этого бы всё равно не случилось. Фьючерс в ладони. Он в один миг обратит в пепел весь кабинет.

- Куда я попал? - не вытерпел Нейон Ти.

- В мой кабинет. Это моя новая должность. Я тоже когда-то сидел на твоём стуле. Мой нынешний вид может вызывать только зависть у таких, как ты. Неудивительно. Моя адаптация подходит к концу. Да. В последней стадии грибные отложения на моём теле перейдут в верхнюю часть и я стану настоящим, полноправным фангусом. Только фангусы могут быть хозяевами на планете Фангус. А пока я всего лишь на службе у фангусов. И это большая честь - гордо закончил он.

- Как ты сказал? Фангус? Планета Фангус? Я на планете Фангус? Никогда не слышал о такой, - покачал головой Нейон Ти.

- Забудь о том, что ты знал или не знал. Это уже неважно. Всё это тебе больше не понадобится, - грибная куча усмехнулась. - Чем раньше ты это поймёшь, тем быстрее пройдёт адаптация и ты получишь возможность наслаждаться спокойствием, тишиной и стабильной жизнью. Не думаю, что где-нибудь ещё тебе обещали все эти удовольствия сразу.

- Другими словами, мне предлагается стать частью плесени и превратиться в грибы?

- А что? У тебя есть выбор? Это во-первых, а во-вторых, уверяю, тебе понравится. Ты и сам не заметишь, как плесень сначала заведётся у тебя в мозгу от спокойствия, безделья и тишины, а потом разольётся вместе с кровью по всему телу. Тогда ты поймёшь, какое это счастье - быть грибом.

Вот просто сидеть и ничего не делать! Но для этого надо стать фангусом. И скоро я им стану, - опять гордо прозвучала фраза.

- Значит, это Фангус, - медленно, словно про себя, произнёс Нейон Ти. - Мне это ни о чём не говорит, кроме названия планеты. Кстати, как тебя зовут? Или вы все грибы?

- Нет, без имени нам нельзя. Фангусам - тем можно, а без имени служебной карьеры не сделать, чтоб дослужиться до фангуса. Мы сами придумываем себе имена. Главное, чтоб оно было не длинным. Фангусы не любят длинные имена. Не случайно моё имя помогло мне сделать карьеру. Меня зовут У. Да-а-а, фангусам нравится моё имя. Его легко запомнить. Как будут звать тебя? Выбирай! - У приготовился писать.

- Моё имя? Пусть будет Ти, - подумав, ответил он.

Ему удалось начать новую жизнь, не изменив своему имени. Очень хотелось верить, что фьючерс, спрятанный в ладони, и дальше поможет ему остаться верным своей прежней жизни.

- Так и запишем «Ти». Ну что же, неплохое имя. Считаю, первый шаг к адаптации сделан. Моя обязанность составить на тебя и таких, как ты, анкету и определить начальный уровень первой фазы адаптации в зависимости от готовности анкетированных к превращению в грибы, - при этом он быстро писал на чистом листе.

Но Нейона Ти интересовало другое:

- Много через тебя проходит таких, как я?

- И до меня проходили, и при мне проходят, и после меня будут проходить. Может, и после тебя тоже будут. Куда они денутся от нашей ловушки? Ты видел нашу Звёздную долину?

- Я видел большую стоянку заросших грибами кораблей.

- Это и есть наша Звёздная долина. Из звездолётов получается отличный корм для грибов, а из пилотов - отличные грибы. Мало кто из них идёт на корм. Большинство становятся грибами, некоторые вырастают до фангусов, но немногие. Фангусы - это высший уровень спокойной безмятежной жизни. У нас спокойная и стабильная жизнь на всех уров-

нях развития. От грибов до фангусов. Даже те, кто идут на корм, не проявляют неудовольствия. Недовольных нет. Счастливая жизнь.

- С запахом плесени, - не выдержал Нейон Ти. В кабинете, действительно, ощущалась сырость и попахивало гнильцой.

- Это с непривычки. Ты скоро не будешь этого замечать, - снисходительно ответил У, не отрываясь от бумаг.

- И ты не помнишь своё прежнее имя? Ведь ты не всегда был грибом?

- Прежнее имя? А зачем оно мне? Одни сами забывают его, другие после процедуры осветления мозга. Стирают память, если она мешает внедрению плесени в организм. Я не помню, сам я забыл своё имя или после осветления. В любом случае груз памяти не будет давить на тебя в новой жизни среди грибов. Даже если бы мне стёрли память, я бы всё равно знал, что прибыл на эту планету, а не родился на ней. «Фангус» на древнем языке местных обитателей означал «гриб». Поэтому планета Фангус и все местные называют себя фангусами. Я точно знаю, что не родился на этой планете. На обитателях планеты не растут грибы. Они только на таких, как я, попавших в ловушку аварийного сигнала. Если бы ты меня не перебивал, то я давно бы успел тебе всё рассказать. Так что слушай и запоминай. После моего инструктажа и анализа твоей крови тебе поставят три прививки. Постепенно. Первая нужна для ввода плесени в кровь. Вторая прививка для подготовки кожи к росту грибов. После неё твоё отличие от всех будет не таким заметным. Твоя кожа превратится в почву для грибов приятного коричневого цвета. Третья прививка стимулирует рост грибковых образований по всему телу. При этом они используют на корм твою одежду, поскольку необходимость в ней отпадёт. Грибам не нужна одежда.

- Но она нужна мне! - не сдержался Нейон Ти.

- Нужна, нужна! - миролюбиво и успокаивающе закивала голова с грибами. При этом У что-то черкнул в анкете. - Конечно! Всему своё время. Грибы созданы украшать мир. Твоё сознание ещё не готово к этой истине. Наша задача помочь ему.

Нейону Ти показалось, что грибы на голове У дружески улыбались после его последних слов.

- Наверное, я схожу с ума! Так не бывает! - вслух он ничего не сказал.

У продолжил:

- Внешний вид сразу выдаёт чужаков на планете, попавших в ловушку. Но к внешнему виду хозяев планеты тоже надо привыкнуть. Ты убедишься в этом. За тысячелетия поклонения грибам их облик эволюционировал. Они имеют тело, подобное твоему за исключением формы черепа. Ни мне, ни тебе никогда не достичь такого совершенства, - вздохнул У. - Никакое усердие и карьера не помогут, а пластические операции караются заключением в сушильную. Истинного фангуса ты увидишь издалека. Его череп в верхней части напоминает шляпу с широкими полями. Разве это не прекрасно?! С такой головой можно только наслаждаться покоем, тишиной и созерцанием. Они созданы для этого, - У опять вздохнул, сделал паузу. - Я буду не истинный фангус, а служебный. Грибные наросты отомрут. После этого меня полгода будут держать в фан-камере вниз головой. Плесень из организма соберётся в районе головы и образует на макушке заострённый изнутри нарост. Ещё немного и я стану фангусом среди грибов. Истинные фангусы могут ничего не делать где угодно. А я буду иметь право ничего не делать на службе. Разве что позволю себе иногда следить за тем, чтобы все вокруг работали.

- Но ты сказал, что грибы не работают. Просто растут и наслаждаются жизнью.

- Ты ничего не понял! Тебе надо стать грибом, чтобы понять. Всё дело в разных стадиях адаптации. Какая из них тебе понравится, на той ты и останешься, чтобы ничего не делать. Ведь ничего не делать можно по-разному. Разве ты не замечал?

- Нет! Не приходилось как-то. Наоборот, всегда не хватало времени.

- Вот видишь! - воскликнул У и снова что-то черкнул в анкете. - А здесь ты будешь купаться во времени, как в нежной ванне! Время будет убаюкивать тебя и всё оно будет

принадлежать тебе! Оно будет прорасти сквозь тебя вместе с грибами!

Нейон Ти покачал головой. Он всё равно ничего не понял, но У продолжил:

- Пора заканчивать анкетирование. Я определил начальный уровень твоей адаптации. Он крайне низок и требуется предварительная подготовка. Для начала ты окажешься в молчальне. Через полгода молчания и тишины ты сам захочешь стать грибом. Тогда наступит время первой прививки. А пока рано. Эй! В молчальню его! - громко крикнул он, закрывая папку с надписью на обложке «Ти».

Входная дверь открылась так осторожно, что не шелхнулся ни один гриб на ней, но Нейон Ти не видел этого:

- Стойте! Но как же так?! Почему вы все служите грибам? Как такое возможно? Вы, люди, наделённые разумом! Эта плесень способна только размножаться и заполнять собой всё вокруг. Любое действие на планете, даже приземление звездолёта, карается по закону, потому что приводит к гибели грибов! Грибам не нужна наука, искусство, технический прогресс, творческое мышление! Им нужны только покой и стабильность! Вас это устраивает?! Не понимаю! Вами правят грибы только для того, чтобы обеспечить себе комфортное существование. Их больше ничто не интересует. Их устраивает то, что вам всем безразлично ваше существование!

Нейон Ти понимал, что у него больше не будет шанса выговориться, вдруг его осенило:

- Подождите, а как же города на планете? Зачем и кому они нужны? Я видел город. Ваш дом находится в этом городе. А улицы? По ним ездит транспорт. Значит, существует какая-то жизнь на планете, а не только служение грибам!

Нейон Ти не видел, что за спиной стоял его конвоир с чёрной полосой на груди. У, казалось, тоже не замечал его. Он прервал речь неугомонного пленника:

- О каком городе ты говоришь? Это скопление домов, где служат такие, как я. Никто даже толком не знает возраст этих домов и кто их построил, зато новые споры грибов с этих домов такого качества, что их развозят по всей плане-

те. Ты говоришь «улицы»? Какие улицы? Между домами передвигаются фангумусы. Они заняты очень важным делом. Одни перевозят грибные споры между фермами, другие вывозят готовые модульные плантации для рассады в заданном квадрате. Процесс идёт непрерывно. Это тебе, чужаку, картина нашей гармонии кажется неуправляемым хаосом. Нельзя ставить тебе в вину твою нетерпеливость. Ты ещё даже не готов к процессу адаптации. Уверяю тебя, что уже после первой её стадии ты почувствуешь себя частью нашей цивилизации. А дальше тебе решать кем стать - кормом, грибом или фангумом. У нас свободный выбор, да! Я потратил на тебя лишнее время. Твоё место в молчалне. В камеру Z-8 его! - после этих слов У занялся своими бумагами.

Конвоир положил руку на плечо Нейона Ти:

- Будет исполнено! Следуй за мной!

Они долго шли по коридору, поворачивая то вправо, то влево, пока не спустились вниз, в подвал, по сырým скользким ступенькам. Там тоже был длинный узкий коридор с тусклым освещением. В помещении сырость, в воздухе затхлость.

- Тут плесенью покроешься раньше, чем внутрь её вколют, - усмехнулся он и вдруг понял, что служака У живёт в этом доме безвылазно. Вся жизнь для него проходит в этих стенах, только наверху, среди его грибов. И не надо ему ни города, ни улиц, ни солнца на улице. И все тут так.

Они шли по коридору мимо многочисленных дверей слева и справа, пока конвоир не открыл одну из них:

- Тебе сюда! Время пошло, а для тебя оно остановилось! Не будет у тебя теперь ни времени, ни забот. Один покой и тишина. Полгода ты будешь отвыкать от своего облика, а потом будешь привыкать к себе, к новому состоянию. Когда будешь похож на нас, мы примем тебя в нашу цивилизацию.

Дверь за ним со скрипом захлопнулась. Наступила полная тишина, он не услышал шагов конвоира, но полной темноты не наступило. В самом верху свет проникал в камеру через маленькое зарешёченное оконце. Видимо, оно было над самой поверхностью земли. Нейон Ти с облегчением вздохнул. Больше всего он опасался кромешной тьмы. Это-

го он бы не перенёс. Тишины он не боялся. Ему казалось странным, что грибы не понимают истинного положения дел. Для него, астронавигатора, проводящего в полётах годы своей жизни, тишина не могла быть мучительной пыткой для искажения сознания и превращения хоть в овощ, хоть в грибы. Он понимал, что должен непрерывно думать, если не хочет сойти с ума. Превращение в грибы начинается с головы - в этом он был уверен. Плесень внутри расползается оттуда.

А пока плесень была вокруг него. Даже при скудном свете снаружи в его лучах сверкали капельки влаги на стенах. В этом царстве сырости процветала одна плесень. Грибам не хватало света для комфортного обитания, а комфорт для обитателей камеры не полагался. Оглядевшись, Нейон Ти понял, что ему здесь полагалась только одна кровать. Подобие кровати с наброшенной на неё тряпкой. И больше ничего. Он бросился к двери и начал колотить в неё ногами:

- Откройте! Здесь нет стола! Меня что? Не собираются кормить полгода?! Здесь нет ничего, в чём нуждается человек в своей жизни! Это издевательство!

Дверь отворилась, и в первый момент Нейон Ти отпрянул назад. Ему показалось, что служака У опять сменил свою службу и пришёл к нему в камеру. Перед ним стояла живая гора с руками и ногами, покрытая грибами. Ни глаз, ни рта, ни носа - ничего не видно. Но голос оказался совсем другим. Видимо, один из тех, что на последней стадии адаптации.

- Ну, и что шумим? Шуметь не положено. Меня предупреждали, что ты шумный. Это ничего. Первое время у многих так бывает. Вопросы здесь не задают и не отвечают на них. У нас тихо и мирно все сидят. У грибов нет вопросов.

- Но я не гриб, ты не видишь?! Тут нет стола. Меня не будут кормить? Нет самых элементарных удобств для нужд человека!

Грибная гора терпеливо выслушал его крики:

- Похоже, тебе ничего не объяснили. Кормить тебя будут три раза в день. Нужды никакой ты испытывать не будешь. Грибы не нуждаются ни в каких удобствах. Твоя пища будет близка к пище грибов. Она будет растворяться в твоём орга-

низме, и ты забудешь про свои человеческие нужды. Этот первый шаг к адаптации понравится тебе. Ты будешь свободным от человеческих потребностей и быстро отвыкнешь от них. И это только начало тех возможностей, что откроются перед тобой в дальнейшем!

- Но кровать! Она сырая! К ней противно подходить!

Грибная гора была невозмутимой:

- Это не кровать, а трейлерный увлажнитель. Для увлажнения кожи. Через три месяца кожа твоя пропитается влагой для формирования слоя плесени. Это ускоряет и облегчает формирование грибных спор на теле. Всё продумано, чтобы тебе было легче пройти адаптацию. Не беспокойся ни о чём! - грибная гора повернулась. Дверь закрылась.

Нейон Ти отступил назад и с отвращением присел на то, что называл кроватью. Он через одежду чувствовал сырость. Ему ответили на все вопросы. Ответы оказались хуже, чем сама действительность.

- Ну и чёрт с ними! - Нейон Ти решительно бросился на кровать и вытянулся во весь рост. - Буду лежать, пока не высушу её своим теплом!

Лёжа на спине, он согнул одну ногу в колене, вторую закинул на колено, руки сунул под голову и устался в потолок, - он всегда любил думать в такой позе. Наконец ему никто не мешал, и он мог спокойно думать.

Но сосредоточиться не получалось. По потолку прыгали солнечные зайчики, отражаясь от стен. Ему казалось, что в отблесках света плесень радостно шевелится в предвкушении долгожданной добычи.

Вместо размышлений он незаметно для себя уснул и увидел, как с потолка, со стен сползает живой серый ковёр и закутывает его в кокон, а в ушах звучит тихий шёпот «Мы теперь одно целое. Ты тоже плесень. Ты наш». Нейон Ти вздрогнул, очнулся и сел на кровати. От его движений что-то упало. Он услышал слабый стук об пол, пока тёр виски и приходил в себя. Кровать, действительно, немного просохла под ним и не вызывала мерзких ощущений.

Когда окончательно пришёл в себя, понял, что что-то не так. Чего-то не хватает. В какой ладони он прятал фьючерс?

Обе руки теперь были пусты. Пока просыпался, уронил его на пол. Как он мог про него забыть?! Оставалось только порадоваться всеильной деградации грибов. Похоже, он мог спрятать за пазухой дальнобойный гравимёт, и его бы никто не обыскал. «Они никого не подавляют, не угнетают, ни с кем не воюют. Кого им бояться? Кто захочет противостоять их блаженному спокойствию, тишине и стабильности? Вот и я должен чувствовать себя счастливым. Скоро мои человеческие желания не будут мне мешать жить». Мысли тоже не мешали Нейону Ти шарить руками на полу. Он стоял на четвереньках и пытался найти фьючерс. В такой позе и застал его охранник. В двери камеры открылось окно, камера наполнилась невыносимым хохотом и криком:

- Такого сорта грибов я ещё не видел! Ха-ха-ха! Гриб на четырёх ногах! Это надо всем показать! Ха-ха-ха! Фангусы будут в восторге!

Нейон Ти вскочил на ноги, но не успел ничего сказать, да его никто и не спрашивал.

- Тебе корм! - В окошко ему совали пакет. - Можешь есть вместе с пакетом, - окошко захлопнулось.

Нейон Ти взял пакет двумя руками и сел на кровать, осторожно заглянул внутрь. Там колыхалось что-то вязкое, наподобие киселя или желе. Запаха никакого. Ему это есть? Как?! Как вообще он будет тут существовать полгода, брошенный в камеру чёрным от сажи, грязным с ног до головы? Его никто не поймёт. Для грибов не существует никакой грязи. Он осторожно поднял пакет над головой и наклонил вниз, поднеся ко рту. Желе медленно поползло из пакета. Нейон Ти закрыл глаза и проглотил вязкий комок. Никакого вкуса, словно скользкая вата. Он откусил кусок пакета там, где не держал грязными руками. Что-то наподобие ржаных галет, но затхлый привкус напоминал, что это не галеты. Это материал, из которого будут расти грибы в его организме. Он торопливо сплюнул разжёванный пакет. Но если не есть, то пропадёшь быстрее, чем станешь грибом. Он не мог не есть. Ему пришлось глотать желе и чувствовать, как голод отступает.

Пакет он постелил под голову и снова улёгся на кровати в

любимой позе. Потолок погрузился в темноту и ничто не мешало думать. Единственное, что ему осталось. Нейон Ти усмехнулся своим мыслям:

- У них всё заранее запланировано и предусмотрено. Наверное, они знают срок, когда у меня пропадёт способность мыслить. Ничему не удивлюсь. На любой вопрос у них есть самый неожиданный ответ. После их ответов не хочется ничего спрашивать.

Вдруг Нейон Ти соскочил с кровати и начал шарить по полу руками:

- Чего я разлётся? Как я мог забыть? Неужели их пища так разжигает мозг? - испугался он своему подозрению, но тут же успокоился. Фьючерс наконец был в его руках. Маленький коробок холодил ладонь. Им говорили во время инструктажа, что это последняя модель, но пользоваться такой штуковиной не приходилось до сих пор. Оставалось только радоваться, что в последний момент он умудрился захватить его с собой.

На ладони лежал обычный с виду коробок. Его корпус из кардаминового сплава тускло поблескивал стальным цветом даже в темноте. Он был плоский. Верхняя и нижняя грани имели квадратную форму, а толщина четырёх боковых граней была не толще пальца. Нейон Ти видел подобный этому спичечный коробок давно, в музее истории Земли, но тот имел совсем другое предназначение.

Верхняя и нижняя грани были командными, а боковые - исполнительными. Главное, направить в сторону опасности грань нужного действия - это он хорошо помнил.

- Что там говорили про них? - он поднёс фьючерс к глазам и заметил слабое свечение от него, позволявшее рассмотреть всё в подробности. На верхней грани имелось углубление. Там была спрятана кнопка. Что он знал о боковых гранях? При нажатии кнопки работает та грань, что направлена прочь от тебя. Остальные зажаты в ладони. Одна грань излучает шок-импульс для нейтрализации противника. Луч второй грани может резать любой материал. Третья грань способна выжечь всё вокруг. Это он помнил точно. Четвёртая грань, при направлении её вверх, делает тебя невиди-

мым для любых приборов локации или сканирования. Не предполагал Нейон Ти, что когда-нибудь ему придётся полагаться не на себя, а на этот коробок. Его собственные возможности не могли ему помочь. Какие там возможности в мире покоя, безмятежного блаженства и стабильной жизни грибов?

Но как ему мог помочь фьючерс? Нейон Ти не мог взять в толк, как ни прикидывал в своих размышлениях. Сможет ли он помочь против грибов? Может, их нервная система атрофирована настолько, что шок-импульс бессилён против их организмов? Что ему делать? Разрезать пополам это здание? Выжечь все плантации грибов на зданиях и везде, где попадутся на глаза?

- Меня не поймут! Да и вряд ли фьючерс справится со всеми грибами на планете. Он не для этого. А для чего? Для того, чтобы спасти меня от опасности. Значит, я должен спасти себя, а не планету. Планету спасти надо другими способами. Нет, - тут же он возразил сам себе. - Сначала надо от планеты спасти звездолёты, спасти от её ловушки. Сколько их ещё будет? Я должен спастись. Всё остальное потом.

Он понимал, что времени у него мало. Но прошла одна неделя, вторая, а он ничего не мог придумать. Вся его кровать была застелена пакетами из-под корма и не казалась уже неудобной. После очередного кормления он ложился на кровать и пытался вспомнить последнюю мысль. Это не всегда получалось. У него даже возникло сомнение «А была ли она вообще, эта мысль, чтобы вспоминать её?». Он привык три раза в день получать корм и не испытывал к нему отвращения. Еда как еда, утоляет голод.

Очнулся Нейон Ти внезапно. Это случилось, когда перед кормлением открылось окно в двери, и он потянулся к нему за пакетом. Но тут же отскочил прочь от двери, словно увидел что-то страшное. К тому времени вид коричневых грибов вместо лица уже не мог испугать его. Нет. Там, в окошке он увидел черты обычного, человеческого лица! Это было скорей неожиданностью, чем испугом.

- Эй! Ты чего это? - услышал он. Говорил тот, за дверью. - Не бойся. Привыкай! Я сегодня первый раз назначен на де-

журство, хотя у меня только вторая стадия адаптации. Но я уже служу! К твоему выходу из молчальни ты меня не узнаешь. Грибы уже начали прорастать сквозь одежду. Ты боишься щекотки? - неожиданно спросил он шёпотом. Видимо, ему не терпелось поболтать. - Это жутко щекотно, когда грибы начинают расти, - его рука продолжала протягивать в окно пакет с кормом.

Нейон Ти взял пакет и отошёл от двери. Ему надо было успокоиться. Там, за окошком, он вдруг увидел самого себя, словно заглянул в будущее. Он так же будет ходить и раздавать по камерам пакеты. Будет называть это службой на фангусов. Он бросился на кровать и не притрагивался к пакету до следующего кормления. Всю ночь он не мог уснуть. Это пошло на пользу. К утру он знал, что надо делать.

Когда в окно двери просунули очередной пакет с кормом, он не встал с кровати, не подошёл к двери. Он даже не смел своей позы и продолжал лежать неподвижно. Пакет был брошен на пол. Второй пакет после этого оказался там же.

Нейон Ти никак не реагировал. Во время третьего кормления вместо окошка открылась дверь и вошла грибная гора:

- Нарушение режима не допускается. Ты должен питаться или тебя будут кормить принудительно. Для твоего же блага, - голос был спокойный, даже равнодушный.

Неон Ти продолжал лежать на кровати:

- У меня приступ печёночной амнезии, - произнёс он первое, что пришло ему в голову. - Вам, грибам, этого не понять. Мой организм ещё далёк от вашего совершенства. Такое со мной бывало и раньше во время полётов. Я забыл вас тут предупредить. На борту звездолёта я принимал в таких случаях пилюли «броксиз». Я их сам готовил из смеси порошков. Хранению они не подлежат. Принудительное питание мне не поможет, я не смогу пройти адаптацию без своих пилюль. Моя печень будет отторгать корм и грибы на мне начнут гибнуть, - Нейон Ти развёл руками. - Мне нужны пилюли для приёма корма, - он снова отвернулся к стене и услышал, как дверь закрылась. Оставалось только ждать. Любой ценой он должен попасть в звездолёт. Никакой фьючерс ему в этом не поможет.

Реакция на его слова оказалась незамедлительной. Прошло совсем немного времени, он даже не успел повернуться с боку на бок. Дверь открылась. Вошли сразу две грибные горы. В одной из них он по голосу без труда узнал У, будущего фангуса, потому что тот заговорил:

- Нас радует твоя успешная подготовка к адаптации, но должны огорчить тебя. У нас нет никаких пилюль, как нет и проблем со здоровьем. Ты скоро забудешь о них. Но для этого тебе надо питаться. Ты уж постарайся!

- Я сам себе могу помочь, потому что готовлю их сам каждый раз. В звездолёте для этого есть всё необходимое. Сами видите, что мне ещё рано говорить о готовности к вашей жизни.

У настроен был дружелюбно:

- Не хватало мне ещё испортить карьеру из-за каких-то пилюль. Твоя адаптация пройдёт успешно. Мы всё для этого сделаем. А пока постарайся набраться сил, - он протянул пакет. Нейон Ти остался один. Он не знал, что от них можно было ожидать и терялся в догадках. Не притащат ведь они, в конце концов, звездолёт под окна его тюрьмы!

Когда потолок осветили солнечные лучи нового дня, дверь снова открылась. На этот раз появился его прежний конвоир, с чёрной полосой на груди:

- Получен приказ доставить тебя к месту посадки. Ты сможешь взять всё, что тебе нужно. Скоро тебе ничего будет не нужно. Потерпи немного!

Они вышли из здания на яркий свет. Нейон Ти успел от него отвыкнуть. Он, как мог, прикрывал глаза руками. Посреди двора стоял знакомый ему серебристый шар. На этот раз в шар сели только они с конвоиром. Нейон Ти не испытывал больше ни любопытства, ни интереса к окружавшим его грибам, к этой планете, пропитанной плесенью. Однако ему пришлось невольно удивиться, когда он вышел из шара рядом со своим звездолётом. Вокруг ничто не напоминало о недавней посадке на планету. Со всех сторон к звездолёту подступали коричневые плантации грибов. Сплошной ковёр из шляпок чуть возвышался над землёй. Вокруг звездолёта оставалась свободной узкая полоска. Шар опустил-

ся на самом краю этой полоски на три опоры, не повредив ни одного гриба.

Недалеко от звездолёта стоял другой серебристый шар. Его квадратный люк сбоку был открыт. Из него вылезли трое и приветливо замахали руками. Конвоир Нейона Ти жестом ответил им, обращаясь к Нейону Ти:

- Это они не нас охраняют, а ловушку. В любой момент может прибыть новый корабль. Тогда у нас будет новая ловушка, а твой корабль пойдёт на корм грибам. Видишь? Они уже ждут вокруг.

Нейон Ти промолчал. Дальше всё случилось очень быстро. Так, словно он накануне тщательно отрепетировал свои действия. Входной люк в звездолёт был открыт. Нейон Ти увидел, что трое охранников не спешат возвращаться в шар. Они стояли поодаль и тихо беседовали между собой. Нейон Ти не ожидал, что его конвоир первым полезет в звездолёт. Раздумывать было некогда. Он нащупал вторую грань фьючерса и на вытянутой руке направил её в сторону шара охранников. Те даже не обратили внимания на его жест. От нажатия кнопки серебристый шар мгновенно развалился на две половинки, как большое яблоко от удара ножом. Обезумевшие охранники с дикими воплями бросились врассыпную. Им было не до ловушки, не до грибов, гибнущих под ногами. И сами они в этот момент не походили на хладнокровные, безразличные грибы. Нейон Ти повернулся в сторону шара, на котором его доставили к звездолёту. Две серебристые половинки плюхнулись в разные стороны, давя под собой несметные полчища грибных шляпок.

- Всем лежать и не двигаться! - как можно громче прокричал Нейон Ти.

Охранники, как подкошенные, попадали, образовав вокруг себя грибное месиво. Нейону Ти не понадобилось включать шок-импульс. Они и так были шокированы. Но куда подевался его конвоир? Он собирался войти в звездолёт. Сейчас его нигде не было. Нейон Ти бросился к входному люку. Это его спасение. Люк закрылся за ним и он поднялся наверх, в центральный пост. Ему казалось, что запах плесени неотступно следует за ним, заполнив все отсеки звездолё-

та. Он не мог забыть запах звездолёта, который ему всегда нравился. Запах кондиционированного воздуха, технической мощи, вызывавший аппетит к жизни.

Нейон Ти увидел, что колпак блока аварийной космической связи разбит и аварийный маяк включен. Звездолёт посылал в космос сигналы бедствия. Первым делом он заблокировал сигнал. Ловушка прекратила работу. Он с облегчением вздохнул. Позади послышались шаги. Он обернулся. На него шёл конвоир. Он первым оказался в звездолёте.

- Включи маяк! - потребовал он.

Нейон Ти не собирался вступать с ним в борьбу. Он включил шок-импульс. Никто не испытывал фьючерс на грибах. Видимо, такой вариант не предусматривался авторами прибора.

- Ты что делаешь?! - раздался крик.

Руки конвоира висели плетьюми, ноги не двигались, а голова действовала без изменений. Мозг грибов не поддавался импульсам прибора. Но Нейону Ти этого было достаточно. Под крики конвоира он связал его по рукам и ногам и уложил в сторонке. Тот продолжал кричать.

Нейон Ти включил программу запуска двигателей и после этого бросился в душ. Пока шла подготовка к старту, он с наслаждением избавился от грязных лохмотьев, едва не превратившиеся в корм для грибов.

Первые мгновения под душем он будет вспоминать потом всю жизнь. Раньше он никогда не задумывался над тем, что такие мелочи жизни, как душ, определяют всю нашу жизнь. Чем меньше мелочь, тем больше её отсутствие мешает жить. Теперь он это знал. Он оделся, вылил на себя полфлакона одеколona, чтобы избавиться от запаха плесени, и вернулся в центральный пост.

Программа старта отработана на пятьдесят процентов. Пошёл прогрев двигателей. Теперь он вспомнил наконец про связь и включил систему в работу. В то же время прозвучал громкий сигнал приёма:

- ... почему не отвечаете? Борт седьмой! Говорит борт 2046! Иду к вам на помощь! Почему прекратился сигнал? Буду через семьдесят пять часов!

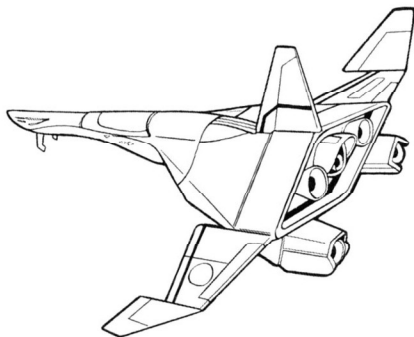
Нейон Ти перебил голос:

- Борт 2046 и все, кто меня слышит! Говорит борт седьмой! Звездолёт службы БМБ планеты Земля! Аварийный сигнал отменяю! Всем на прежний курс! Счастливого полёта! Конец Связи!

- Удачи, дружище! - было последнее, что слышал Нейон Ти.

Теперь он был окончательно спокоен за будущее Фангуса. Будущего у него не будет. Нейон Ти почувствовал мелкую дрожь кресла и пристегнулся. Программа выводила тягу двигателей на стартовую мощность. Приятно было сидеть в кресле и осознавать, что всё осталось позади. Всё, кроме гостя на борту. Тот продолжал лежать, связанный. Он больше не кричал, а молча оглядывался по сторонам. Нейон Ти встал и подошёл к нему:

- Что мне теперь с тобой делать? Ты понимаешь, что обратной дороги тебе нет. У вас на планете я на своём опыте убедился, как быстро можно человека превратить в гриб. Мне повезло, что плесень не успела добраться до моей головы. Бесполезно надеяться на мозг, когда от тебя в жизни требуется одно - покой, безразличие ко всему, равнодушные и стабильное выживание под слоем плесени. Кто может устоять перед этим? Ваша Звёздная долина лишь подтверждает, что никто не смог противостоять власти грибов. Что мне с тобой делать? - повторил Нейон Ти. - Человека в гриб превратить легко. Попробую из тебя сделать человека, - пожал он плечами. - Спокойствия не гарантирую. Тут одно может быть лекарство - труд. Даже адаптация и прививки тебе не потребуются. А что в самом деле? Говорят, что труд превратил когда-то обезьяну в человека. Почему бы ему не превратить гриб в человека?

Нейон Ти не спешил развязывать своего пленника. Он ухватил его в охапку и усадил, прислонив спиной к переборке отсека:

- Это даже хорошо, что ты оказался здесь. Никто не сможет усомниться в том, что твоя планета существует. Только вот как её найти? Она не указана ни на одной звёздной карте. Её нет в каталоге планет электронной базы данных.

- И не найдёте! А мы находили и будем находить звездолёты на корм грибам! Я фангус! - гордо воскликнул его пленник. - Только мы имеем право охранять ловушку на планете. Это наше единственное занятие и это наш долг. Я не знаю о каком таком труде ты говорил, чужак. Это не для нас, истинных фангусов. Наше дело - обращать в грибы таких, как ты. Я не знаю, о каком человеке ты говорил, но я знаю, что из меня получится только фангус. На вашей планете я могу научить вас жить так, как положено настоящим грибам!

- Это вряд ли, - усмехнулся Нейон Ти. - Прошли те времена. Фангусов у нас нет.

Его надеждам и планам не суждено было сбыться. Он вернулся на Землю без единого доказательства своих приключений. Фангус оказался прав. Прошло совсем немного времени в полёте, и с ним начали происходить неприятные перемены. Он не мог есть пищу, а кроме того, вскоре начал задыхаться. Его лёгкие, пропитанные плесенью, усыхали от воздуха звездолёта. На спектроснимке это было отчётливо видно. Им не хватало влажности, пропитанной бактериями родной планеты. Нейон Ти был в отчаянии. Фангус таял на глазах. С каждым днём он съеживался всё больше, как пробитый воздушный шарик. Он не испытывал боли и мучений, а постепенно усыхал в чуждой среде обитания. Его можно было доставить на Землю живым только вместе с его гнилой планетой. Нейон Ти понимал это, но вины своей не чувствовал. Фангус оказался на борту не по его воле. Нейон Ти давно развязал его, он всё равно не мог двигаться, а просто лежал неподвижно в амбулатории на кровати.

- Я исчезну как истинный фангус! Ничто не заставит меня суетиться, волноваться, бороться за свою жизнь. Это не для меня, - он успел произнести последние слова. Всё это вре-

мя его серебристый комбинезон съёживался в комок вместе с ним, больше напоминая кожу, чем одежду.

- Наверное, для фангуса мой звездолёт стал сушильной. Кто знает? Я был только в молчальне, - Нейон Ти мог лишь теряться в догадках.

В то, последнее для фангуса утро, от него остался на кровати крохотный бесформенный комок серого цвета. Он был невесомым, словно клочок бумаги. Нейон Ти избавился от него. Положил в контейнер и выбросил в открытое пространство.

Так закончилась эта история, но не её последствия для Нейона Ти. Он вернулся на Землю, не выполнив задания. Его отчёт о полёте больше походил на оправдание, чем на официальный документ. В указанном им секторе Вселенной никакой планеты не обнаружили. Несмотря на это в Правила полётов было внесено изменение с учётом того факта, что долгие годы звездолёты бесследно исчезали по неустановленным причинам. Теперь Правила запрещали экипажам звездолётов менять курс и двигаться на сигнал бедствия, если он подаётся в автоматическом режиме. Экипажу предписывалось выйти на связь с аварийным бортом и запросить подробности аварии. Практика полётов покажет эффективность этой меры.

Слабым подтверждением его слов был результат анализов. У него в лёгких нашли следы серой плесени неизвестного происхождения. После этого он был помещён на восемь месяцев в стерилизатор до полного выведения инопланетной субстанции из организма.

В отличие от былых своих приключений Нейон Ти понимал в этот раз, что ему нечем гордиться. Он никого не спас, никого не победил, никто и ничто не грозило ему смертельной опасностью. Да и какой это подвиг, казалось бы - победить грибы?!

Для себя он считал подвигом то, что остался человеком. В глубине души он радовался, что на родной Земле у него никогда не будет угрозы превратиться в фангуса. Он знал, что его ждёт новая работа.

07. 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕТСТВО. ЦИРК И.... (рассказ).....	3
СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ (рассказ из серии «Ну и ну!»).....	16
ТАНЮШКИН ДАР (рассказ).....	26
ДОМ ДЛЯ АЛТАНАЯ (рассказ).....	37
АКЦИЯ (рассказ).....	60
ОТЧЁТ (сказка для взрослых).....	71

ФАНТАСТИКА

ЧЕРНАЯ ДЫРА (рассказ) Из звёздных мемуаров Нейона Ти.....	82
НЕШТАТНАЯ СИТУАЦИЯ (рассказ) Из звёздных мемуаров астронавигатора Нейона Ти.....	115
АНТИК (рассказ) Из звёздных мемуаров Нейона Ти.....	153
ПОСЛЕДНИЙ ШАНС (рассказ) Из звёздных мемуаров Нейона Ти, астронавигатора.....	186
РАССЛЕДОВАНИЕ (рассказ).....	219
ЧЁРНОЕ МОРЕ СТРАХА (реалистическая фантастика).....	242
ФАНГУС (рассказ) Из мемуаров астронавигатора Нейона Ти.....	267

ПРИМЕЧАНИЯ

Сергей ОЛЬКОВ

АКЦИЯ

ПРОЗА ФАНТАСТИКА

Верстка - Владимир Филимонов
Обложка - Павел Севастьянов

Отпечатано в.....